

МОЛДАВСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗВЕСТИЯ

Молдавского филиала
АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 3—4 (11—12)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛДАВИИ
КИШИНЕВ • 1953

ИЗВЕСТИЯ

Молдавского филиала
АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 3—4 (11—12)

Д. Е. ШЕМЯКОВ,
кандидат исторических наук

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Ответственный редактор — действительный член Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, доктор геолого-минералогических наук *Н. А. Димо*

Члены
редакционной коллегии:

кандидат исторических наук *Я. С. Гросул*
кандидат биологических наук *А. Г. Барановский*
кандидат биологических наук *С. М. Иванов*
кандидат биологических наук *В. Н. Андреев*
кандидат биологических наук, профессор *Д. А. Шутов*
кандидат сельскохозяйственных наук *А. А. Петросян*
кандидат геолого-минералогических наук *П. В. Иванов*
кандидат технических наук *Р. Д. Федотова*
доктор биологических наук *А. И. Ирихимович*
кандидат филологических наук *А. Т. Борщ*

Ответственный секретарь — кандидат исторических наук *Н. А. Мохов*

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТИРАСПОЛЬСКОМ УЕЗДЕ в 1905—1907 гг.

Революционное движение в Молдавии в период революции 1905 г. мало изучено. Русская буржуазная историография и особенно молдавско-румынские буржуазные националисты сознательно фальсифицировали исторические события в Молдавии в период первой русской буржуазно-демократической революции (1905—1907 гг.).

В Государственном историческом архиве СССР, среди дел департамента полиции и в буржуазных газетах того периода, имеются десятки донесений с мест о крестьянском движении в 1905—1907 гг. В период революции 1905—1907 гг. в Молдавии, как и по всей России, имело большой размах революционное движение в деревне. Оно возникло по тем же причинам, что и в России, и составляло часть общероссийского революционного движения. Это наглядно можно проследить на примере Тираспольского уезда.

Подавляющее большинство крестьянских хозяйств Тираспольского уезда, как и всей России, испытывало острое малоземелье. «Крестьянское малоземелье», — писал В. И. Ленин, — это значит помещичье многоземелье*.

Большинство земли, и притом самой лучшей, находилось в руках помещиков и буржуазии.

Как распределялась земля в Тираспольском уезде между различными категориями землевладельцев в 1905 г. можно видеть из следующей таблицы:

Категория владельцев	Число владельцев или дворов	Количество земли в тыс. десятин	Количество земли в десятинах (в среднем на один двор)	Процент к общему количеству земли
1. Дворяне	257	125	487,3	19
2. Купцы, мещане и другие крупные землевладельцы	1127	264	234	41
3. Государственные и церковные земли	—	48	—	7
Итого	1384	437	—	67
4. Крестьянские наделные земли	26 740	216	8,1	33**

* В. И. Ленин, Соч., т. 12, изд. 4, стр. 241.

** Таблица составлена по данным «Статистики землевладения 1905 г.», вып. XVI, Херсонская губ., СПб, 1906, стр. 10.

17942
Библиотека Книжного
Филиала АН СССР

Из этой таблицы видно, что незначительная группа помещиков и других крупных землевладельцев имела в своих руках более двух третей всей земли, а на долю 26,7 тыс. крестьянских хозяйств оставалось лишь 33%.

Быстрое развитие капитализма в сельском хозяйстве в пореформенный период усиливало классовую дифференциацию деревни Тираспольского уезда. Происходило массовое разорение и обнищание бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств.

В начале XX века в уезде было около 11% безземельных крестьянских хозяйств, а из тех крестьян, которые владели землей, 31,2% были мало-земельными.

В то же время кулацкие хозяйства, имевшие свыше 10 десятин и составлявшие одну шестую часть от общего числа дворов, сосредоточили в своих руках одну треть всей наделной крестьянской земли. Кроме того, в руках кулачества сосредоточивалась вся купчая земля. Им же принадлежало большинство рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря, садов и виноградников.

Согласно военно-конской переписи 1904 г. в Тираспольском уезде имелось 35% безлошадных крестьянских хозяйств. Часто крестьянская беднота владела такими нищенскими участками земли, что не имела возможности вести собственное хозяйство. Например, в селе Токмазея из 1566 десятин земли помещику Ганул и кулакам принадлежало 1006 десятин, а на долю 288 бедняцко-крестьянских хозяйств оставалось 560 десятин*. Около сотни крестьянских хозяйств этого села совсем не имели земли, а 70% крестьян, из-за отсутствия рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, сдавали свою землю в аренду местным кулакам-мироодам**. Разумеется, село Токмазея не являлось исключением, а, наоборот, отражало действительную картину крестьянской жизни в дореволюционной Молдавии.

Приведенные данные (см. табл. на стр. 3) убедительно говорят о резкой дифференциации крестьянских хозяйств, о росте нищеты в молдавской деревне в пореформенный период.

«Все пореформенное сорокалетие, — писал В. И. Ленин, — есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой... Крестьяне голодали хронически, и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожая, которые возвращались все чаще и чаще»***.

Особенно тяжело жилось батракам. Наличие большой резервной армии труда в деревне (в лице сельскохозяйственных пролетариев) и непрерывное ее возрастание приводило к систематическому усилению эксплуатации батрачества. Батраки работали от зари до зари, а получали за свой тяжелый изнурительный труд нищенскую зарплату — от 30 до 50 копеек в день. Помещики и кулаки жестоко эксплуатировали батраков и бедняцко-середняцкие крестьянские массы. Десятки и сотни крестьян-бедняков бродили по селам в поисках работы, хотя бы за ничтожную плату, а иногда — только лишь за пищу.

Положение батраков в помещичьих экономиях было исключительно

тяжелым. В. И. Ленин, приводя результаты обследования санитарных условий быта батраков в Херсонской губернии, в которую входил Тираспольский уезд, писал: «Санитарное исследование, произведенное (далеко не в полных размерах) в 1889—1890 гг., приподняло краешек завесы, накрывающей условия труда в деревенских захламленных помещениях; когда есть казармы, — они устроены обыкновенно весьма антигигиенично, «не особенно редко» попадают и землянки — в них живут, например, чабаны (пастухи овец), сильно страдая от сырости, тесноты, холода, темноты, душной атмосферы. Питание рабочих очень часто неудовлетворительно. Рабочий день продолжается в общем от 12½ до 15 часов, т. е. гораздо продолжительнее обычного рабочего дня в крупной промышленности (11—12 часов). Перерывы работы во время самого сильного жара встречаются лишь «как исключение», — и случаи мозговых заболеваний не редкость»*.

Но еще в более тяжелых условиях приходилось работать батракам у немцев-колонистов.

В Тираспольском уезде жило много немцев-колонистов, они жестоко издевались над батраками, заставляли их работать до изнеможения. Вот что писал об этом В. И. Ленин: «Мужики-хуторяне и немцы-колонисты отбирают себе рабочих «на выбор», платят им на 15—20% дороже, но и сумма работы, которую эти хозяева «выжимают» из рабочих, — выше на пятьдесят процентов...». «Девки» у такого хозяина не знают, как они сами говорят, «ни дня, ни ночи». Колонисты, нанимая косарей, заставляют идти в последней ноге (т. е. подгонять рабочих!) своих сыновей *посменно*, так что сменяющиеся подгоняльщики становятся раза три в день со свежими силами, подгоняя рабочих: «оттого по истощенному виду так легко узнать работавших у немцев-колонистов. Вообще мужики-хуторяне и немцы избегают нанимать рабочих, служивших раньше во владельческих экономиях: «Вы у нас не выдержите», говорят они прямо»**.

Характеризуя тяжелое положение крестьян России, И. В. Сталин в 1901 г. писал: «Стонет распухшее от постоянной голодовки русское крестьянство, обнищавшее вследствие непосильных налоговых тягот, отданное в жертву торгашам буржуам и «благородным» помещикам»***.

К этому тяжелому экономическому положению крестьян надо прибавить и их политическое бесправие. Исключительно яркая характеристика политического бесправия рабочих и крестьян России дана в «Кратком курсе истории ВКП(б):

«Над рабочими и крестьянами стояла целая армия исправников, урядников, жандармов, полицейских, стражников, которые защищали царя, капиталистов, помещиков против трудящихся, против эксплуатируемых. До 1903 года существовали телесные наказания. Несмотря на отмену крепостного права, крестьян пороли розгами за малейшую провинность, за неуплату податей»****.

Вся эта свора тупоумных и невежественных царских чиновников содержалась за счет бесчеловечной эксплуатации рабочих и крестьян.

Трудящиеся массы в Молдавии испытывали тяжелый национально-колониальный гнет со стороны царизма, русских помещиков и буржуазии.

«Одной из язв старой России, — писал И. В. Сталин, — бросавших на нее тень позора, является язва национального гнета.

* В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 208—209.

** Там же, стр. 207—208.

*** И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 21.

**** История ВКП(б), Краткий курс, стр. 6.

* Социалистична Молдавия. № 247 от 27 октября 1935 г.

** Там же.

*** В. И. Ленин Соч., т. 4, изд. 4, стр. 396.

Религиозные и национальные преследования, насильственное обрусение «инородцев», гонение на национальные культурные учреждения, лишение избирательных прав, лишение свободы передвижения, натравливание национальностей друг на друга, погромы и резня, — вот он позорной памяти национальный гнет*.

Царское правительство всячески ограничивало народное просвещение, особенно нерусских национальностей.

В начале XX века около двух третей детей школьного возраста в Тираспольском уезде не было охвачено учебой.

Плохо было поставлено и медицинское обслуживание населения. В деревнях абсолютно не было медицинских врачебных пунктов, а фельдшерские медицинские пункты были только в некоторых больших селах.

На почве систематического недоедания, голода и отсутствия элементарного медицинского обслуживания населения, по всей территории уезда широко распространялись социальные и инфекционные заболевания.

В начале XX века по всей России усилилось рабочее движение.

Под влиянием революционного движения рабочих усиливалась и борьба крестьянских масс против помещиков, буржуазии и самодержавия. Весной и летом 1902 года на Украине и в Поволжье развернулось крестьянское движение. Все это говорило о том, что в России назревала революция.

На основе роста революционного рабочего движения в 1901—1904 гг. в России растут и крепнут марксистские социал-демократические организации. Большевики проводили большую работу среди рабочих и крестьян, распространяли листовки и прокламации среди крестьян, в которых призывали их к борьбе против помещиков и самодержавия и разъясняли крестьянам, что их борьба может быть успешной лишь в том случае, если они будут действовать в союзе с рабочим классом, под его руководством, добиваться свержения самодержавия и установления в стране революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

9 января 1905 г., после расстрела царскими войсками петербургских рабочих, в России началась первая русская буржуазно-демократическая революция. Революционным движением были охвачены все промышленные центры России и ее окраины.

В ответ на злодейский расстрел рабочих Петрограда 9 января 1905 г., в Одессе, Кишиневе, Тирасполе, Орехове, как и в других городах России, под руководством большевиков состоялись митинги протеста. 13 января 1905 г. на улицах Одессы появились большевистские лозунги: «Долой самодержавие!», «Товарищи, пора вооружаться!».

В принятой на митинге резолюции ореховские рабочие требовали свержения самодержавия, установления демократической республики, 8-часового рабочего дня и созыва Учредительного собрания народных представителей. В марте 1905 г. успешно прошла забастовка рабочих г. Кишинева. По призыву большевиков дружно прошли первомайские забастовки, митинги и демонстрации в Одессе, Кишиневе, Николаеве и других городах юга России. Под влиянием рабочего движения вслед за городом поднялась на борьбу и деревня. Как и вся страна, Херсонская губерния, в том числе и Тираспольский уезд, были охвачены мощным аграрным движением.

В апреле 1905 г. произошли большие аграрные волнения в селах Тираспольского уезда Малаешты и Илья.

* И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 16.

В селе Малаешты было 400 дворов. У большинства крестьян было по 2—3 десятины земли. Из-за малоземелья крестьяне вынуждены были арендовать землю исполу у княгини Абомелик, к которой, в силу кабальных условий арендной платы, многие крестьяне попадали в полную зависимость. Поэтому, жалуясь на свою судьбу, они часто говорили: «Что за оказия, — что ни год, то круг должников все увеличивается. Просто беда, работаешь как вол, а все тебя ждет кабала»*.

В 1905 г. в связи с неурожаем и призывом части крестьян в царскую армию, положение крестьян резко ухудшилось.

Даже махровый реакционер, каким был начальник херсонского губернского жандармского управления, в одном из секретных документов вынужден был признать, что «на действия княгини Абомелик к губернатору неоднократно поступали жалобы на задержание, без достаточного к тому основания, крестьянского скота и лошадей на потравах». Кроме того, княгиня и ее администрация замучили крестьян различными штрафами.

В ответ на непосильную эксплуатацию крестьяне стали открыто заявлять управляющему имением, что они дальше не в состоянии так жить и требовали уменьшения арендной платы. Княгиня и слушать не хотела об уменьшении арендной платы и требовала выполнения договора.

«Неомотря на полный неурожай, в селе Павловка увеличена цена на квартиры в домах, принадлежащих имению, и с неаккуратных плательщиков взыскиваются штрафные по копейке с рубля за каждый просроченный день, в другом имении, селе Илья, при невнесении в срок платы выселяли из домов»**.

В апреле 1905 г. управляющий имением княгини Абомелик приступил к запашке спорного участка в 125 десятин, никогда не принадлежавшего ей, а всегда являвшегося частью крестьянских угодий, но на который у крестьян не оказалось уставной грамоты. «Управляющий приказал вспахать спорную землю, объявив крестьянам, что будет стрелять из револьвера, если они воспрепятствуют производить запашку земли»***. При этом управляющий дал распоряжение вспахать и обнести забором и прогон, идущий от села к водопою. Таким образом, крестьяне были лишены не только выпасов, но и возможности пользоваться водопоем для скота. «В Тираспольском уезде князю А. П. Абомелик принадлежат несколько крупных имений, а именно: Павловка, Осиповка, Гиржево, Малаешты и другие.

В них постоянно возникают недоразумения между крестьянами и администрацией имений»****.

Крестьяне не могли вынести всех этих притеснений и 24 апреля 1905 г., собравшись на сход, приняли следующее решение: «Мы, селяне села Малаешты, обездоленные и доведенные до нищеты и разорения княгиней Абомелик, которая из года в год увеличивает арендную плату, дальше платить не можем и сегодня на этом сходе решили: арендную плату не платить, общественные угодья сделать общими; частокол, которым княгиня обнесла свои сады и произвела тем самым сужение сельских прогонов до водопоя, снести, а также снести хату и все прилегающие к ней постройки лакея Прокопенко, построенные на территории общественных выпасов»*****.

* Партархив при ЦК КП Молдавии, ф. № 50, связка 6.

** ЦГИА СССР, ф. ДП.ОО, д. 2550, ч. 9, л. 15.

*** Там же, л. 18.

**** Там же, л. 15.

***** Партархив при ЦК КП Молдавии, ф. № 50, связка 6.

Под этим решением подписалось 307 человек; в отношении частокюла и хаты Прокопенко оно было немедленно приведено в исполнение.

Буржуазная помещичья газета «Русское слово» сообщала: «...В селе Малаешты горит усадьба княгини Абомелик. Пожар возник на почве аграрных недоразумений между крестьянами и управляющим экономией. Недоразумения эти возникают систематически. Недавно они завершились массовым уходом экономических рабочих, а сей раз крестьяне снесли экономический дом и громадный каменный забор»*.

Княгиня А. И. Абомелик писала в департамент полиции, что в ее имении Малаештах Тираспольского уезда в апреле сего года возникли аграрные беспорядки, причем крестьяне, продолжая самовольно пользоваться владельческой землей, два раза подожгли экономические постройки**.

Руководители движения в ночь на 26 апреля были арестованы и утром посажены в Тираспольскую тюрьму, где просидели три месяца.

Почти одновременно начались волнения крестьян села Илия. 200 жителей этого села, вооружившись топорами, косами, вилами, лопатами и сапами, направились к барскому дому, в котором жил управляющий Ольшамовский. Крестьяне разбили окна, ворвались в дом и собирались покончить с управляющим, но ему удалось спастись бегством.

Крестьянские волнения 1905 г. охватили всю волость. Для их подавления, по приказу губернатора, в Малаешты был направлен эскадрон драгун.

Крестьянское движение в Тираспольском уезде приняло широкие размеры. Поэтому 1 февраля 1905 г. уезд был объявлен на положении усиленной охраны; у населения уезда было отобрано около 2500 ружей и револьверов.

После объявления уезда на положении усиленной охраны репрессии, направленные против рабочих и крестьян, усилились. «20 мая 1905 года во все населенные пункты Тираспольского уезда Херсонской губернии губернатор направил циркуляр, в котором отмечал усилившееся среди крестьян брожение и предупреждал, что всякое посягательство на чужое имущество вызовет принятие репрессивных мер»***.

Крестьянство, доведенное до полного отчаяния помещичье-чиновническим произволом, перестало бояться пули и нагайки, казачьих экзекуций и тюрем.

Революционное движение в стране продолжало расти. В июне 1905 г. проходила общая стачка рабочих Одессы. На броненосце «Потемкин» вспыхнуло восстание матросов. Броненосец перешел на сторону революции. Под влиянием борьбы рабочих и крестьян, революционным движением были охвачены также солдаты кишиневского, тираспольского, бендёрского и других гарнизонов Молдавии. Солдаты этих гарнизонов отказались стрелять в рабочих и крестьян. Об этом сообщала ленинская газета «Пролетарий» № 9 от 20 июня 1905 г.

С каждым днем усиливалась и борьба крестьян против помещиков. Волнения непрерывно возникали то в одном, то в другом месте. Они следовали одно за другим и втягивали в революцию самые отсталые массы крестьян. Даже буржуазная пресса вынуждена была признать, что весь Тираспольский уезд был объят пламенем крестьянских восстаний.

Кишиневская буржуазная газета «Бессарабская жизнь» сообщала: «...Волна аграрного движения, охватившая весь Юг России, довольно сильно ударила и по Тираспольскому уезду, представляющему ныне собой

всенный лагерь в миниатюре, в котором то и дело происходят стычки крестьян с представителями администрации и помещиками»*.

Другая буржуазная газета «Русское слово» сообщала: «...Тирасполь, 18 июня 1905 г... Аграрное движение охватило почти весь уезд. Не допуская на помещичьи земли пришлых рабочих, крестьяне снимают хлеб с помещичьих участков и выпускают скот на помещичьи земли.

В разных местах уезда крестьяне заявляют, что дадут помещикам пятую копну за аренду, вместо договоренной половины урожая. Сами выкашивают травы. Уездная администрация и эскадрон драгун напрасно разъезжают по уезду»**.

«Тирасполь, 21 июня. Ежедневно получают известия о новых аграрных недоразумениях, продолжающих систематически возникать в различных частях уезда. От губернатора получено предложение, в случае недостаточности одного эскадрона драгун, разъезжавшего по уезду, немедленно ходатайствовать перед командующими войсками об отправке обратно из Одессы в Тирасполь какой либо части...»***.

«Тирасполь, 26 июня. Ввиду непрекращающихся аграрных недоразумений были разосланы от имени уездного исправника во все концы уезда объявления, предупреждающие, что всякое нарушение порядка будет подавляться воинской силой. Подстрекатели к беспорядкам... будут немедленно арестовываться»****.

11 июня 1905 г. в местечке Петроверовка Тираспольского уезда, крестьяне восстали против генерал-майора Иванова-Луцевина, усадьбу которого крестьяне хотели сжечь, но сделать это не удалось, так как усадьбу защищала стража. Произошло столкновение со стражей, и крестьяне ее избили до полусмерти.

По срочному распоряжению губернатора для учинения расправы над крестьянами выехал эскадрон драгун Архангельского полка. Много крестьян было посажено в тюрьму.

В июне того же года в селе Демидовка Тираспольского уезда произошло столкновение восставших крестьян с царскими войсками, вызванными со станции Раздельная.

В селе Кардамычевка Тираспольского уезда крестьяне арендовали землю у помещика С. Кардамыча на исключительно тяжелых условиях. Крестьяне должны были платить за аренду 50 процентов урожая. Урожай в 1905 г. по всей Новопетровской волости Тираспольского уезда в состав которого входило и село Кардамычевка, был очень низким. В среднем крестьяне собрали с десятины по 4 копны. При этом, предыдущий, 1904 г., был тоже неурожайным. Естественно, что крестьяне не могли внести арендную плату, так как это привело бы к полному разорению их хозяйств и обрекло бы их семьи на голод. Поэтому 29 июня 1905 г. они обратились к помещику с требованием: в связи с неурожаем, уменьшить арендную плату на 50 процентов, то есть предложили вместо 2 копен платить одну копну с десятины. Помещик отказался рассматривать этот вопрос, заявив, что всеми этими делами ведает и распоряжается управляющий. Тогда крестьяне избрали на сходе из своей среды 10 уполномоченных, возложив на них ведение переговоров с управляющим по вопросу арендной платы. Когда уполномоченные прибыли для переговоров к барскому дому, где жил управляющий, дорога во двор оказалась прегражденной живой изгородью: барский дом охранялся 97-ю солдатами во главе

* Газета «Бессарабская жизнь» № 175 от 21 июня 1905 г.

** Газета «Русское слово» № 163 от 19 июня 1905 г.

*** Газета «Русское слово» № 166 от 22 июня 1905 г.

**** Там же, № 172 от 28 июня 1905 г.

* Газета «Русское слово» № 111 от 25 апреля 1905 г.

** ЦГИА СССР, ф. ДП.ОО, д. № 2550, ч. 9, л. 14.

*** Газета «Русское слово» № 136 от 22 мая 1905 г.

с ротным командиром. Раздался властный и настойчивый крик: «Стои! Куда идете?».

«Уполномоченные от села. Идем к пану на переговоры». На это последовал удар кулаком по лицу первого крестьянина со словами: «Вот тебе переговоры». Это вызвало бурю негодования среди уполномоченных, а также и со стороны крестьян, которые пришли к господскому дому, чтобы поскорее узнать результаты переговоров. Солдаты открыли ружейный огонь по крестьянам. Было убито 2 и тяжело ранено 3 крестьянина.

Херсонский губернатор в своей телеграмме в Петербург изобразил это как нападение крестьян на солдат*.

4 июля 1905 г. херсонский губернатор вновь телеграфировал Трепову: «В Тираспольском уезде в пяти местах беспорядки. Буду там лично»**.

5 июля 1905 г. генерал-адъютант граф А. Игнатьев, командированный по распоряжению царя в Херсонскую губернию принять меры для подавления крестьянского движения, телеграфировал министру внутренних дел:

«По всей Херсонской губернии за последние дни заметно успокоение, но волнения проявляются еще в Тираспольском уезде. Считаю долгом вновь просить о назначении в Херсонскую губернию бригады казаков»***.

Спустя 3 дня он вновь просил министра внутренних дел о посылке войск в Херсонскую губернию.

«Закончили командировку по Херсонской губернии. Уверенности в спокойствии нет. Ослаблять принятые меры невозможно. Когда и сколько будет казачьих полков, благоволите телеграфировать.

Присутствие их положительно необходимо»****.

Несмотря на огромное скопление войск в Херсонской губернии, где в то время находилось 11 эскадронов драгун и полторы сотни казаков, все же было сделано опешное распоряжение о переводе с Дона в Херсонскую губернию одного вновь мобилизованного казачьего полка*****.

Беспокойство генерала имело основание. Какой размах приобрело аграрное движение в Тираспольском уезде летом 1905 г., можно проследить по сообщениям газет.

«Тирасполь, 18 июля. Снова происходят между крестьянами и помещиками крупные недоразумения, вызывающие вмешательство властей. Войсковые части продолжают находиться в наиболее опасных пунктах уезда. Сегодня доставлены сюда две новые партии в 31 человек зачинщиков аграрных беспорядков. За отсутствием места в тюрьме, зачинщики находятся пока при полиции»*****.

27 июля 1905 года помещик А. Тарапанов телеграфировал министру внутренних дел:

«Кашарка, имение Антра Тарапанова — очаг аграрного движения в Тираспольском уезде. Крестьяне захватили 500 десятин земли. Самовольно забирают хлеб. Прошу приказать помочь удалить агитаторов и прислать казаков для охраны прав собственности и личной безопасности. Согласен уплатить за содержание 25 казаков»*****.

28 июня 1905 г. произошли крестьянские волнения в имениях круп-

ных помещиков Дмитриева и князя Аргутинского. Крестьяне самовольно убрали урожай и делили его между собой*.

Царское правительство пыталось подавить крестьянское движение в Молдавии массовыми арестами и расстрелами, но крестьяне не прекращали борьбы. Они жгли помещичьи усадьбы, убивали помещиков, явочным путем занимали землю, забирали помещичий урожай, нападали на помещичьи амбары и склады, забирали зерно и делили его между собой, рубили леса, брали под свой контроль выпасы и луговые угодья.

Все большим авторитетом и поддержкой у широких крестьянских масс пользовались социал-демократы. Этому в значительной степени способствовали большевистские решения III съезда партии, где было сказано:

«а) Пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель;

б) как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение, выдвигать необходимость немедленной организации революционных крестьянских комитетов, с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета;

в) в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него призвать крестьянство и сельский пролетариат к всевозможным политическим демонстрациям, коллективному отказу от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов;

г) стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с пролетариатом городским под знаменем социал-демократической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты»**.

В 1905 г. в Одессе был создан Херсонский губернский комитет сельских организаций РСДРП, который просуществовал более двух лет. За это время он проделал большую работу среди крестьян Херсонской и южных районов Бессарабской губерний.

Тираспольская группа занимала в Херсонском губернском комитете сельских организаций РСДРП видное место. В Тирасполе была создана социал-демократическая группа, которая проводила большую работу по подготовке рабочих и крестьян к восстанию: распространяла политическую литературу, организовывала и руководила стачками сельскохозяйственных рабочих и крестьянскими выступлениями в деревнях.

Газета «Русское слово» 10 июня 1905 г. сообщала «...Администрация Тираспольского уезда официально констатирует, что нелегальная литература получила небывалое распространение в уезде...»***.

В ряде сел Тираспольского уезда работали социал-демократические ячейки и подпольные кружки, которые возглавляли и руководили революционной борьбой крестьян против помещиков и самодержавия. Социал-демократы, работавшие в деревне, пользовались большим успехом у крестьян и умело кооптировали свою работу.

Граф Игнатьев 23 июня 1905 г., по приезде в Херсонскую губернию, с возмущением докладывал Трепову:

* Газета «Русское слово» № 203 от 29 июля 1905 г.

** ВКП(б) в резолюциях и решениях, изд. 1940 г., ч. I, стр. 46—47.

*** Газета «Русское слово» от 10 июня 1905 г.

* ЦГИА СССР, ф. ДП.ОО, д. 2550, ч. 9, л. 146.

** Там же, л. 142.

*** Там же, л. 153.

**** Там же, л. 165.

***** Там же, л. 161.

***** Газета «Русское слово» № 193 от 19 июля 1905 г.

***** ЦГИА СССР, ф. ДП.ОО, д. 2550, ч. 9, л. 176.

«Борьба с насилием крестьян, руководимых революционерами, крайне затруднительна.

Поражаюсь невозможностью установить действительных подстрекателей»^{*}.

Наличие в деревне большой прослойки сельскохозяйственных рабочих, полупролетариата и малоземельных крестьян создало благоприятную почву для социал-демократической пропаганды. Социал-демократы в своих листовках и прокламациях призывали крестьян к захвату помещичьих и монастырских земель, свержению самодержавного строя и установлению демократической республики.

Херсонский комитет РСДРП выпускал много листовок, прокламаций и воззваний, в которых обличались действия царского самодержавия, помещиков и капиталистов, освещались требования рабочих и крестьян, говорилось об их тяжелом труде и политическом бесправии.

«Противоправительственная пропаганда, — писал в своем донесении херсонский губернатор министру внутренних дел, — получившая распространение первоначально среди рабочего класса, в последнее время интенсивно направлена преимущественно в крестьянскую среду. Недовольство крестьянства малоземельем создало благоприятную почву для распространения пропаганды. В разбрасываемых массами прокламациях настойчиво рекомендуется: разделить всю землю между крестьянами, «...жечь и грабить экономии, лишить существовавший государственный строй и управлять выборными властями. Для доставления этой революционной литературы в села и деревни, как дознаю, социал-демократической партией южных центров организованы летучие отряды велосипедистов»^{**}.

Пропаганда была доступной и понятной для крестьянских масс, она велась на местном материале и носила массовый характер. Она пробуждала крестьян к активной борьбе против царя и помещиков^{***}.

«В последнее время, — говорилось в одном из донесений херсонского жандармского управления в департамент полиции, — все усилия работающих в пределах Херсонской губернии революционных обществ направляются на пропаганду в крестьянской среде. Пропаганда ведется, главным образом, путем разброски прокламаций в селах. Прокламации разбрасываются в громадном количестве. Можно сказать с уверенностью, что нет в губернии села или деревни, в которых не были бы разбросаны прокламации по несколько раз»^{****}.

Приведенные факты говорят о массовом крестьянском движении в Тираспольском уезде летом 1905 г. и о большом влиянии РСДРП в деревне.

Массовое революционное движение рабочих и крестьян, волнения и восстания в армии и флоте свидетельствовали о назревании народного восстания. Это обстоятельство заставило либеральную буржуазию серьезно зашевелиться. «Боясь революции и вместе с тем пугая царя революцией, она искала сделки с царем против революции и требовала небольших реформ «для народа», чтобы «успокоить» народ, расколоть силы революции и предупредить тем самым «ужасы революции». «Надо прирезать земли крестьянам, иначе они нас прирежут», — говорили либеральные помещики»^{*****}.

Крестьянские волнения продолжались и зимой 1905 г. Всероссий-

* ЦГИА СССР, ф. ДП, ОО, д. 2550, ч. 9, л. 135.

** Там же, стр. 3.

*** ЦГИА УССР, ф. 176, д. 2187, л. 15.

**** ЦГИА СССР, ф. ДП, ОО, д. 2550, ч. 9, л. 54.

***** История ВКП(б), Краткий курс, стр. 59.

ская октябрьская политическая стачка, образование в ряде городов России, в том числе в Одессе и Николаеве, Советов рабочих депутатов, как прообразов Советской власти, вооруженное восстание в Москве и в ряде других городов — все эти события были политической школой для крестьянства. Крестьяне, наряду с экономическими, начинают выдвигать и политические требования. Так, например, жители нескольких деревень Петровской волости Тираспольского уезда в конце декабря 1905 г. собрались на сход и вынесли решение, в котором требовали изменения государственного строя^{*}. В ходе борьбы укреплялось классовое самосознание и солидарность среди крестьян.

11 января 1906 г. в селении Осиповка полиция пыталась арестовать членов «Крестьянского союза». В их защиту выступили крестьяне в количестве 300 человек, которые окружили лиц, подлежащих аресту, и отказались их выдать. Вот что об этом сообщала газета «Одесские новости»: «Полиция получила сведения, что в Осиповке зародилась ячейка всероссийского крестьянского союза. Немедленно туда выехал уездный исправник, становой пристав, урядник и стражники. Они хотели арестовать старосту села и 9 крестьян руководителей. Весть об этом мигом облетела село, и скоро собралась огромная толпа крестьян. Толпа заявила, что лица эти ни в чем не виноваты, если же арест почему-либо необходим, то они, крестьяне, требуют ареста всей толпы в 200—300 человек.

Уездный исправник Янишевский вызвал из местечка Захарьевка эскадрон драгун Астраханского полка. Но и после прибытия войск крестьяне настаивали на своем.

Тогда отдан был приказ стрелять: раздался залп. В результате — 5 убитых (4 мужчины и 1 женщина) и 21 раненый (19 мужчин и 2 женщины).

Большая часть раненых находилась в безнадежном состоянии и вряд ли из 21 остались в живых 5—6 человек.

Затем полиция арестовала 9 человек и этапным порядком направила в Тирасполь, где они были заключены в тюрьму»^{**}.

За эту жестокую расправу исправник получил 16 февраля 1906 года от херсонского губернатора благодарность.

Руководителем «Крестьянского союза» села Осиповки был учитель этого села, который проводил среди крестьян большую агитационно-пропагандистскую работу.

29 января 1906 г. в Тирасполе был созван уездный чрезвычайный съезд землевладельцев для выработки мер против нарастающего революционного движения крестьян.

Съезд землевладельцев постановил ходатайствовать:

1. О продлении усиленной охраны и о немедленном введении военного положения в случае возникновения аграрных беспорядков.

2. Об установлении налогов на частновладельческие и крестьянские земли для образования специального фонда, из которого бы помещикам возмещались убытки от аграрных беспорядков»^{***}.

Этот документ убедительно говорит о том, что все темные реакционные силы — от помещика и крупного арендатора до царя и его сановников — объединились и выработывали тактику и методы борьбы для разгрома революции.

Драгуны, пехотные подразделения, пешие и конные стражники непрерывно подавляли крестьянские восстания в различных селах уезда.

* Газета «Одесские новости» от 29 декабря 1905 г.

** Газета «Одесские новости», № 6834 от 20 января 1906 г.

*** Газета «Русское слово» № 29 от 30 января 1906 г.

Из Тирасполя 17 января 1906 г. сообщали: «Местный тюремный замок переполнен арестованными». Один из работников Тираспольской группы Херсонского комитета сельских организаций в своем дневнике писал: «Частые случаи усмирения крестьян воинской силой».

Но аресты, ссылки и зверские расправы карательных отрядов не могли «усмирить» крестьянские массы, боровшиеся за землю, за политические свободы, против царского произвола и деспотизма. Летом 1906 г. по всей стране началась новая волна крестьянских восстаний, охватившая более 50 процентов уездов Европейской части России. Однако царское правительство, почувствовав свою победу над революцией, все более нагло и беспощадно расправлялось с крестьянскими восстаниями. Массовое избивание крестьян, аресты и ссылки стали главным методом расправы правительства с революционным движением.

Столыпин, Дурново, Дубасов предавали огню и мечу сотни деревень. Министр внутренних дел Дурново указывал, что «аресты не достигают цели. Судить сотни тысяч людей невозможно. Предлагаю истреблять силой оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления — сжигать их жилища».

Однако и эти жестокие расправы не могли остановить борьбу крестьян за землю. Революционное движение крестьян из центральных областей России распространилось и на окраины: Закавказье, Украину, Прибалтику и Молдавию.

12 сентября 1906 г. сельскохозяйственные рабочие сожгли дотла гарман предводителя тираспольского дворянства Мышенкова.

24 ноября 1906 г. в село Слободзея Тираспольского уезда прибыли земский начальник и инспектор для сбора недоимок. Они дали стражникам распоряжение свозить на площадь села первое попавшееся под руку имущество недоимщиков и хотели организовать публичный торг. Стражники набросились на крестьянские хаты, и скоро вся площадь села была заполнена домашними животными, сельскохозяйственным инвентарем, домашней утварью, коврами и постельными принадлежностями. «На площади собралась огромная толпа крестьян, которая, не дожидаясь открытия торга, произвела нападение на его организаторов и стражников, избива их и с криками «ура!» разобрала имущество по домам»**.

О размерах аграрного движения в Тираспольском уезде осенью 1906 г. можно судить даже по сообщениям, печатавшимся в черносотенной газете «Друг». В имени предводителя дворянства А. П. Мышенкова сожжено было до 1000 копен хлеба и несколько скирд соломы и половы — всего на сумму около 9000 рублей. На хуторе Бугае, а также в деревне Бранковьяновка, восставшие крестьяне сожгли помещичий хлеб. На Ближнем хуторе помещика Иосифа Синиленко сожжено 250 копен хлеба.

Изданный царским правительством закон от 9 ноября 1906 года о праве выхода крестьян на «отруба» и о закреплении в единоличную собственность хуторских участков был встречен крестьянством Молдавии с восторгом и послужил новым толчком для роста революционного движения в деревне. Основная установка этого закона, выработанного Столыпиным, была рассчитана на разрушение сельской общины, общинного землевладения и выделение слоя кулаков, на которых царское правительство могло бы опираться в деревне.

Правительство заставило крестьян выделить из общины кулакам-хуторянам лучшую землю.

Если при «освобождении» крестьян помещики прабили крестьянскую землю, то теперь кулаки стали грабить общинную землю, получая лучшие участки, скупая по дешевой цене наделы у бедноты.

Царское правительство выдавало кулакам значительные ссуды для покупки земли и устройства хуторов. Из кулаков Столыпин хотел сделать маленьких помещиков, верных защитников царского самодержавия.

Кулаки радостно ухватились за возможность укрепить в единоличную собственность землю и выходили на хутора и отруба. Так называемый «Крестьянский банк», игравший важнейшую роль в проведении в жизнь этого закона, продавал землю кулакам и богачам на более льготных условиях, благодаря чему в отдельных кулацких хозяйствах нередко скоплялись по несколько десятков крестьянских наделов. Беднота же шла к полному безземелью.

1907 г. характеризуется спадом массового аграрного движения во всей стране. Однако надо отметить, что отдельные случаи аграрных волнений имели место в Тираспольском уезде и в 1907 г.

11 марта 1907 г. херсонский губернатор докладывал министру внутренних дел:

«В начале марта в селе Малаешты Тираспольского уезда начались волнения.

10 марта была попытка оказать полиции вооруженное сопротивление»*.

В начале марта 1907 г. крестьяне села Илия выступили против полиции и жандармов, прибывших в село для ареста крестьян, не уплативших штрафные деньги помещице Абомелик.

Таким образом, Тираспольский уезд в 1905—1907 гг. был охвачен мощным аграрным движением. В развитии революционного движения крестьян Херсонщины исключительно большую роль сыграла большевистская партия. Однако надо отметить, что аграрное движение 1905—1907 гг. в Тираспольском уезде, как по всей России, носило стихийный характер.

В. И. Ленин писал, что «...крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»**.

В ходе революции 1905 г. крестьянство России прошло богатейшую школу борьбы и политического воспитания и убедилось в том, что только в союзе с пролетариатом и под руководством партии большевиков оно сможет добиться политических свобод и уничтожения помещичьего гнета.

* ЦГИА СССР, ф. 102, д. 84, л. 143.

** В. И. Ленин, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 241.

* ЦГИА УССР, ф. 176, д. 2187, л. 3.

** Газета «Одесские новости» № 6831 от 17 января 1906 г.

*** Газета «Русское слово» № 287 от 25 ноября 1906 г.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артикулулуй кандидатулуй ын штиниць историче Д. Е. Шемяков
«Мишкаря аграрэ ын жудецул Тираспол ын аний 1905—1907».

Ын артикол се аратэ пе пилда жудецулуй Тираспол партичипаря цэ-
ранилор молдовень ла мишкаря революционарэ дин тоатэ Русия ын
периода революцией буржезо-демократиче дин аний 1905—1907.

Партя ынтыя а артикулулуй ый ынкинатэ дескриерий ситуацией со-
циале ши економиче дин сателе жудецулуй Тираспол ын пряжма рево-
лущией дин анул 1905. Ый арэтат прочесул де диференциере де класэ
ла сат.

Ын артикол се дескрие лупта революционарэ а цэранилор дин са-
теле Малаешть, Илие, Петровск, Демидовка, Кардимычевка, Осиповка,
Слобозыя ши алте сате але жудецулуй Тираспол.

О маре ынсэмнэтате пентру дизволтаря мишкэрий революционаре ын
сателе жудецулуй Тираспол а авут-о активитатя комитетулуй губернией
Херсон а организациилор сэтешть але ПМСД дин Русия, ши ын парти-
кулар, а группей дин Тираспол а комитетулуй иста. Социал-демократий
рэспындяу ын мижлокул цэранилор литература революционарэ, демас-
кау акциуниле капиталиштилор, мошнерилор ши гувернулуй царист,
экспуняу черинциле цэранилор, ый кемау ла луптэ.

Ын артикол се аратэ причиниле ынфрынжерий мишкэрилор цэрэ-
нешть ымпотрива мошнерилор ши кулачилор.

Н. А. МОХОВ,
кандидат исторических наук

ВОССТАНИЕ УКРАИНСКИХ И МОЛДАВСКИХ КРЕСТЬЯН ПОД РУКОВОДСТВОМ МУХИ в 1490—1492 гг.

Одной из основных задач исторической науки является изучение исто-
рии производителей материальных благ, изучение их классовой борьбы
за освобождение от ига эксплуататоров. Историческая наука «...должна,
прежде всего, заняться историей производителей материальных благ,
историей трудящихся масс, историей народов»*.

Для эпохи феодализма эта задача конкретно сводится, прежде всего,
к изучению истории основного класса производителей феодального об-
щества — крестьянства.

Советские историки много сделали как по собиранию конкретно-
исторического материала, так и по созданию первых обобщающих работ
по истории крестьянства эпохи феодализма (работа Б. Д. Грекова
«Крестьяне на Руси»; И. И. Смирнова «Восстание Болотникова» и
др.). Но и на сегодня даже первая стадия работы — сбор материала
по истории крестьянства СССР и, в первую очередь, по истории борьбы
крестьян за свое социальное освобождение — далеко не закончена.
Это особенно относится к истории крестьянства областей, относительно
недавно вошедших в состав Советского Союза. Здесь работа, по сути,
только начинается. Причины такой скудости историографии по этому
вопросу кроются, прежде всего, в том, что буржуазных историков мало
интересовала история крестьянства. Чаще всего они замалчивали борь-
бу крестьян, но даже в тех случаях, когда восстание замолчать было
невозможно, они извращали социальный характер борьбы.

В настоящей статье описана в общем виде история одного из самых
больших крестьянских восстаний Восточной Европы конца XV века под
руководством Мухи, охватившем в 1490—1492 гг. северную часть Мол-
давии и земли Галицкой Руси.

Это восстание интересно по многим причинам, а именно:

а) восстание крестьян 1490—1492 гг. явилось массовым вооруженным
протестом против роста феодального гнета, вызванного изменениями в
системе хозяйства, которые начали происходить под влиянием роста ры-
ночных отношений. Это была реакция на быстро развивающийся в Мол-
давии и западно-украинских землях процесс закрепощения крестьян-
общинников, в частности, против многочисленных антикрестьянских за-
конов;

б) восстание крестьян охватило обширную территорию, продолжалось
три года и привело к истреблению многих феодалов;

в) этнический состав крестьян-повстанцев был очень пестрым (мол-
даване, украинцы и др.); они боролись против польской и украинской
шляхты и молдавских бояр;

* История ВКП(б), Краткий курс, стр. 116.

г) историей этого периода до сих пор занимались только буржуазные историки-националисты (Украины, Польши, Румынии); историей восстания они интересовались очень мало. Так как восстание охватило пограничный район, то буржуазные историки каждой национальности истолковывали его со своих националистических позиций и тем самым затемняли его истинный характер, характер борьбы крестьян против гнета феодалов всех национальностей. Особенно часто это крестьянское восстание выдавалось за восстание украинцев против поляков, якобы инспирированное молдавским господарем Стефаном III (1457—1504 гг.). В действительности же, как будет показано ниже, это восстание возникло и развивалось как восстание крестьянское. Но это не исключало возможности вмешательства в ход событий молдавского господаря. В конце XV века Стефан III вел ожесточенную борьбу с Польшей. Восстание крестьян, охватившее, главным образом, земли, подвластные польскому королю, было выгодно молдавскому господарю, который стремился использовать его в борьбе с польским королем. Но утверждать, что движение крестьян было поднято молдавским господарем, нельзя, это будет извращением сути событий.

Хотя это восстание крестьян Молдавии и Галицкой земли, безусловно, было одним из самых крупных в Европе конца XV века, оно почти не изучено. Нам известны из его истории только отдельные факты. Не установлена длительность восстания и границы района, охваченного движением. Не показан социальный характер движения, совершенно не известны требования восставших крестьян. История восстания ни разу не стала предметом специального исследования. Нам не известна ни одна статья, написанная специально о нем. Об этом событии писалось только попутно. Большинство историков, касавшихся истории этого периода, даже не называют это событие восстанием. Обычно его излагают как один из этапов войны Польши с Молдавией, Турцией или татарами. Но в общих трудах сведения о восстании встречаются довольно часто, также часто упоминания о нем в летописях и других памятниках средних веков.

Краткость и неясность источников, их неизученность облегчала буржуазным историкам вольное истолкование событий со своих классовых позиций.

Больше всего историей этого периода занимались те польские историки, которые изучали историю хозяйства и крестьянства Польши XV в. Они многократно отмечали, что именно в XV в. быстрый рост феодального хозяйства повлек за собой резкое ухудшение положения крестьянства. Известный буржуазный польский историк XX в. С. Кутшеба правильно писал, что до XV в. владелец земли в Польше «...еще не был настоящим сельским хозяином, так как был, прежде всего, рыцарем»*.

Начиная с XV в., в результате изменений в экономической жизни Восточной Европы, в значительных масштабах происходит оседание шляхтичей в имениях; они начинают расширять барскую запашку. Этот процесс в общих чертах хорошо известен и нет нужды останавливаться на нем. Для наших целей важно отметить, что до тех пор, пока шляхтич не жил постоянно в деревне, крестьяне еще не знали тяжелой барщины, чувствовали себя относительно свободными. Исходя из этого, С. Кутшеба, как и другие историки, делал вывод о каком-то периоде процветания крестьян до XV в.

Другой польский историк А. Свентоховский в своей двухтомной ра-

* С. Кутшеба, Очерки истории общественно-государственного строя Польши СПб, 1907, стр. 70.

боте «Очерк истории польских крестьян», оценивая с буржуазных позиций положение крестьян до XV века, писал: «XIV век бесспорно эпоха высшего счастья и благополучия польского крестьянина». Эту же идею до предела резко сформулировал Ч. Выцех: «...жизнь крестьян в те времена нужно признать за крестьянский золотой век»**.

Ни о каком «золотом веке» крестьян до XV в. говорить, разумеется, нельзя. Но перечисленные авторы правильно отмечали реально происходивший в XV в. процесс, значительно ухудшивший и без того тяжелое положение польских крестьян.

Польский историк середины XIX в. А. Яблоновский в обширной статье, предпосланной издаваемым польским документам по истории XV в., изложив интересные нас события, заключает: «Повидимому, то было просто разбойничанье опришков без соучастия господаря»***. О крестьянском восстании он не упоминает. По мнению Яблоновского это было лишь нападение разбойников, к которому-де даже подстрекательство молдавского господаря пристегивалось напрасно. Что же это был за разбойничий отряд в 10.000 человек? Этим Яблоновский не интересуется.

Другой шляхетский историк Ф. Папей в своей работе интересуется только положением шляхты. Он сочувствует шляхтичам, которым стало трудно жить, так как крестьяне разбежались и некому было работать на панов. «По селам наступило настоящее обезлюдение»****. Восстание 1490—1492 гг. он рассматривает только как конфликт между Молдавией и Польшей.

А. Свентоховский, специально занимаясь историей польских крестьян, собрал много материалов о жизни крестьян, но он совсем не говорит о крестьянских восстаниях, придерживаясь широко распространенной в среде польских историков легенды, что крестьяне Польши будто были мирно настроены, терпели бедствия и не восставали*****. Если же восстания в Польше все таки вспыхивали, то они возникали «под влиянием революционных течений на западе»*****. Классовая сущность этой выдумки совершенно ясна.

Другие польские историки XIX—XX вв. этим крестьянским восстанием не интересовались вообще; иногда они о нем упоминали только как об эпизоде в польско-турецко-татарско-молдавских отношениях. Так оно показано в работе А. Моргенбессера, посвященной польско-молдавским отношениям*****.

Румынские буржуазные историки также редко обращались к истории этого события. Если же и брались за эту тему, то только с целью доказать право «Великой Румынии» („România Mare“) на украинские земли. Румынские историки-националисты, касаясь этого восстания,

* А. Свентоховский, Очерк истории польских крестьян. Львов—Познань, 1925, т. I, стр. 127 (на польском яз.).

** Ч. Выцех, Из истории крестьянской борьбы за социальное освобождение. Варшава, 1919, стр. 28 (на польском яз.).

*** А. Яблоновский, Волошские дела при Ягелонах. «Жрелла дзеёвэ». Варшава, т. X, стр. IX, 1878 (на польском яз.).

**** Ф. Папей, Польша и Литва на исходе средних веков, т. I, Краков, 1904, стр. 347 (на польском яз.).

***** По этому вопросу см. И. С. Миллер, Крестьянское восстание в Подгалье 1651 г., Ученые записки института славяноведения, т. II, 1951, стр. 156.

***** А. Свентоховский, Указ, соч., т. I, 1925, стр. 156.

***** А. Моргенбессер, Из истории Молдавии. Львов, 1892, стр. 115, (на польском яз.).

неизменно ставили его в связь со стремлением украинского населения избавиться от религиозного гнета польских католических панов и присоединиться к единоверной Молдавии. Так, И. Нистор считал, что Муха действовал «...будучи поддержан Стефаном Великим»* и что жители Покутья и Галицкой земли восстали, чтобы освободиться от гнета Польши и найти защиту у единоверного Молдавского государства**.

Мало чем отличается освещение этого события и в работах другого румынского буржуазного историка XX века П. П. Панаитеску. Занимаясь русско-молдавскими отношениями, он только кратко говорит о восстании 1490—1492 гг. Он пишет о нем исключительно как о движении против национального и религиозного гнета Польши. О социальном характере движения нет даже упоминания. «Еще во время Ивана III происходило восстание галичан из Покутья (Ruthenilor din Posucia) против Польши. Восстанием руководил Муха, пришедший из Молдавии и пользовавшийся поддержкой со стороны господаря Молдавии»***. Полностью извращая характер движения, Панаитеску рисует восстание как общенациональное движение против Польши в пользу Молдавии. Это типичная концепция буржуазно-националистических историков, не признающих классовой борьбы и классовых противоречий, пропагандирующих националистические идеи.

Из украинских дореволюционных историков об этом восстании писал только М. Грушевский. Приведя сведения источников, М. Грушевский первоначально правильно замечает: «Очевидно, силу Мухи составляли только ватаги крестьян»****. Но потом, исходя из обычных своих националистических позиций «единого потока», касаясь этого крестьянского движения, он пишет уже менее определенно «... оно не имело характера исключительно крестьянского, а было сильно окрашено элементами национальными, религиозными и отчасти политическими»*****. И наконец, касаясь еще раз истории этого восстания, он совсем забывает о социальном характере движения, в полном соответствии с традицией буржуазно-националистической историографии, освещает восстание как борьбу между молдавским господарем и Польшей. «Одновременно Польша угрожал другой турецкий вассал—волошский воевода Стефан. Не выступая пока открыто, он подстроил известное восстание на Покутье под руководством Мухи, которое охватило целую область у Галича и Рогатина (1490 г.), да выдвигал каких-то претендентов, которые с помощью турок хотели управлять Западной Украиной»*****.

Для М. Грушевского восстание 1490—1492 гг.— это восстание украинцев против национальных поработителей, которым пытался воспользоваться в своих интересах молдавский господарь. О крестьянском характере движения говорится только мимоходом, как о чем-то не существенном. Проводя свою идею, М. Грушевский замалчивает даже такие факты, которые никак нельзя обойти. Например, он рассказывает, что в 1498 г. польский король освободил г. Скала на 15 лет от всяких налогов, мотивируя это обеднением города в результате опустошения врагами русских и подольских земель («... in terris nostris Russie»). Приводя этот документ, М. Грушевский заключает, что обеднение города произошло «...з огляду на ...упадок наслідком татарского спустоше-

ния...». Конечно, татарские опустошения сыграли свою роль, но умалчивать о трехлетней гражданской войне в этом районе никак нельзя, тем более, что о татарском опустошении в самом документе ничего не говорится. Такое освещение истории граничит с подтасовкой фактов.

В русской дореволюционной литературе об этом восстании имеются только отдельные краткие упоминания. Так, русско-украинский публицист Главацкий коротко, по Кромеру, сообщает о восстании 1490—1491 гг.**.

В Народно-демократической Польше изучению истории крестьянства уделяется значительное внимание. Но по истории интересующего нас движения пока что опубликованы только краткие заметки. В опубликованной в 1949 г. работе Чеслава Выцеха «Из истории борьбы крестьян за социальное освобождение», вышеуказанное движение конца XV в. правильно названо крестьянским. Однако Ч. Выцех не сумел до конца правильно оценить восстание крестьян 1490—1492 гг. (Ч. Выцех ошибочно говорит только о 1492 г.). Он пишет о том, что Муха «... в 1492 г. собрал до 10 тысяч людей и стал грозной силой („grozowa“) на Покутье и в русских землях. Некоторые данные показывают, что крестьянский бунт тайно поддерживался молдавским воеводой»***. Снова, как важный фактор, определивший восстание, выступает подстрекательство молдавского господаря. Анализа же самого восстания, его причины историк не дает. В советской литературе также нет отдельных работ, посвященных этому вопросу. Имеются только краткие попутные высказывания. Так, К. Гуслистый**** только упоминает о нем. Несколько подробнее (10 строк) говорится о крестьянском восстании 1490 г. в «Истории Украины» т. I*****. В сборнике «Феодалы и отношения в Молдавии в период XIV—XVIII в.»*****, вышедшем в 1950 г. истории этого восстания уделено несколько страниц. Это восстание настолько мало известно, что даже в книге Ф. Грекула, посвященной специально истории Молдавии XV в., об этом восстании говорится только на 2 строчках*****.

И только в вышедшей в 1951 г. «Истории Молдавии»***** изложению истории этого восстания уделено несколько больше внимания.

В заключение хочется отметить еще одну сторону вопроса. Восстание такого большого масштаба не могло не оставить глубокого следа в народной памяти. Следы его нужно искать, прежде всего, в народном фольклоре, который, как известно, вопреки преследованиям со стороны господствующих классов, проявил исключительную живучесть. Нам известна одна легенда, записанная в XVII в. историком казаков С. К. Кушевичем. В своей работе «О происхождении, нравах, обычаях, войнах и воинственности казаков», он, касаясь происхождения казаков, писал «... казаки пришли в древности из Греции, Малой Азии и Фракии на малых челнах и заняли побережье до Черного моря. Организатором их был Муха, выходец из народа...» (homo plebeius et agrestis...), а по другим

* М. Грушевський, Матеріали по історії суспільно-політичних в економічних відносинах Західної України, Львів, 1906, стр. 63.

** Яков Главацкий, Карпатская Русь, ЖМНП, июнь 1875.

*** Ч. Выцех, Указ. соч., стр. 76.

**** К. Гуслистый, Нариси з історії України, вып. II, Київ, 1930.

***** История Украины (макет), т. I, Киев, 1951, стр. 96.

***** Н. А. Мохов, Феодалы и отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв. под редакц. А. Д. Удаляева и Л. В. Черепнина, Кишинев, 1950, стр. 18—20.

***** Ф. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии во второй половине XV в., Кишинев, 1950, стр. 102.

***** История Молдавии, т. I, под ред. А. Д. Удаляева и Л. В. Черепнина, Кишинев, 1951 г., стр. 109—112.

* I. Nistor, Problema Ucraineana in lumina istoriei, 1933, p. 78.

** Там же, p. 77.

*** P. Panaitescu, P. Rares si Moskova Bucuresti, 1934, p. 11.

**** М. Грушевський, Історія України-Руси, Київ-Львів, 1907, т. VI, стр. 271.

***** Там же, стр. 272.

***** Там же, стр. 329.

сведениям Остафий Дашкевич. Легенда, записанная Кушевичем, упоминает, что Муха был выходец из низов крестьян, что он пришел с казаками (повидимому речь идет о его походе из Буковины ко Львову). Наконец, легенда выдает Муху за создателя казачества.

Подводя итоги обзору историографии, следует отметить, во-первых, большую скудость ее вообще и, во-вторых, неправильную трактовку большинством историков самого характера восстания. Причина этого отчасти кроется в недостаточности известных нам источников для освещения хода восстания, но прежде всего — в порочных методологических позициях буржуазных историков.

При интенсивном и правильном изучении имеющихся источников с позиций марксизма-ленинизма можно получить в общем истинную и цельную картину восстания. Все известные нам источники могут быть разбиты на следующие три группы:

- а) летописные сведения современников событий. Нам известно три таких источника;
- б) летописные источники более позднего времени, но дающие материалы о восстании, отсутствующие в описаниях современников;
- в) немногочисленные акты.

Обратимся к рассмотрению имеющихся источников.

1. Летопись Яна из Торговиска*. Автор летописи, Ян из Торговиска, был епископом в Перемышле. Он умер в 1492 г., следовательно, его сведения являются сведениями современника, описавшего события под свежими впечатлениями.

Летопись перемышльского епископа в средние века была хорошо известна, имеющиеся в ней сведения о восстании 1490—1492 гг. почти без изменений попали в компиляцию Кромера, а через Кромера — во многие другие летописи и в историческую литературу.

Хроника Яна из Торговиска является важнейшим источником для истории крестьянского движения, хотя по объему сведения этой хроники очень невелики (около двух страниц). Ян из Торговиска пишет, что в 1490 г. «Некий Муха из Валахии» в короткое время собрал толпу войска из сельских людей „...exercitus agrestium hominum...“ в девять тысяч человек. Он вторгся в ту часть русской земли, где лежит Снятин. Город был взят и разрушен. Потом он захватил многие города и села вплоть до Галича и подчинил их себе». Далее идет рассказ о том, как отряд Мухи перешел р. Днестр у г. Рогатин и там был разбит войском феодалов под командованием львовского каштеляна Николая Ходещкого. В сражении войско Мухи потерпело поражение «...почти все его люди были перебиты, остальные утонули в реке. Сам Муха едва ускользнул». Победа, добавляет хроникер, «скорее была делом божьим чем человеческим». Последняя фраза очень важна. Опасность, очевидно, так была велика, а победа так неожиданна и маловероятна, что ее могли объяснить только божественной помощью.

Рассказывая о событиях следующего года (1491), автор сообщает: «В 1491 г. некий разбойник из Валахии по имени Андрей, а по прозвищу Боруля, по подстрекательству Стефана, правителя Молдавии, явился к турецкому султану Баязеду. Он утверждал, что является кровным родственником Казимира, короля Польши, и что Казимир силой удерживает его владения. Прося у турка помощи, он обещал быть подданным султана, если возвратит свое наследство». Султан якобы поверил Андрею

Боруле, дал ему в помощь войско, с которым последний и вторгся в русские земли и Подолию („Russiam seu Podoliam“), здесь Андрей Боруля был захвачен людьми польского пана Михаила Буцацкого. Турки, видя, что их дело снова проиграно, захватив большую добычу людьми и скотом, вернулись домой. Было это около праздника Екатерины*.

Сообщение Яна из Торговиска имеет важное значение в том отношении, что:

1) из него ясно виден крестьянский характер войска Мухи („...agrestium hominum“);

2) дает нам представление о границах района, охваченного восстанием (Муха был разбит по пути к Львову у г. Рогатина после того, как он взял Снятин и многие другие города и села вплоть до Галича);

3) дает представление о продолжительности восстания. После поражения 1490 г. борьба крестьян продолжалась в тех же районах („Russiam seu Podoliam“). В 1491 г. во главе восставших стоит человек, называющий себя Андрей Боруля; у нас нет оснований соглашаться с автором в том, что Андрей Боруля воевал силами турок. Андрей Боруля опирался на силы восставших крестьян. Это видно из того, что:

а) борьба ведется в тех же районах, где вели борьбу отряды Мухи в предыдущем году;

б) автор летописи называет А. Борулю, захватившего целые области Польши, „разбойник из Валахии“ („quidam latro de Valachia“). Как известно, термин „разбойник“ обычно господствующие классы старались заклеить руководителей крестьянского движения;

в) А. Боруля в какой-то мере был «царист», он старался придать законность своим действиям. С этой целью он выдавал себя за законного претендента на королевскую власть. Разумеется, делалось это для того, чтобы легче привлечь на свою сторону крестьян. Мы считаем убедительным предположение некоторых (О. Гурка и др.) историков, что Андрей Боруля это тот же Муха, который сменил имя, чтобы выдать себя за родственника короля и тем повысить свой авторитет среди крестьян, ибо, как известно, среди крестьян и их вождей всегда было сильное движение «...против помещиков, но за «хорошего царя»**;

г) наконец, очень уж сомнительна сама версия об обращении А. Борули к турецкому султану с просьбой о помощи и о получении каким-то «разбойником» войска от султана. Чувствуется стремление автора летописи дискредитировать руководителя восстания, показать его агентом «северных», врагом христиан. Это обычный прием дискредитации тех времен. Автор-епископ, идеолог класса феодалов, поэтому так естественно его стремление показать руководителя крестьян как врага самого бога. Кроме того, повидимому, у Яна из Торговиска были и другие соображения. Ведь восстание было подавлено только в результате огромных усилий, он знал (хотя и не пишет об этом), что король Казимир IV, для борьбы с восставшими крестьянами в 1490 г., просил помощи у Тевтонского ордена. Историографу феодалов было, конечно, неловко признать, что восстание простых крестьян нагнало такой страх на гордых панов. Страх же перед турецкой опасностью не был новостью для гордых панов;

4) Ян из Торговиска является первым из летописцев, который сообщает версию о том, что борьба якобы началась по подстрекательству молдавского господаря Стефана III. Правда, это он говорит только по отношению к А. Боруле (который якобы начал войну, „...syggessione Stefani prefecti Moldavie“).

* День Екатерины 25 ноября.

** И. Сталин, Соч., т. 13, стр. 113.

* Летопись Яна из Торговиска, „Monumenta Poloniae historia“, Летопись польских событий. Львов, т. III, 1878, стр. 239—240 (на польском яз.).

Последующие хроникеры, а также историки - националисты — вплоть до XX века все движение крестьян 1490—1492 гг. стремились объяснить интригами молдавского господаря. Этим они пытались затемнить характер войны, как войны крестьянской, доказать, что война шла против турок, татар, Молдавии, то есть классовую борьбу они хотели выдать за войну с внешними врагами.

2. **Дневник Наккера***. Наккер был участником и историографом похода Тевтонского ордена к границам Молдавии, совершенного в январе—сентябре 1497 г. В этом году немецкие рыцари вместе с войсками польского короля под видом похода против турок наметили поход с целью раздела земель Молдавского княжества. В результате вмешательства московского князя** этот агрессивный поход польской армии закончился полным разгромом агрессоров. Тевтонские рыцари в сражении не участвовали, но они прошли по тем местам, в которых за 5—7 лет до этого вели борьбу восставшие крестьяне под руководством Мухи (Андрея Борули).

Здесь Наккер имел возможность собрать некоторые сведения о восстании, которые и записаны в его дневнике.

Дневник писался в обозе рыцарского войска, шедшего воевать против Молдавии. Понятно, поэтому, что автор летописи похода постарался представить Молдавию и ее господаря в самом неприглядном виде. Например, Наккер рассказывает фантастическую историю о том, что все восстание было организовано молдавским господарем Стефаном III. Наккер записал якобы слышанный им рассказ какого-то знатного человека („edelman“) гротескной истории о том, что молдавский господарь Стефан III решил «...платить туркам дань из доходов не своей земли, а взять дань от земель короля. После смерти короля послал он (молдавский господарь Стефан III) в русские земли („Ruwzen“) своего опытного в военном деле человека по имени Муха („...zen Soldener mit namen Mucha der was gestrenge in harnisch Kriege“) и тот с помощью татар опустошил плодороднейшие земли Польши и Руси***. Валах ежегодно причинял большой вред, брал большую добычу людьми, скотом, лошадьми и добром. Из этой добычи валах мог давать дань туркам. Страна была так опустошена, что большие господа, те, которые остались живы и не были убиты, потеряли все имущество и, ничего не имея, вынуждены были идти просить милостыню („...seyn hetwe verdebet, das sie muszen betteln gehen, die noch leben und nicht erslagen seyn haben nichts...“).

Далее, тот же знатный человек говорил, что король «...несколько раз посетил Подолию и Русь, опустошенные валахом и его прафом Мухой („...hergrafen Mucha...“), чтобы просить отца защитить эту страну и оказать сопротивление валаху».

В сообщении Наккера имеется несколько ошибок, в частности, хронологических.

Но для нас особенно важна приведенная фраза о разорении знати, в результате чего будто бы знатные паны стали нищими, и об убийствах панов. Совершенно ясно, что дело идет о борьбе крестьян, хотя Наккер и не говорит о них. Нам понятно, почему Наккер молчит о борьбе крестьян. Он хотел обвинить во всем молдавского господаря, который будто бы использовал в борьбе против христиан татар. Но Наккер оказал мно-

* Liborius Nacers, Tagebuch über den Krugzug des Hochmisters Johann von Tüfen gegen die Turken im Jahre 1497 „Scriptores rerum prussicarum“, в. V 288—314, Leipzig, 1874.

** О роли вмешательства Московского государства в исход этой борьбы см. «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951 г. стр. 148.

*** В документах XV в. земли бывш. Галицкой Руси обычно называли русскими землями.

го, указав на то, что пострадали знатные. Мы не сомневаемся, что в действительности так оно и было.

Из сообщения Наккера ясно, что борьба восставших крестьян продолжалась несколько лет (борьба шла и при короле Яне Альбрехте, который правил с июня 1492 г.).

По версии Наккера, поход польского короля против Молдавии в 1497 г. был попыткой отомстить за разорение польских владений, произведенное Мухой якобы по поручению молдавского господаря. Но это как раз и разоблачает историографа грабительского похода Тевтонского ордена.

Все изложение Наккера, посвященное интересующим нас событиям, занимает не более двух страниц (стр. 306—307).

3. «Краткая хроника Стефана...». В 1931 г. польский историк О. Гурка опубликовал найденную им в Мюнхенской библиотеке, написанную на немецком языке, хронику Молдавии. Хроника известна в единственном экземпляре, написанном еще при жизни Стефана III. Составлена она на основании какой-то, теперь утерянной, молдавской летописи. Издатель хроники предположил, что на немецкий язык она была переведена с латинского языка. Мы считаем, что автор хроники был знаком с некоторыми польскими источниками. Возможно, он имел летопись Яна из Торговища. В хронике сведения до 1486 г. даны в погодной записи. После 1486 г. сведения изложены на основании личных наблюдений автора без указаний дат, в этой части хроники имеются ошибки. В этой последней части помещены и интересующие нас сведения о восстании крестьян под руководством Мухи. Хотя имя Мухи в тексте не встречается, но что речь идет именно об этом восстании сомнений быть не может.

В хронике мы читаем следующее: «Через два года после этого послал Стефан своего человека в Покутье и захватил тот его вплоть до Галича. Это было через четыре года**. Потом пришел Николай Галицкий и разбил восставших у Рогатина и бежал тот человек в Белгород. Это узнал воевода, послал тайно своих людей, которые захватили его и посадили в тюрьму с его слугами на 36 лошадей. Потом привезли его в Сучаву, где он был заключен целый год. По прошествии года он вновь был направлен на Русь (Reyssner) и снова он захватил страну до Галича. Однажды в воскресенье был он в одной деревне у Коломый, тут напали на него поляки, захватили его с шестью товарищами. Его отвели в Сос (in) (Хотин?) к начальнику графу по имени Кевде, который отрубил ему голову, а всех его окружающих приказал сбросить живыми со стен хотинского замка».

Эта хроника, составленная современником, дает ряд очень важных сведений:

1. Она подтверждает уже известные нам сведения о районах восстания (Покутье, Галицкие земли и Подолье). В хронике названы города Галич, Рогатин, Коломыя, Хотин(?) и страна „Reyssner“, так называли Галицкую землю и Покутье (Буковину), то есть опять указывается на то, что события разворачиваются на севере Молдавии и в западно-украинских землях.

2. Автор отмечает, что борьба велась в 1490—1491 гг.

3. Еще раз повторяется версия о том, что Муха действовал по поручению молдавского господаря Стефана. Но эта версия находится в пря-

* О. Гурка, Хроника времен Стефана Великого молдавского. «Архив исторической комиссии». Серия 2, Краков, 1931, (на польском яз.). См. также „Cronica episcopului Ștefan cel Mare (1457—1493)“ București, 1937.

** Т. е. в 1490 г.

мом противоречии с другими данными этой же летописи. Если Муха действовал по поручению Стефана, то непонятно, почему после поражения Муха тайно бежал в Белгород и почему он был арестован господарем Молдавии. Скорее, наоборот, именно этот арест Мухи и его товарищей свидетельствует о крестьянском характере движения.

Кроме того, нужно иметь в виду, что в этом месте у автора хроники имеется ошибка, или скорее неточность. Молдавский господарь в 1491 или 1492 гг. не мог захватить Муху в Белгороде, ибо с 1484 г. Белгород уже был в руках турецкого султана.

Но нам кажется тем вероятнее, что Муха бежал в Белгород, в котором надеялся найти укрытие не только от преследований польского короля, но и от молдавского господаря (воеводы). И недаром летописец пишет, что люди молдавского воеводы «...тайно... захватили... Муху». Возможно и другое, что турки выдали Муху, это вероятно, так как после многолетних войн между Молдавией и Турцией в 1489 г. был заключен мир. Эта выдача также могла быть поводом для слухов о том, что Муха (Андрей Боруля) был послан турецким султаном. Арест Мухи является подтверждением того, что молдавский господарь не хотел оставить на свободе таких опасных «бунтовщиков». Хотя и не исключено, что Стефан III мог использовать затруднительное положение польского короля, с которым в тот период он был в неприязненных отношениях.

Наличие в хронике рассказа о подстрекательстве Стефана III заставляет нас также предполагать, что немецкий переводчик знал какую-то польскую хронику, возможно хронику Яна из Торговиска.

4. Сопоставляя данные этой хроники с данными летописи Яна из Торговиска, мы имеем право сделать вывод, что Андрей Боруля это тот же Муха (именно О. Гурка предположил, что Муха переименовал имя, чтобы выдавать себя за законного претендента на власть).

Перечисленные три хроники являются единственными вышедшими из под пера современников. Их сведения не исключают, а дополняют друг друга.

Сведения этих хроник многократно повторялись более поздними летописцами. Хотя эти последние хроники написаны не современниками восстания крестьян, но мы не можем отбросить их, ибо они сообщают некоторые детали, почерпнутые из таких источников, которые до нас не дошли.

Наиболее важной из более поздних работ является труд М. Кромера*. В своей «Истории Польши» он, говоря о восстании под руководством Мухи, в основном передает содержание летописи Яна из Торговиска, но делает некоторые добавления. Он писал всего через 50—60 лет после восстания и пользовался многими источниками, не считаясь с его сведениями нельзя. М. Кромер пишет: «Некий сельский человек („...rusticanus guidam homo“) по имени Муха, если не по подстрекательству, то с ведома Стефана, правителя Молдавии, собрал из валахов и русских в Покутье войско в десять тысяч. Муха напал на русские земли». Дальше идет известный уже нам рассказ о поражении крестьян. Кромер продолжает: «Однако Муха вновь начал дело при Яне Альбрехте, но королевскими войсками вновь был отражен. Когда он был у некой русской женщины, в которую был влюблен („deperiebat“) и к которой часто приходил, он был выслежен знатными русскими (т. е. украинскими шляхтичами, которых хроникер называет русскими), захвачен и отослан в Краков, где умер в заключении».

* Mortini Cromeri, De origini et rebus gestis polonorum libri, XXX a. 1555, p. 641. Возможно первоисточником для Кромера нужно считать хронику М. Бельского, который издал свою работу в 1450 г., т. е. на пять лет раньше Кромера.

Кромер подтверждает все основные сведения своего источника, но еще резче подчеркивает крестьянский характер восстания. Он прямо говорит об участии в восстании валахов и украинцев.

Существенное значение имеет замечание Кромера о том, что Муха был выслежен украинскими шляхтичами („...a Ryssis nobilibus“). Мы ясно видим, что для подавления своих классовых врагов украинские шляхтичи верно служат своему национальному врагу — польскому государству. Для них классовые интересы были выше общенародных. Этот факт прекрасно иллюстрирует известное положение Ленина о том, что: «История учит, что господствующие классы всегда жертвовали всем, решительно всем: религией, свободой, родиной, если дело шло о подавлении революционного движения угнетенных классов». Кромер особенно не доверяет легенде о том, что Муха действовал по подстрекательству молдавского господаря. У Кромера впервые мы узнали историю гибели Мухи**, которая увязывается с «романтической историей».

Из Кромера еще раз получаем подтверждение и догадки, что Андрей Боруля — это другое имя того же Мухи. По Кромеру Муха начал борьбу в 1490 или 1491 гг. и продолжал при Яне Альбрехте, то есть еще в 1492 г. Кромер не упоминает имени Андрея Борули, он всегда пишет Муха, но, разумеется, он знал об Андрее Боруле. Объяснить молчание можно только тем, что у него не было сомнений в том, что Муха и Андрей Боруля одно и то же лицо.

Нам остаются неясными обстоятельства гибели вожда восстания. Краткая хроника Стефана сообщает, что Муха был обезглавлен в 1491 году в г. Хотине(?), а Кромер сообщает, что Муха погиб в Краковской тюрьме не ранее конца 1492 г. Кто прав — судить трудно, но, повидимому, расправы над отдельными руководителями движения отдельные папы не раз выдавали за расправу над самим Мухой.

Из работы Кромера мы получаем подтверждение и того, что восстание продолжалось и в 1492 г., ибо Муха, по Кромеру, вновь собирал силы и начал войну при Яне Альбрехте („Cooperat tamen Mucha pasterius Johane Alberto), а Ян Альбрехт, как указано, наследовал своему отцу Казимиру IV, умершему в июне 1492 г.

Поскольку восстание под руководством Мухи началось в 1490 г. (об этом говорят все современные источники) и продолжалось в следующем 1491 г. (об этом узнаем также от современников Яна из Торговиска и автора «Краткой хроники Стефана...», изданной О. Гуркой), и поскольку по сведениям Кромера, Наккера и других хроник Муха был схвачен при Яне Альбрехте, то из этого явствует, что борьба продолжалась и в 1492 г.

Сведения о восстании Мухи из Кромера почти без изменений попадают в другие хроники. Так, Стрейковский*** (конец XVI в.) почти полностью поместил сведения Кромера в свою работу, внося лишь небольшие чисто стилистические изменения. Из работы М. Стрейковского мы узнаем, что польская шляхта еще и через сто лет не забыла о восстании крестьян, возглавляемом Мухой. М. Стрейковский писал свою книгу вскоре после выступления молдавского народа и украинского казачества во главе со «славным казаком Подковой». Запорожский казак Подкова

* В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 87.

** Или Андрея Борули, т. к. Кромер рассказывает о событиях 1492 г. Возможно, что рассказ о каком-то свидании имеет историческое основание. Ян из Торговиска гибель Андрея Борули связывает с тем, что А. Боруля «необдуманно» („inconzulte“) перешел реку и там был схвачен.

*** М. Стрейковский, Хроника польская, литовская, жмутская и всей Руси, т. II, Варшава, 1846, стр. 291 (на польском яз.).

возглавил борьбу угнетенного молдавского и украинского народов против молдавских бояр и польских панов*.

Движение было подавлено при участии польских и молдавских феодалов. Подкова погиб в Кракове в 1578 г. от руки польского палача. М. Стрейковский при изложении по Кроммеру истории восстания Мухи не удержался от проведения параллелей. О Мухе он пишет «...лекций Муха крестьянского рода» а всему изложению предпосылает заголовок «Волошин Муха, второй Подкова» („Mucha woloszyn drugi Podkova“). Нужно полагать, что такая оценка Мухи навеяна не только чтением Кроммера, но и преданиям, которые сохранились в среде шляхты.

Несколько изменив стиль, сведения М. Кроммера использовали И. Гербурт**, издавший свою книгу в 1571 г., И. Пистор*** (1582 г.) и М. Бельский (1550 г.). Последний еще раз подчеркивает, что Муха был пойман позже 1491 г. «Потом уже при Альбрехте он снова собирал народ, но когда был у одной русской, в которую был влюблен, та тайно выдала его, а наши его поймали»****. В изложении М. Бельского романтическая история свидания с некоей «русской» заменяется рассказом о свидании с женщиной, которая его выдала*****.

Русские летописцы тоже сочли необходимым отметить этот факт. В добавлении к Ипатьевской летописи читаем: «В лето 6999 (1491) Муха, некто волошин, своевольник, собрал себе таковых же своевольников с десять тысяч, с ними же прийдя до Покутья пленяя, поражен бысть от наших, яко едва сам утече, а прочих побилша непомнюзе же сам ят бысть в Кракове в темнице умре»*****. Это сообщение является почти дословной передачей Кроммера.

Этим исчерпываются имеющиеся в нашем распоряжении сведения летописцев о восстании крестьян конца XV в.

Обратимся к рассмотрению сведений о восстании, имеющихся в актовых материалах. Они также весьма кратки и их мало, но тем и ценнее каждый документ. Наиболее важными являются три грамоты (1490—1491 гг.) польского короля Казимира IV, относящиеся непосредственно к самому восстанию. Грамоты эти следующие:

1. Письмо, написанное по поручению короля, к жителям г. Гданьска, в котором он сообщает о готовившемся походе против восставших, шедших из Молдавии. Письмо послано из г. Торунь 22 августа 1490 г. В письме пишется: «Его величество извещен о вторжении господаря Молдавии и турецкого императора со своею силою во владения короля. Враги уже захватили Коломыю и крепость Галич и завоевали Снятин... Для отражения их его величество призвал всех жителей взяться за оружие, и одна треть уже послана, как это я изложил нашим послам в Грудзендзе».

Далее в письме требуется, чтобы жители Гданьска приняли участие в походе «...все вооруженные должны собраться перед праздником Воз-

движения* в округе Бобрика в четырех милях от Львова. Владыка земли прусской (т. е. гросмейстер Тевтонского ордена 1 Н. М.) объявил об участии в этом походе и предложил, чтобы все жители взяли за оружие и следовали за его величеством»**.

Это письмо представляет интерес в двух отношениях:

а) оно хорошо отражает большую тревогу среди польских феодалов. Польский король призывает всех жителей королевства взяться за оружие для отражения („...ad repugnandum sua maiestas omnibus terrigenis regni ad arma consurgere mandavit“).

Разумеется под термином „omnibus terrigenis“ нужно иметь в виду не буквально всех жителей, а только панов, шляхтичей и т. д. На помощь были призваны злейшие враги польского народа, рыцари Тевтонского ордена;

б) это письмо дает нам несколько точных дат. Письмо послано 22 августа 1490 года, до этого об этом походе шла речь с послами г. Гданьска в г. Грудзендзе. Войско должно было собраться недалеко от Львова 14 сентября. Следовательно, восстание началось не позднее середины лета. А так как поход не состоялся, то можно предположить, что Муха потерпел поражение в сентябре;

в) при дворе все движение считали делом рук молдавского господаря и турецкого султана, но, как увидим ниже, этой версии не доверял сам король;

г) так как движение началось в Молдавии, то это дает основание считать, что его участники были молдаване.

2. Ответ посла польского короля Казимира IV послу Молдавии, который в 1491 г. в г. Вильно просил разрешения проехать через польские земли в Москву***. В своем ответе Казимир писал: «...его светлость получил весть, что из молдавской земли было произведено вторжение толп („...gentes armate exercitualmente...“), которые вторглись неожиданно с воинственными целями во владения его величества, а именно в Подольскую землю и совершили ожесточенные нападения на четыре или пять замков, (Castra). Захватив их, они перебили всех, кого там нашли, а некоторых обезглавили.

Захваченные замки и другое наше имущество сожгли, по пути они совершили много других жестокостей, а равным образом и избиения как местных туземных купцов, так и других наших подданных... Мы не понимаем, каким образом и кем из молдавской земли совершены эти действия („Non intellegimus itaque per quem modum et a quo hec acta patrataque sunt...“).

Из текста видно, что: а) Король Польши не считает нападение делом господаря Молдавии, речь идет о нападении вооруженных толп („gentes armate exercitualmente...“). Мы знаем, что это были толпы восставших крестьян;

б) восставшие обладали достаточно большими силами, они смогли захватить несколько укреплений (эти укрепления в ответе короля не названы, но, бесспорно, это уже известные нам Коломыя, Снятин, Галич, Рогатин и др.);

в) движение было направлено против социальных угнетателей, ибо король жалуется на убийство местных купцов и «других наших подданных» („...terrigenarum mercatorum quam aliorum hominum subditorum

* 14 сентября.

** A. Lewicki, Codex epistolaris, s. XV, t. III, 1891, p. 263—369.

*** Жродла здесь, т. X, стр. 31—32 (на польском яз.).

* О восстании под руководством Подковы см. «История Молдавии», т. I, стр. 218.
** Joanne Herburto, Cronica sive historia polonica compendiosa ac per certa librorum capita ad facilen. 1571, p. 336—337.

*** Joann Pistori, Poloniae historiae corpus hoc est Polonicarum rerum latini recentiores et veteres scriptores... Basil, 1582, p. 813.

**** М. Бельский, Собрание польских сочинений, т. XV, Варшава, 1830, стр. 30—31 (на польском яз.).

***** Сведениям М. Бельского мы должны доверять больше, т. к. именно он первый рассказал историю выдачи Мухи какой-то женщиной. А сама его хроника вышла из печати на пять лет раньше труда Кроммера.

***** П. С. Р. Л. т. II, стр. 360. Прибавление к Ипатьевской летописи. То же и в Густинской летописи.

postrorum..."). Король называет «подданными», конечно, панов, шляхтичей и т. п., но никак не мог так называть крестьян;

г) важным является указание на то, что восставшие перебили «...местных туземных купцов...». Это позволяет предположить, что в восстании принимала участие городская беднота, ненависть которой была направлена против городских верхов;

д) из этого документа, как и из следующего, вытекает, что вооруженные толпы восставших пришли из Молдавии и, следовательно, они могли быть только молдаванами.

3. Инструкция польского правительства послу, посылаемому в Молдавию в 1491 г.* В ней излагается речь, которую польский посол должен произнести перед молдавским господарем. В частности, посол должен был говорить: «...Ваша люди враждебно вторглись в Покутье, завладели селами (vilas) его величества, а другие же просто разрушили. Сделано ли это с позволения Вашего господарства или нет в то время король не мог знать. И хотя он потом выяснил из донесений некоторых лиц и Ваше господарство открыто признало, что поручало сделать это своим людям, однако его величество не могло легко согласиться и поверить в это, считая это недостаточным правдоподобным...»

Далее король требовал примерного наказания виновных так, «...чтобы их наказание послужило примером для других».

Речь кончается ценными для нас словами: «... а если бы Ваше господарство или подданные Вашего господарства упорно настаивали на своем праве владеть этими землями», («...Dominatio vestra vel ejus subditi super ipsos villas juris habere asseverat quandocunque volent...»), то его королевское величество, когда бы это им не вздумалось, всегда готово начать правосудие...».

Из этого документа ясно, что движение началось в пограничной области или даже целиком на территории Молдавии, что и дало основание обвинять молдавского господаря в организации этого вторжения. Однако и польский король сомневается в причастности к этому движению молдавского господаря. Этим подтверждается стихийный, народный характер движения.

Глухое упоминание в конце письма о каких-то возможных правах подданных господаря на земли польского короля («...subditi super ipsos villas juris habere asseverat») мы можем объяснить только, как ответ на «царистские» притязания Андрея Борули, о которых сообщает нам приведенная выше хроника и намек на то, что Стефан III поддерживал эти претензии.

Нам не ясно, о каком признании молдавским господарем своего участия во вторжении идет речь в данном письме («... и Ваше господарство открыто признало, что поручило сделать это своим людям»). Во всяком случае, не в прямом смысле этого слова. Возможно, что оно связано с задержанием Мухи и его товарищей в г. Белгороде, куда они бежали после поражения у г. Рогатина. Как сообщает «Краткая хроника Стефана...», молдавский господарь продержал под арестом Муху и его товарищей «целый год».

4. К этой же группе источников могут быть отнесены и некоторые документы, дающие только косвенно сведения о восстании. Нам известны грамоты, которыми некоторые феодалы и города Польши освобождались от разных повинностей по тем мотивам, что они пострадали от войны в предшествующие годы. Так, в 1498 г. король, как указывалось выше, высвободил г. Скала на 15 лет от всяких налогов из-за обеднения города в

результате «опустошения наших русоких и подольских земель» («...in terris nostris Russie et Podolie...»).

Вести о борьбе в Польше проникали далеко за ее пределы. Известно, что московский посол Заболоцкий при дворе крымского хана в 1493 г. сообщил в Москву рассказ, слышанный им от армянского купца, приехавшего из Молдавии: «А королю ляцкому, сказывают, с своими людьми брань велика»*. Эта «брань велика» без сомнения и есть борьба с восставшими крестьянами. Подразумевать под войной со «своими людьми» какую-либо феодальную войну никак нельзя. Заболоцкий феодалов просто «людьми» без разъяснения вряд ли назвал бы.

Рассмотренные нами сведения источников позволяют со всей очевидностью установить, что:

1) мы имеем дело с восстанием молдавских и украинских крестьян, направленным против феодалов. Это было проявление классовой солидарности угнетенных молдавских и украинских крестьян в борьбе с их социальными поработителями;

2) в борьбе с крестьянами, забыв ведущуюся перед этими борьбу объединились молдавские бояре, польские и украинские шляхтичи, тевтонские рыцари;

3) восстание продолжалось три года (1490—1492 гг.) и окончилось только после нескольких поражений и гибели руководителя;

4) каждый год восстание охватывало один и тот же район (северную Молдавию и южную часть Западной Украины). В источниках названы как задеты восстанием гг. Коломыя, Снятин, Галич, Рогатин, так и целые области: Галицкие земли, Подолия, Покутье (район к северу от Буковины);

5) современники пытались объяснить причину движения тем, что оно было организовано молдавским господарем и поддерживалось турками и татарами, но это как раз показывает стремление господствующих классов дискредитировать движение. Кроме того, тут играло роль стремление панов объяснить причины трудности войны. Польские феодалы не хотели сознаться, что простые крестьяне могли быть причиной угрозы всему государству.

* * *

Для понимания характера движения и его причин необходимо обратиться к изучению положения крестьян того времени и к рассмотрению политического положения края.

Экономика интересующего нас района в XIV—XVI вв. претерпевала большие изменения. В соответствии с изменениями в экономике изменилась и система ведения панского хозяйства, ускорялся процесс ликвидации прав крестьян-общинников и превращения их в крепостных. Как и по всей Польше, в землях Западной Украины феодалы расширяли за счет крестьянских земель свои собственные запашки (рост фольварков). Эксплуатация крестьян все больше начинала принимать форму отработочной ренты.

Если процесс роста фольварков большинство историков правильно признает за причину роста усиления гнета крестьян, то самый процесс роста помещичьей запашки буржуазные историки обычно изображали неверно. В польской буржуазной историографии (да и не только в польской) усиленно распространялась версия о том, что рост фольварков шел не за счет ограбления крестьян, не за счет отнятия у них земель, а якобы за счет раскорчевки леса, осушения болот и т. д. Даже

* Жродла дзеёв, т. X, стр. 32—33 (на польском яз.).

* В. А. Ульяницкий, Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XV—XVI вв., Москва, 1887, стр. 123.

в наши дни многие историки Народно-демократической Польши еще не избавились полностью от влияния этой легенды. В вышедшей в 1949 г. в Варшаве в целом весьма интересной книге Ч. Выщеха «Из истории борьбы крестьян за социальное освобождение» пути роста запашки фольварков объясняются неверно. Площадь запашки растет, пишет автор, за счет «...корчевания лесов, распашки лугов. Далее, шла окупка солтыств и присоединение их к фольваркам; наконец, принудительная покупка крестьянских участков и изгнание крестьян с земли». В действительности картина роста фольварков была иная. На первом месте стояло обогащение феодалов за счет ограбления крестьян путем изгнания их с насиженных мест, далее шла принудительная окупка у крестьян (то есть то же ограбление, но в несколько замаскированном виде) и, наконец, некоторое второстепенное значение могла иметь раскорчевка лесов и т. д. Что рост фольварков шел именно за счет ограбления крестьян, об этом свидетельствуют многочисленные жалобы крестьян и их тщетные попытки добиться справедливости в королевских судах.

И без того тяжелое положение крестьян пограничных районов усугублялось большими политическими потрясениями. Как раз с конца XV в. обостряется борьба между Польшей и Молдавией, войны между которыми велись именно в этих районах.

Наконец, татары чуть ли не ежегодно совершали набеги на эти области, производя страшные опустошения.

Не учитывая всех этих обстоятельств, невозможно понять причин восстания.

Интересующий нас район был древней территорией славянского заселения, некогда он составлял часть земли Галицкой Руси. С половины XIV в. земли Галицкой Руси попали под власть польских королей. После образования самостоятельного Молдавского государства, Буковина составляла часть Молдавии, а Покутье (с городами Коломыя, Снятин и др.) постоянно было спорной областью и в XV в. входило то в состав Польши, то в состав Молдавии.

Сельское население этих областей, как и прилегающей части Польши, по своему национальному составу и правовому положению было очень пестрым. Здесь проживали украинские, волошские (молдавские) и частично польские крестьяне. Крестьяне жили по польскому, русскому, немецкому и волошскому «праву». В XV веке происходит рост фольварочного хозяйства, который приведет со временем к ликвидации различий в положении разных групп крестьян. Подавляющая часть непосредственных производителей будет низведена до положения «быдла».

Нас интересует, прежде всего, положение крестьян, живущих по «волошскому праву», ибо восстание началось на территории Молдавии, и самого Муху источники называют «волошином». Нужно иметь в виду, что многие села юга Польши, жившие по «волошскому праву», были заселены не только волохами, но и украинскими крестьянами. Название Мухи «волошин» могло означать, что он молдавинин, но он мог быть и украинцем из села, живущего по «волошскому праву».

«Волошское право», как право крестьян в средние века, было широко распространено на Балканах. Поселения крестьян, которые жили по «волошскому праву», известны в Молдавии, Валахии, Сербии, Трансильвании, Моравии и Польше.

Детали «волошского права» нам мало известны, но то, что мы знаем о нем, рисует нам «волошское право» в западно-украинских землях, как

более привилегированное для крестьян. Крестьяне сел, жившие по этому праву, не знали над собой власти отдельных феодалов, они подчинялись только власти феодального государства. Во главе этих сел стоял «князь», власть князя обычно была наследственной, но его права над крестьянами были ограниченными. Князь мог требовать от крестьян своего села 3—5 дней работы в год*, два раза в году крестьяне должны были приносить князю подарки. Если девушка выходила замуж в другое село, то князь получал небольшой выкуп. Важнейшей привилегией князя были его права как судьи. Как судья он получал одну треть судебных доходов, которые в молдавских документах XV в. назывались «третина»**.

Юридическое положение князя было почти таким же, как солтыса. Разница лишь только в том, что князь обычно был главой села, в основном скотоводческого, а солтысы возглавляли земледельческие села.

Князь судил, пользуясь обычным неписанным правом. Никаких высших судебных инстанций для сел «волошского права» не существовало. Повинности крестьян, живших на «волошском праве», состояли из:

- а) денежного чинша;
- б) десятины от животноводства (овец, ягнят, свиней);
- в) военной повинности;
- г) нескольких дней работы в год на князя села;
- д) незначительных подарков в пользу князя села***.

Несколько лучше нам известно «волошское право» крестьян Молдавии в XV в., но и здесь оно никогда не было кодифицировано (оно вряд ли заметно отличалось от этого права в Польше). В XV в. значительная часть крестьян Молдавии жила по «волошскому праву». Они оставались еще лично свободными от власти феодалов. Крестьяне жили общиной, во главе села стояли князья.

Положение крестьян на «волошском праве» в Молдавии резко противопоставлялось положению крестьян, живших на «холопском (или «татарском») праве». Если человек, живущий на «холопском праве», переводился в категорию живущих по «волошскому праву», то это рассматривалось как награда. Так, в 1470 г. Стефан III, господарь Молдавии, желая наградить холопа, дал ему грамоту, в которой писал: «...а от холопства щоб он прощен бил сам и дети его, на веки вечны... але щобы сидил... Как-же сидеть и живут у нашей земли уси Волохове своим волоскым законом...»****. «Волошское право» это старое право крестьян-общинников, еще не попавших в кабалу к отдельным феодалам.

В XV в. в Молдавии идет процесс ликвидации этой привилегированной части крестьянства. Крестьяне все больше и больше попадают в зависимость от отдельных феодалов. Власть феодалов обычно юридически оформлялась грамотами молдавских господарей. Из этих грамот мы узнаем и характер повинностей крестьян, живших на «волошском праве», которые они несли перед государством. Так, господарь Стефан II в 1444 г. передал одному из монастырей село.

В связи с этим жители были освобождены от обязанностей перед государством: «...пусть то село Баласинешты подчиняется тому монастырю, да не даст то село ни дань*****, ни илишь*****, ни десятину*****».

* Е. Дракохруст, Галицкое Прикарпатье XVI в. и движение опришков, Вопросы истории, № 1, 1948 г. стр. 53.

** I. Bogdan, Documentele lui Stefan cel Mare, v. I, 1913, p. 10, 29 и др.

*** О повинностях крестьян сел на «волошском праве» см. A. Stadnicki, O wsiach tak zwanych woloskich na polonechm stoku Karpat, Lwow, 1848.

**** I. Bogdan, там же, стр. 140.

***** Названия разных налогов деньгами и натурой.

***** Названия разных трудовых повинностей.

ни подводу*, ни ослух*, ни посаду, ни на млини, да не робет, ни на город, ни вино да не возет*, ни на войско и николи да не ходет, ни жолд*, и иную некоторую нашу службу, и даание не имают николи на веки**». Разумеется, что освободившись от этих государственных повинностей, крестьяне должны были нести обязанности перед их новыми владыками-феодалами.

В результате раздач сел под власть отдельных феодалов, крестьяне-общинники все больше и больше превращались в крепостных крестьян духовных и светских феодалов. Такое положение не могло не вызвать обострение классовой борьбы в деревне. Со второй половины XV в. до наших дней сохранились многие десятки грамот, оформляющих закрепощение крестьян. Вот одно из типичных дарений. Грамотой от 12 января 1495 г. господарь Стефан III дарит служилему человеку Фрацилу и его внукам, которые, как пишется в грамоте, «...правую и верною службою до нас...», село Лиеши, дарение бессрочное «...на веки***». Таких раздач сел отдельным светским и духовным феодалам в XV веке было очень много. Поэтому мы можем говорить о массовости этого процесса, а следовательно, естественно ожидать в этот период и массового взрыва крестьянского недовольства. Таким образом, в XV веке в молдавской деревне было велико недовольство крестьян, там была благоприятная почва для восстания.

Села крестьян, живших по «волошскому праву», в Польше, особенно в южных и западных областях, были довольно многочисленны. Образовались они в результате переселения сюда крестьян, главным образом, из-за Карпат. В XIV—XVI вв. феодальный гнет в Венгрии стал невыносим. Происходит несколько больших крестьянских восстаний (1437 г., 1514 г., 1528 г. и др.). Спасаясь от растущего гнета феодалов, крестьяне часто целыми селами бежали из Венгрии на восток, за Карпаты, и селились в Польше и Молдавии. «Волошское право» крестьян Трансильвании, повидимому, было тождественно «волошскому праву», бытовавшему в XIV—XV вв. в Молдавии.

Селившиеся в Молдавии беглецы из-за Карпат по правовому положению ничем не отличались от коренного населения. Никакими особыми документами их юридическое положение в Молдавии не оформлялось. По этой причине и документы об их поселениях до нас не дошли. Мы только знаем, что переселение в Молдавию из-за Карпат действительно имело место. Нам известно несколько грамот XV в., в которых идет речь о приглашении в Молдавию переселенцев. В 1453 г. господарь Александр, давая монастырю право основать новое село, в грамоте пишет: «...Имеют свободу иметь мастеровых или кожухарей или других мастеров или русских, или греков, или каких других языков...»****.

Иное положение было в Польше. Польские села существовали на основе разных юридических норм, были села на польском, русском, немецком и волошском праве. Поэтому каждое новое село должно было юридически определить свое положение. Юридическое положение оформлялось специальными грамотами. Значительное количество этих грамот сохранилось, они позволяют нам точнее воспроизвести картину колонизационного движения волохов в польские земли. В XIV—XVI вв. в Польше

по неполным данным, было основано 243 села на «волошском праве». В грамотах об основании сел указывались границы отведенных переселенцам земель, перечислялись повинности крестьян и определялись права главы села — князя.

Начиная с XIV века в Польше в связи с усилением фольварочного хозяйства идет более интенсивное наступление на всех крестьян, независимо от того, по какому праву они живут. В частности, феодалы стремятся отделаться от обязательств, которые они давали крестьянам при основании сел. Этот процесс в отношении сел на «немецком праве» сводился к тому, что феодал путем выкупа или другим способом освобождался от локатора (наследственного старосты села и носителя старой сельской организации). Этот же процесс проводился и по отношению к селам на «волошском праве». Способы ликвидации особых прав сел «волошского права» нам известны очень мало, но мы знаем, что отличие сел на «волошском праве» исчезли, как исчез и институт князов.

В Молдавии князья никакой роли не играли уже в XVI в., в Южной Польше они исчезли к XVII в. Но еще в XVI в. крестьяне волошских сел этих районов боролись за сохранение своих привилегий. Специально занимавшаяся положением сел на «волошском праве» Е. Дракохруст по отношению к XVI в. сделала следующий вывод: «Отсутствие систематической еженедельной панщины ставило волошские села в наиболее благоприятное положение»**. Для сравнения, ею приведены данные по селу Брилинцы, в котором половина крестьян жили по «волошскому праву», а половина по «русскому праву». В этом селе русская сторона отбывала в год 100 дней панщины, а волошская 10 дней.

Наконец, следует отметить факт, важный для понимания причин восстания, а именно, что в Покутье и Галицких землях в XV веке процесс порабощения крестьян не зашел так далеко, как в других частях Польши. Е. Дракохруст, говоря о селах Прикарпатья, в том числе и об интересующих нас селах Снятинского староводства, заключает: «...крепостнические отношения в этой части Галичины были все же менее напряженными, чем в ее северной равнинной части»***.

Именно в XV в. интенсивно шел процесс закрепощения и в этих областях. Это вызвало ожесточенное противодействие со стороны крестьян. Самым важным событием для деревни XV—XVI вв. в этих районах было установление еженедельной барщины. «Еще в конце XV в. в королевских барщинах равнялась четырнадцати, восьми, часто даже шести дням в году... Однако в середине XVI в. упоминается трехдневная**** барщина как нормальная»****. Растущий фольварк требовал систематического труда крепостных.

Чем дальше на север от границ Молдавии, тем крепостничество было сильнее. Наоборот, в Галицких землях и, особенно, в Покутье, этот процесс только начинался. То же мы можем сказать и о Молдавии. Систематический барщинный труд получит тут всеобщее распространение только в XVI в. Но уже в XV в. борьба против его распространения все больше и больше обостряется. Крестьянское восстание 1490—1492 гг. было первым большим восстанием крестьян, направленным против закрепощения крестьян.

* I. Nistor, *Migratiunea romaneasca in Polonia in secole XV si XVI*, Ann. Acad. Romana, Mem. sec. istorice, seria III, t. XXI, p. 5, 1939.

** Е. Дракохруст, Галицкое Прикарпатье XVI в. и движение опришков «Вопросы истории» № 1, 1948, стр. 49.

*** Там же, стр. 47.

**** Имеется в виду еженедельная барщина.

***** И. С. Миллер. Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г., Ученые записки института славяноведения, т. II, 1950 г., стр. 165.

* Название разных трудовых повинностей.

** M. Costachescu, *Documentele moldovenesti inaintea lui Stefan cel Mare*, v. II, 1932, p. 207—208.

*** I. Bogdan, *Documentele lui Stefan cel Mare*, t. II, p. 47.

**** M. Costachescu, там же, v. II, p. 461.

Резкое ухудшение положения крестьян Молдавии и Польши в XV в. не было специфически местным явлением, оно было следствием роста товарного производства в сельском хозяйстве во всей Европе. Академик Б. Д. Греков, говоря о сельском хозяйстве восточных областей Европы («на восток от р. Эльбы»), отмечает: «Повышенный интерес землевладельца к поднятию доходности своих земель появляется и разрешается тут в обстановке господства феодального режима... вызвал здесь новый нажим на крестьянина. Несмотря на энергичный протест, крестьянин был побежден, его положение низведено до состояния, очень близкого к рабскому. Восточная Германия, Польша, Прибалтика и Россия пошли именно по этому пути»*.

Именно крестьяне сел, живших на «волошском праве», впервые в XV в. испытали сильный нажим со стороны шляхтичей (села на польском и русском праве были порабощены еще раньше) и поэтому они были готовы к активной борьбе против растущего феодального гнета.

Перестройка системы хозяйства, а как следствие этого — рост гнета над крестьянами являются главной причиной восстания. Но, говоря о восстании, нельзя упускать и такие факторы, как окраинное положение Покутья и Подолья, вследствие чего в этих областях часто велись войны. Особенно опустошительными были набеги татар, которые совершались почти ежегодно. Летописи конца XV в. пестрят сообщениями о татарских нападениях. Так, весной 1487 г. татары напали на Подолье, но они были отбиты, при этом более 1500 татар было убито. В 1488 г. король просил у Тевтонского ордена помощи для отражения татар, которые кочевали «у Подольской земли». Зима 1489 г. принесла польскому войску победу над татарами. В 1491 г. после разгрома татар в г. Львове были устроены торжества по случаю разгрома еще одного татарского отряда**. Но победы над отдельными отрядами татар не приносили избавления от набегов новых татарских орд. Каждый набег татар означал разорение сел, истребление населения и угон толп пленников в рабство. Если верить показаниям современников, то после каждого такого набега край полностью опустошался. Но это явное преувеличение. Население оставалось довольно многочисленным, оно изыскивало способы спасения от налетов кочевников. Вследствие такой тревожной жизни у населения этих районов развивались военные навыки. Это также было одной из причин того, что именно здесь польские феодалы встретили наиболее ожесточенное сопротивление со стороны крестьян.

Наконец, для понимания характера восстания важно и то, что в последние 10—15 лет XV столетия на интересующей нас территории разыгрались крупные события в связи с попыткой польских феодалов расчленив Молдавию. В предшествующие десятилетия Молдавия вела героическую борьбу против турецкой агрессии. Не получая ниоткуда помощи, Молдавия начала терпеть от турецких султанов поражения. С того времени, когда Молдавия начала терпеть серьезные неудачи в войнах с Турцией ее «союзники», феодалы Польши, стали вести себя явно враждебно. Так, когда в 1484 г. турецкие войска захватили важнейшие портовые города Молдавии Белгород и Килию, имевшие важное значение и для Польши, то польский король, взамен обещанной Молдавии помощи для отвоевания этих городов, заключил с турецким правительством соглашение о торговле в обход Молдавии.

В результате этого, отношения между Молдавией и Польшей резко ухудшились. Готовясь к борьбе с польским королем, молдавский господарь Стефан III около 1489 г. ценою уплаты дани купил мир с Портой.

* Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 376.

** Ф. Папей, указ. соч. стр. 320—332.

Польско-молдавские отношения делаются все более напряженными. Обе стороны предъявляют друг другу всевозможные обвинения. Не удивительно, что польские феодалы стремились восстание крестьян под руководством Мухи приписать интригам молдавского господаря.

Возможно, что Стефан III и делал какие-то попытки использовать в своих интересах затруднительное положение польских феодалов, но восстание под руководством Мухи было следствием других причин.

Население Галицкой Руси и Буковины, страдая от социального, национального и религиозного гнета польских панов, часто искало защиты в Молдавии. Это могло дать повод к обвинению Стефана III в подстрекательстве. В единоверной Молдавии не могло быть религиозного гнета, да и порабощение феодалами крестьянства здесь не зашло еще так далеко, как в Польше.

Симпатии западно-украинского населения к Молдавии были широко известны, сведения об этом находим в разных официальных документах. Так, известно, что во время походов молдавских войск в начале XVI в. во владении польского короля, молдавская армия рассчитывала на поддержку украинского населения. Польское правительство принимало различные меры, чтобы не допускать перехода жителей украинских сел на сторону молдавских войск*. Однако наличие симпатий не могло служить основой для широкого народного движения 1490—1492 гг.

* * *

Подводя итог всем известным нам фактам о восстании 1490—1492 гг. мы констатируем, что это было действительно широкое крестьянское движение, вспыхнувшее в ответ на резкое ухудшение положения крестьян во второй половине XV века. Оно охватило крестьян Молдавии и Польши, ибо усиление крепостного гнета шло в обеих странах, хотя и находилось на разных стадиях. Ухудшение положения крестьян Молдавии и в украинских землях, захваченных Польшей, в конце XV в. не было чисто местным явлением. Это было одним из проявлений роста товарного производства в сельском хозяйстве. Рост товарного производства в XV в. в Восточной Европе сделал большие успехи. Товарное производство, — учит И. В. Сталин, — «...существовало при феодализме и обслуживало его...»**. Товарное производство в сельском хозяйстве в этот период еще не привело к капитализму, оно только «...подготовило некоторые условия для капиталистического производства...»***. На рынках Восточной Европы значительно увеличился спрос на хлеб. Удовлетворение этого растущего спроса рынка на хлеб в странах Восточной Европы осуществлялось за счет усиления феодальной эксплуатации крестьян. Это было основной общей предпосылкой движения.

Суммируя все известные нам данные о восстании, отбрасывая все сомнительное, мы можем вкратце изобразить ход восстания в следующем виде:

Гнет феодалов в XV веке вел к взрыву среди украинских, молдавских и польских крестьян. В XV веке начинается сильное наступление на крестьян, живших по «волошскому праву». Эти крестьяне дольше других сохраняли свои привилегии, но в XV в. и они начинают массами попадать в кабалу. Они и начали восстания.

В ходе восстания мы можем выделить несколько хронологических периодов.

* Е. Hurmuzaki, Documente privitoare la Istoria Romanilor, Buc., v. II, p. II p. 499—503, v. II, p. 8.

** И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР стр. 15.

*** Там же.

I. Начало движения на территории Молдавии в 1490 г.

Сведения об этом периоде очень неясны. Отряды крестьян общей численностью до десяти тысяч человек во главе с Мухой собирались в Молдавии. Действовали они там не позже, чем до середины лета, ибо вторглись они на территорию Польши задолго до 22 августа 1490 г., когда польский король «призвал всех жителей взяться за оружие».

Мы не располагаем данными о том, сколько времени отряды были на территории Молдавии. Однако там оформились у них основные требования, вокруг которых сплотились массы восставших, также выделились и руководители во главе с Мухой, который повел повстанцев на север. Конечно, этот процесс формирования требовал времени.

II. Борьба крестьян в Покутье и Галицких землях в 1490 г.

Повстанцы, войдя во владения польского короля, заняли Коломыю, Галич, Снятин и другие города. На значительной части территории феодалы были изгнаны и истреблены. Успехи крестьян вызвали огромное беспокойство среди окружения польского короля. Король призывает к оружию всех шляхтичей. Более того, он ведет переговоры с гротмейстером Тевтонского ордена и тот тоже уже до 22 августа объявил в своих землях об участии в походе. Как польский король, так и гротмейстер официально говорили, что речь идет об отражении похода турецкого султана и молдавского господара.

Повстанцы направились ко Львову, но у «Рогатина», вблизи берегов Днестра, произошло решающее сражение. Плохо организованные и слабо вооруженные толпы крестьян потерпели поражение; отступая, крестьяне были прижаты к Днестру, при попытке переправиться вплавь большое число их побило. Муха с небольшим отрядом опасаясь. Он бежал и пытался укрыться в Белгороде, но молдавский господарь тайно захватил Муху и его товарищей (возможно они были выданы султаном). Арестованных доставляют в столицу Молдавии город Сучаву, где их держат в заключении около года.

III. Борьба крестьян в 1491 г.

В 1491 году борьба ведется опять в Покутье, Подоллии и Галицких землях (сведения Яна из Торговища), крестьяне захватили страну до Галича (сведения «Хроники Стефана»). Руководитель движения носит имя Андрей Боруля. Он выдает себя за родственника короля, законного претендента на владение польскими землями. Если Ян из Торговища называет руководителя Андрей Боруля, то другие хронисты не дают другого имени. Наккер говорит о ежегодных походах «графа Мухи». «Краткая хроника Стефана...» говорит о походе 1490 и 1491 гг. одного и того же лица. Поэтому очень вероятно, что А. Боруля это тот же Муха, переименовавший имя, чтобы выдвинуть «законные» права на владения польскими землями и тем повысить свой авторитет в глазах крестьян.

Совершенно очевидно, что борьба велась в течение всего лета, известно, что сейчас же после пленения Андрея Борули, как сообщает Ян из Торговища, татары вернулись обратно и что это было в день Екатерины, который празднуется 25 ноября. Захваченный в плен Андрей Боруля (Муха?) был отвезен в крепость (Хотин?) и там обезглавлен, а шесть его товарищей были живыми сброшены со стен крепости.

IV. Борьба крестьян в 1492 г.

Как и за 1491 г. у нас имеются сведения только о борьбе крестьян на территории Польши. О продолжающихся выступлениях крестьян в 1492 г. пишет Наккер. Согласно его высказываниям главные события разыгрались «после смерти короля» (Казимира IV, умершего в июне 1492 г.). Об этом же пишет М. Бельский и Кромер. Поход крестьянского войска под руководством Мухи 1492 г., как пишет Кромер, «королевскими войсками был отражен». По Кромеру это произошло после июня 1492 г. (уже при короле Яне Альбрехте). Арестованный Муха (?) был отвезен в Краков, где погиб в тюрьме.

О дальнейшей борьбе крестьян и о судьбе повстанцев у нас никаких достоверных сведений не имеется.

Состояние источников не позволяет дать сколько-нибудь систематические сведения о программе повстанцев. Однако мы знаем самый основной пункт программы, вернее не пункт программы, а результат превращения его в жизнь. Повстанцы истребляли господ и уничтожали их богатства (Наккер, а также данные грамот). Мы ничего не знаем о требованиях повстанцев. Известно, что они были «царисты», то есть боролись за хорошего царя.

Восстание было стихийным, неорганизованным, как и все восстания крестьян тех веков. Оно не имело и не могло иметь ясной программы борьбы. Оно было обречено на поражение ибо, как учит товарищ Сталин: «Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели».

Восстание потерпело поражение, еще раз широким потоком полилась кровь крестьян, боровшихся за свое социальное освобождение. Жертвы борцов были велики, но они не были бесплодными. Это восстание нанесло мощный удар феодальной системе общества. Феодалы на этот раз отстояли свое право эксплуатировать крестьян, но крестьянская война посеяла в их среде большое смятение. Они долго помнили урок, данный им крестьянами. Ведь не случайно в конце XVI в. Стрейковский под свежим впечатлением только что окончившейся борьбы против восстания молдавских крестьян и казаков под руководством Подковы, пишет о Мухе: «Муха другой Подкова». А кем был Подкова его современники знали очень хорошо.

Помнили о борьбе и крестьяне, такие события скоро не исчезают из памяти народа, который копил опыт борьбы.

Значение борьбы велико еще и потому, что в совместной борьбе против социальных поработителей ковалась крепкая дружба народов. Украинские и молдавские крестьяне в кровавой борьбе против своих классовых врагов заложили основы той дружбы, которая потом на протяжении веков закалялась в огне многочисленных совместных битв XVI—XVII—XVIII и XIX—XX веков. Это вековое боевое содружество достигло своей цели только в наши дни, когда молдавский народ, при помощи великого русского и других советских народов, окончательно освободился от социального и национального гнета.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй кандидатулуй ын штиинць историче Н. А. Мохов
«Рэскоала цэранилор украинень ши молдовень суб кондучеря
луй Муха (1490—1492).

Рэскоала цэранилор суб кондучеря луй Муха дин аний 1490—1492 а купринс райоанеле де мязэ-ноапте але Молдовей (Покутия) ши райоанеле де мязэ-зы але цынутурилор украинене де асфинцит, каре ынтрау ын алкэтуница регатулуй поляк.

Кауза принципалэ а рэскоалей а фост ыншербири цэранилор, каре с'а ынчепут ын райоанеле естя ын вакул XV. Ынрэуэциря ситуацией цэрэнимий а авут лок ын урма крештерий фольваркурилор ши ын легэ-турэ ку аяста — крештерий боерескулуй.

Ла рэскоалэ ау луат парте цэраний украинень ши молдовень. Рэскоала с'а ынчепут пе териториул Молдовей, дар евениментеле принципале ау авут лок пе териториул Украиней де Асфинцит, ын районул орашелор Хотин, Коломыя, Рогатин, Снятин, Галич. Ын анул 1490 отрядул принципал де рэскулаць а фост здробит лынгэ орашул Рогатин. Муха ку рестуриле отрядулуй сэу а фужит ын Молдова. Ын анул 1491 ын ачелаш район лупта континуэ ын фрunte ку Андрей Боруля, каре с'а дат дрепт руда режелуй ши претиндя сэ ее путеря де стат ын мымиле сале. Ын анул 1491 лупта континуэ, ын фрунтя ей стэ дминоу ун ом, каре ышь зыче Муха.

Ын историография бургезэ история мишкарый естя цэрэнешть апроане кэ ну-й дескрисэ делок. Деобичей мишкаря аста ера ынфэцэшатэ ка о луптэ националэ де слобозире а локуиторимий украинене ымпотрива жугулуй ауторитэцилор католиче полече, дессорь мишкаря аста а фост ынфэцэшатэ ка о мишкаре инспиратэ де домнул Молдовей.

Г. Б. ФЕДОРОВ,
кандидат исторических наук

ИЗ ИТОГОВ РАБОТ СЛАВЯНО-ДНЕСТРОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ в 1950—1951 гг.

1. Славянские поселения на территории Молдавии

Славяно-днестровская экспедиция, организованная Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР совместно с Институтом истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР в 1950—1951 годах, проводила раскопки и разведки на территории Молдавской ССР по правому берегу Днестра и в бассейнах двух его крупнейших правобережных притоков — Ботны и Реута*.

Основной целью экспедиции в 1950 г. было обнаружить и предварительно исследовать славянские памятники в Поднестровье на территории Молдавии, которые ранее не только не исследовались, но, за небольшим исключением, еще и не были открыты, несмотря на то, что поиски их начались уже давно, а интерес к изучению древности на территории Бессарабии пробудился еще в первой половине XIX в.**

Экспедицией в 1950 году открыто, осмотрено и подвергнуто предварительному изучению 44 славянских памятника, из них: 16 селищ эпохи «полей погребений» и 22 древнерусских, 6 древнерусских городищ.

Селища эпохи «полей погребений» располагаются вдоль Днестра с севера на юг в следующем порядке: Гырбово (на безымянном притоке Реута), Собарь (на безымянном притоке Днестра), Слободзея (Днестр), Александру-чел-Бун (Днестр), Сакаровка (на Солонце — притоке Реута), Гура Ойтузулуй (на безымянном притоке Реута), Екимавцы (на склоне лощины, выходящей к Днестру), Пепени (на безымянном притоке Реута), Славянка (на безымянном притоке Реута), Жаврень (на Реуте), Слободзея-Душка (на склоне лощины, выходящей к Днестру), Васиены (в долине Ботны), Кобуска Веке (в бассейне Быка), Крокмазы, Тудорово I и II (в бассейне Днестра).

Керамика, обнаруженная нами на селищах эпохи «полей погребений» в Поднестровье, относится к липницкой и к варианту черняховской культур, плодотворно исследуемых в междуречье Днестра и Днепра М. Ю. Смирнко, Е. В. Махно. Эти исследователи керамику липницкого

* Руководители экспедиции: Г. Б. Федоров и Р. Л. Розенфельд; научные сотрудники: Т. М. Смирнова, А. Я. Розен; практиканты: П. П. Бырия, В. К. Попеску и Г. Ф. Чеботаренко. Серьезную дружескую помощь экспедиции оказали Г. Д. Смирнов и Г. П. Сергеев. Отчет о работе 1950 г. частично опубликован в КСИИМК АН СССР, в. 44.

** Еще в 1837 г. по циркуляру Министерства внутренних дел Бессарабскому губернатору при помощи земских судей, старост были собраны по территории Бессарабии довольно подробные сведения о древних строениях, городищах, курганах. Эти сведения составили «Дело о доставлении сведений о древних зданиях и проч.» (на 107 листах) в архиве бессарабского генерал-губернатора. В настоящее время дело это хранится в историческом архиве МССР (№ 3087, св. 998, фонд II, опись I).

типа датируют последним веком I тысячелетия до н. э. и первыми веками I тысячелетия н. э., а сосуды черняховского типа—II—VI вв. н. э. На территории нижнего и среднего Приднестровья липицкая культура является непосредственной предшественницей черняховской.

На селищах эпохи «полей погребений» нижние прослойки обычно содержат керамику липицкого типа (сосуды вазообразные на высоких ножках и пифосообразные, небольшие кувшины с двумя ручками), а верхние — керамику черняховского типа (низкие разложистые миски, большие и средние одноручные кувшины, пифосообразные сосуды). Переход от сосудов липицкого типа к керамике черняховского типа, судя по материалам Славяно-днестровской экспедиции, осуществляется мягко и плавно, обе группы керамики генетически связаны наличием в культурном слое некоторых селищ нескольких типов сосудов, одинаково характерных как для одной, так и для другой культур.

В нижнем и среднем Поднестровье липицкой и черняховской этапы в развитии керамики отражают лишь предыдущий и последующий этапы в развитии автохтонного ранне-славянского населения Молдавии.

Керамика, найденная на селищах, по технике изготовления, формам и обработке поверхности делится на 3 основных вида:

1. Чернолощенная керамика с прекрасным обжигом, иногда с поддонами в виде кольцевого валика. Тесто хорошо отмучено и не содержит видимых примесей. Орнамент встречается очень редко и состоит из зигзагообразных процарапанных или пролощенных линий, помещаемых под венчиками на верхней части сосуда. Венчик четко профилирован. Переход от плечей сосуда к венчику часто подчеркивается небольшим валиком. Подавляющее большинство сосудов сделано на гончарном кругу, из них большинство на ножном, на что указывает наличие поддонов и общий облик. Формы сосудов самые разнообразные: разложистые миски, кружки с небольшими ручками, вазообразные сосуды на высокой ножке, выпуклобокие горшки, большие корчаги для хранения припасов.

2. Серолощенная керамика по формам, обжигу, технике изготовления и орнаментам аналогична керамике первого типа. На верхней части серолощенных сосудов чаще встречается орнамент в виде процарапанных, пролощенных или сделанных наколами полос. Венчики имеют еще более четкую профилировку, чем у чернолощенных. Встречаются и такие грабые венчики, верхний обрез которых представляет горизонтальную площадку. Среди серолощенных чаще, чем среди чернолощенных, встречаются сосуды с поддонами в виде кольцевых валиков. Часто встречаются сосуды жесткой биконической формы, как бы подражающие металлическим изделиям.

3. Сосуды с деградирующим лощением, покрывающим их тулово лишь редкими горизонтальными или вертикальными линиями, и не лощенные. Керамика этого вида также сделана на кругу, но всегда без поддонов и очень редко с орнаментом. Обжиг довольно хороший, но хуже, чем у керамики первых двух видов. В тесте часто примеси крупнозернистого песка, отчего тело сосуда имеет царапины и поры, но зато и повышенную упругость. Поверхность плохо заглажена. К третьей группе относятся в основном большие и средние горшки с довольно широким горлом и плавным переходом к выпуклобокому тулову. Этот вид керамики относится к позднему этапу развития культуры «полей погребений», то есть к IV—VI вв. н. э. В небольшом количестве найдена на селищах и грубая толстостенная, круговая и лепная керамика, а также амфоры для хранения припасов и вина.

Следует отметить сходство керамики на территории (где Иордан помещал племя славян) Поднестровья эпохи «полей погребений» и на

территории Попрутья и Подунавья (посуда памятников юго-западной молдаво-волошской группы). Напомним, что Иордан называл Днестр границей между Антами и славянами (оклавинами), причем на правобережье Днестра помещал славян*.

На селищах эпохи «полей погребений» найдены также глиняное пряслице, остатки керамического брака, костяная хорошо отполированная пластинка, глиняный сосуд для изготовления сыра (дно его со сквозными отверстиями), небольшое каменное тесло, костяной гребень и т. д.

Особенный интерес представляют 3 селища: Гырбозо, Сакаровка, Кобуска-Веке, на которых содержится керамика переходного типа от культуры «полей погребений» к древнерусской, датируемая VII—VIII вв., а в Кобуска-Веке — VIII—IX вв. На последнем селище, расположенном в долине р. Бык, среднего правого притока Днестра, у с. Кобуска-Веке, эта весьма интересная керамика открыта Г. П. Сергеевым. Наряду с серолощенной посудой, типичной для эпохи «полей погребений», здесь встречается посуда, венчик которой слабо профилирован, все тулово или верхняя его часть покрыта редким волнистым орнаментом. Ободок венчика снабжен косой насечкой. Сосуды без поддонов, формованы на примитивном гончарном кругу. Обжиг хороший, тесто с примесью дресвы.

Изучение археологического материала дает, таким образом, основание предполагать, что на территории Молдавии на правобережье Днестра раннеславянская культура эпохи «полей погребений» постепенно в течение VI—IX вв. изменяется и становится типичной керамикой периода Киевского государства. Древнерусские племена не случайные поздние пришельцы в среднем и нижнем Приднестровье, а коренное исконное население.

Славяно-днестровской экспедицией обследованы и открыты 22 древнерусских селища в Молдавии на правобережье Днестра от Гырбозо на севере до Олонешты — на юге. С севера на юг располагаются в следующем порядке: Гырбозо (на безымянном притоке Реута), Слободзея (в пойме Днестра), Пояна Городка I (на безымянном притоке Днестра), Пояна Городка II (там же), 7 селищ в районе Пояна ля Сокола (пойма Днестра), Алчедар I и Алчедар II (на безымянном притоке Реута), Екимавцы (на безымянном притоке Днестра), Славянка (на безымянном притоке Реута), Солитра (в пойме Реута), Требужены (там же), Устье (на Реуте), Раскоцы (на безымянном притоке Днестра), Крокмазы (на безымянном притоке Днестра), Олонешты (на Днестре).

Керамика селищ, находящихся вблизи от городищ, в точности соответствует городищенской (например, Алчедар и Екимавцы).

Все 6 древнерусских городищ, на которых вела работу экспедиция, а именно Алчедар, Екимавцы**, Царевка, Лукашевка, Машкавцы и Пояна Городка, относятся к тому же времени, что и древнерусские селища. 4 последних городища впервые открыты Славяно-днестровской экспедицией.

Перейдем к краткому обзору древнерусских городищ. Городище Пояна Городка расположено на пологом мысу при слиянии двух ручьев, один из которых впадает в Днестр. У подножья городища и на самой его площадке имеются несколько ключей. Городище окружено пологими всхолмлениями, используемыми под пашню, а с юга и с запада на

* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей, Иордан, отрывок V, III. 34—35, Вестник древней истории № 1, 1941, 232.

** См. отчет о работе: Г. Б. Федоров, Работа Славяно-днестровской эксп. КСИИМК, в. 44.

расстоянии от 150 до 450 м от него находится лиственный лес. В связи с этим интересно самое название городища Пояна Городка, так как Пояна по-молдавски значит поляна.

В плане городище имеет форму овальную или неправильного сектора. Диаметр его с востока на запад 200 м, а с юга на север 180 м. Площадь городища и окружающий его вал сильно распаханы. В настоящее время вал имеет полукольцевую форму, но, вероятно, первоначально он был кольцевым, а впоследствии северная часть вала была разрушена распахкой и подмыта ручьем, стекающим по склону с площади городища. В настоящее время максимальная высота вала с южной стороны достигает 2 м. Вал окружен рвом (глубина до 2,5 м, ширина до 7 м). В конструкцию основного вала входит обожженная глина, покрывающая всю его поверхность по обоим его склонам. Повидимому, в более позднее время был возведен еще один земляной вал, отделивший западную часть городища, он меньше и сооружен без применения обожженной глины.

На городище был собран подъемный материал и в разных местах плато заложено 6 шурфов размером каждый 2×2 и 1 шурф размером 1×1 м. Толщина культурного слоя от 20 до 40 см.

Почва состоит из крупнозернистого чернозема, переходящего на глубине 40 см в суглинок и материковую глину. В культурном слое содержатся уголь, зола и фрагменты древнерусской керамики с линейным и волнистым орнаментом, довольно тонкостенной (от 0,5 до 0,8 см), сделанной на кругу. Венчики сильно отогнуты и четко профилированы, донышки без поддонов. Обжиг хороший, тесто хорошо отмучено и имеет примесь шамота, цвет глины черно-коричневый и желтый. Слой с древнерусской керамикой подстилается прослойкой толщиной 10—15 см, которая содержит скифскую лепную керамику, остатки гораздо более древнего поселения. Городище датируется X нач. XII вв. К югу от него на расстоянии от 80 до 350 м на склоне лощины находится древнерусское селище, а на противоположном склоне лощины в 100—200 м от городища другое селище с материалом, однородным городищенскому.

Городище Алчедар расположено в 6 км от правого берега Днестра, на левом пологом склоне лощины, при впадении в нее меньшей лощины. Большая лощина переходит в овраг, правый склон которого покрыт лесом. Выше городища за валом имеется большое древнерусское распахиваемое селище с керамикой, подобной городищенской. В 1,5 км от городища, на правом склоне лощины, на опушке леса имеется другое древнерусское селище. Диаметры плато городища с севера на юг равны 65 м, с запада на восток — 78 м. Высота кольцевого вала в настоящее время колеблется от 1 до 3,5 м, а ширина у основания достигает 6—7 м. Наибольшую мощность вал имеет в северо-восточной части со стороны гребня лощины. Городище опоясывают сильно заплывший ров, глубина его колеблется от 1,2 до 2,5 м, ширина от 6 до 7 м. Плато городища наклонно к западу и юго-западу по склону лощины и сплошь задерновано. В западной части городища имеется почти пересохший водоем овальной формы шириной 15×20 м и глубиной в 3 м, питавшийся ключами. В шурфе, заложенном на дне водоема, обнаружен плотный илистый слой с фрагментами древнерусской керамики. У подножья городища к юго-западу от него имеется ключ.

На городище экспедиция заложила 4 шурфа; шурф № 1 размером 2×2 м на дне водоема в северо-восточной части городища; шурф № 2 площадью 12×6 м в юго-западной части, около вала; шурф № 3 размером 2×2 м, в центре городища; шурф № 4 размером 2×2 м в северо-восточной части городища. Всего было вскрыто 80 кв. м площади.

Песча городища представляет собой крупнозернистый чернозем, переходящий на глубине 45—80 см в мелкозернистый, а затем в суглинок, и на глубине 50—90 см — в материковую глину. Мощность культурного слоя равна от 40 до 90 см, а отдельные сооружения заходят в материковую глину до глубины в 180 см. Наибольшей мощности культурный слой достигает в центральной и юго-западной наиболее низменной части городища. Древнерусский культурный слой подстилается более ранней прослойкой толщиной от 5 до 25 см со скифской лепной керамикой. Он довольно сильно насыщен. В нем имеется уголь, зола, печина, кости домашних животных и птиц, железные стрелы черешковые, листовидные, ромбовидные и срезни, ножи, кованые гвозди, заклепки, дужка от ведра, скоба для подвешивания ножен меча или сабли, 3 шиферных овручских пряслица и несколько глиняных, костяные проколки, глиняные лепные сковороды, точильные бруски, пастовая бочкообразная ребристая бусина с голубой поливой, жернова, в том числе верхний с гнездом для железного вкладыша вишижского типа XII в. В культурном слое особенно на глубине 0,50—0,70 м часто встречаются необработанные известковые камни. В юго-западной части шурфа № 2, где культурный слой кончается на глубине 50 см, имеется яма (№ 2) неправильной формы, глубиной около 130 см (глубина от поверхности городища 180 см), выдолбленная в материковой глине. Ширина ямы от 2,0 до 2,7 м. На дне ее имеется вымостка из известковых необработанных камней. В яме найдены кости животных, комки глины, фрагменты древнерусской и, в меньшем количестве, скифской керамики, уголь и зола. В северо-западной части шурфа № 2 обнаружена другая яма (№ 1) колоколовидной формы, глубиной 50 м, выдолбленная в материковой глине на глубине 60—70 см (общая глубина 110—120 см), ширина ямы 80—90 см у основания, 110—130 см на дне. В яме найдены зола, уголь, фрагменты древнерусской керамики, древнерусские черешковые листовидные стрелы, шиферное овручское пряслище, и в небольшом количестве скифская керамика.

Керамика основного слоя вся сделана на гончарном кругу, тонкостенная (толщина от 0,4 до 0,7 см), без поддонов, хорошего обжига, глина красного, коричневого или черного цвета, венчики сильно отогнуты и хорошо профилированы, иногда с валиком по верхнему обрезу наружной стороны. Поверхность сосудов заглажена. Хорошо отмученное тесто содержит примесь шамота или крупнозернистого песка. В нижних слоях керамика более толстостенная (до 1,2 см), венчики чаще прямые, обжиг хуже, в глине часты примеси крупнозернистого песка, а поверхность плохо заглажена.

Алчедарская керамика покрыта нарядным линейно-волнистым орнаментом, который в разнообразных комбинациях покрывает верхнюю часть, либо все тулово сосудов. Основная часть фрагментов посуды датируется X — началом XII вв., а керамика нижнего слоя — IX—X вв. Важны находки на Алчедарском городище 3 шиферных овручских пряслиц, свидетельствующих о связи древнерусского населения Поднепровья с Киевиной. Городище Алчедар датируется IX — началом XII вв.

Кости животных, найденные на городище, исследованы доктором биологических наук В. И. Цалкиным. Все они являются остатками домашних животных и птиц. На первом месте идет рогатый скот, далее лошадь, свинья, мелкий рогатый скот и домашняя птица. Состав костей обычен для древнерусских городищ.

Городище Царевка расположено в 4,5 км на северо-западе от села Царевка, в 150 м справа от дороги Резина-Екимавцы на большом мысу, между двумя пологими лощинами, идущими с запада на восток. Около городища имеется водоем, ныне спущенный и заболоченный. Поверх-

ность плато задернована и наклонена к северу по склону лощины к водоему. Форма городища овальная, диаметр равен 40—50 м. Почва вокруг городища и на плато — крупнозернистый чернозем. С юга со дна рва до гребня вала высота 8 м, с севера — 4,5 м. В настоящее время высота вала с внутренней стороны в северо-восточной и юго-восточной части равна около 1 м, а с северо- и юго-запада он оплыл почти совершенно. Ров, окружающий городище, сильно заплыл. Глубина его ныне не превышает 2 м, а ширина 4—5 м.

Шурф № 1 размером 2×4 м был заложен в северо-восточной части городища около вала. В верхнем аморфном слое встречается трипольская керамика. Культурный слой, мощностью в 160 см содержит в основном, древнерусскую керамику, аналогичную екимауцкой, печину, куски известняка, уголь, золу, глиняный пружик. Прослойка со скифской и трипольской керамикой начинается с глубины 100—110 см и идет вплоть до материковой глины. Отдельные фрагменты скифской керамики встречаются еще на глубине 60 см, где черноземная почва переходит в суглинок. По аналогии с Екимауцким городищем, Царевка датируется IX—XI вв.

Городище Лукашевка расположено на опушке леса в 6 км от села Лукашевка, возле дороги Оргеев—Машна на первой надпойменной террасе безымянного правого притока Реута, впадающего в Реут у Оргеева, между лощинами, выходящими к берегу притока. Городище овальной формы, наклонно с юга на север по склону террасы, окружено кольцевым валом и рвом. Диаметр плато городища равен 60—80 м. Высота вала от 1 до 2,5 м, ширина у основания 5—7 м, глубина рва до 2 м, ширина 4—5 м. Поверхность городища задернована. С восточной стороны вал разрушен распахкой и размыт на протяжении 20—25 м. В конструкцию его входит обожженная глина, отчетливо выступающая по обоим склонам вала. Почва на самом городище и вокруг него состоит из крупнозернистого чернозема. На расстоянии около 40 м от подножья городища имеется колодец. С северо-восточной стороны к подножью городища примыкает большой, ныне заболоченный, водоем, питаемый ключами. Подъемный материал состоит из древнерусской керамики алчедарского типа с линейно-волнистым орнаментом. В северной части городища был заложен шурф размером 2×2 м. Чернозем на глубине 60—80 см переходит в суглинок, а на глубине 80 см — в материковую глину. До глубины 40—50 см в большом количестве находилась древнерусская керамика алчедарского типа, печина, уголь, кости домашних животных. На глубине 50—70 см древнерусская керамика встречается в сочетании со скифской, а на глубине 70—80 см исключительно скифская. Городище, по аналогии с Алчедарским, датируется X — началом XII вв.

Городище Машкауцы расположено на мысу высокого коренного правого берега Реута, поднимающегося около села Бутучены. Вокруг городища — несколько ключей. С западной стороны оно окружено полукруглым рвом и валом, идущим с севера на юг. Концы рва и вала упираются в крутые склоны мыса. С северной и южной стороны площадка городища дополнительно эскарпирована. Длина городища с севера на юг имеет 100 м, с востока на запад 75. В плане оно имеет вид сектора. Площадь городища и вал давно и интенсивно распахиваются. Здесь растет несколько дубов. Подъемный материал состоит из древнерусской керамики екимауцкого типа и скифской лепной посуды. На площади городища было заложено 3 шурфа: шурф № 1 в западной части, у подножья вала размером 2×4 м; шурф № 2, размером 2×3 м, в центре; шурф № 3, размером 1×1 м, в восточной части. Всего было вскрыто 13 кв. м площади. Культурный слой сильно распахан, толщина его равна

до 20 см у вала, до 70 см на стрелке городища. Почва серая, мелкозернистая. В культурном слое обнаружены куски необработанного известняка, печина, древнерусская керамика екимауцкого типа, весьма архаичная, перемешанная со скифской лепной керамикой, причем на глубине 20—40 см преобладает древнерусская керамика, а ниже — скифская. Городище, по аналогии с екимауцким, датируется IX—X вв.

Подводя итог обзору тиверских городищ на территории Молдавии, можно сказать, что они бытовали в IX—XI и, может быть, в начале XII вв. На некоторых городищах отмечены следы скифских и трипольских поселений. Насыщенность культурного слоя указывает на интенсивность жизни в этих поселениях; ремесленные изделия, найденные преимущественно на Екимауцком городище, высококачественны и свидетельствуют о развитости материальной культуры. В IX—начале XII вв. на городищах занимались ювелирным, оружейным, меднолитейным, гончарным, костерезным, керамическим, железоделательным ремеслами, что свидетельствует о довольно широкой дифференциации ремесла, возможно основанного на месте лишь при классовом обществе. О том же говорят и мощные укрепления городков и наличие вокруг них, тяготеющих к ним, селищ. Наряду с ремеслом значительных успехов достигло у тиверцев и земледелие. Находки диргемов и подражаний им служат свидетельством о наличии торговли. Преобладание в городках, помимо керамического ювелирного и оружейного ремесел, свидетельствует о выделении социальной верхушки. Тиверские городища были главным образом ремесленными и административными феодальными центрами. Наряду со своеобразными, чисто тиверскими формами некоторых украшений, как, например, серьги или височные кольца, изделия тиверских мастеров похожи на изделия других древнерусских ремесленников (например, зерненные подвески и сердоликовые бусы) и имеют ярко выраженный общерусский характер. Связь с центрами Киевской Руси подтверждается наличием в культурном слое городищ шиферных овручских пряслиц.

Обратимся к некоторым вопросам истории керамического производства в Поднестровьи. На всех поселениях эпохи «полей погребений», селищах с переходными формами керамики и древнерусской керамикой, на древнерусских городищах неизменно встречается посуда, сделанная на гончарном кругу. Даже там, где лепная керамика имеется в небольших количествах, она в ненарушенном слое всегда сопровождается гончарной, причем последняя резко и неизменно преобладает. Наличие керамики, сделанной на кругу, во всех слоях всех 44 славянских памятников, обследованных и открытых экспедицией, хотя и установленное на основании данных разведки, не может быть случайным. У славян нижнего и среднего Поднестровья гончарный круг существовал непрерывно в течение всего первого и начала второго тысячелетия н. э.

Эволюция керамики и техника ее изготовления у славян в этот период весьма показательна. В первые века н. э. у славян Поднестровья и междуречья Днестра и Днепра широкое распространение получает превосходно сделанная лощеная керамика с поддонами в виде кольцевых валиков, часто с жесткими, биконическими, как бы подражающими металлу, формами, изготовленная на ножном гончарном кругу. Среди сосудов часто встречаются изысканные формы в виде вазочек на высоких ножках, изящных кувшинчиков с двумя ручками.

В III—IV вв. н. э. эта керамика начинает изменяться, частично совершенствуясь. Исчезают изящные, утонченные формы, поддоны, деградируют, а затем и вовсе отсутствуют лощение, тесто становится грубее, в нем из-за примеси дресвы и песка часто имеются царапины и поры, исчезают биконические сосуды, а также все жесткие формы, как бы под-

ражающие в глине металлу. Вместе с тем увеличивается насыщенность керамикой культурного слоя на славянских поселениях, преобладание псучають большие и средние горшки и простые одноручные кувшины, с плавными и мягкими переходами от широкого горла к раздутому тулову с широким, устойчивым дном; примесь дресвы и песка повышает упругость сосудов, в результате чего они часто доходят до нас в больших фрагментах. В это же время происходит нивелировка различий между керамикой культуры «полей погребений» по всему среднему и нижнему Поднестровью. Посуда вышеописанного вида существует на протяжении IV—VI вв. В VI—VIII вв. начинает появляться линейно-волнистый орнамент, упрощаются еще более профили, керамика все более начинает напоминать древнерусскую и наконец в VIII—IX вв. переходит в обычную древнерусскую керамику, которая по форме, технике изготовления и орнаментам достигает расцвета к X в. и продолжает совершенствоваться на протяжении всего известного нам в этом районе периода своего существования, то есть, до начала XII в.

Чем объяснить такую эволюцию славянской керамики в нижнем и среднем Поднестровье в первом тысячелетии и первых веках второго тысячелетия н. э. при установленном факте непрерывного существования на этой территории в этот период автохтонного, устойчивого славянского населения? Материал для решения этого вопроса могут дать лишь большие систематические раскопки. Однако прослеженная нами на основании разведочных данных эволюция керамики позволяет высказать по этому вопросу некоторые предварительные соображения в виде рабочей гипотезы.

Раннеславянская керамика первых веков н. э., сделанная на ножном гончарном кругу, отличающаяся утонченными, изысканными формами сосудов, лощением и прекрасной техникой изготовления могла быть сделана и находить употребление лишь при далеко зашедшей специализации ремесла, возможной лишь при значительном социальном неравенстве элементов классового общества. Например, применение ножного гончарного круга, рассчитанного на широкий рынок сбыта продукции, на товарное производство, возможно лишь при далеко зашедшем разделении труда.

Каков же был общественный строй у славян нижнего Поднестровья в первые века н. э.? Еще Б. А. Рыбаков высказал предположение о значительном развитии рабовладения у ранних славян. Если предположить, что у славян Поднестровья, живших в пределах Римской провинции Дакки и на ее границах, боровшихся с Римской рабовладельческой империей, в рамках первобытно-общинного строя зародился рабовладельческий уклад, тогда понятным станет применение ножного высокопроизводительного круга. О возможности существования у юго-западной части восточного славянства в первые века н. э. в рамках первобытно-общинного строя рабовладельческого уклада говорят и многочисленные находки в поселениях и могильниках эпохи «полей погребений» римских монет, привозных амфор и других изделий, свидетельствующих о широком развитии торговли, возможном лишь при далеко зашедшей социальной дифференциации, зачатках классового общества. Об этом свидетельствуют и некоторые письменные источники, указывающие на источник получения рабов (восиноленные) и на неразвитость, примитивность рабовладения. Так, например, Маврикий Стратег (582—602), описывая славян и антов в VI в., сообщает: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться во-

своих, или остаться там (где они находятся) на положении свободных друзей».

В III—IV вв., когда пришли в движение огромные массы «варваров», в том числе и славян, объединившихся в общей борьбе против рабовладельческой Римской империи, и когда эти «не римляне», то есть все «варвары» объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим^{***}, вместе с падением власти рабовладельческой империи на огромной территории был свергнут рабовладельческий строй, и прекратилось влияние римской культуры на культуру славян, которое до этого имело место, хоть и не следует преувеличивать его значения. В связи с этим исчезли и навеянные римским влиянием утонченные формы, лощение и ножной круг, подражания в глине металлической посуде, произошло некоторое огрубление внешнего вида, стали преобладать простые формы, более всего необходимые в обиходной жизни. Нивелировались, сглаживались местные различия керамики в результате перемещения и объединения больших масс восточного славянства, создания племенных союзов в IV—VI вв.

В VI—VIII вв. постепенное формирование феодальных отношений, дальнейшее выделение и усовершенствование ремесел приводят к новому подъему материальной культуры. Совершенствуется и производство керамики, вместе с формированием и укреплением феодальных отношений.

В период IX—XII вв. материальная культура, в том числе и выработка керамики, переживают новый расцвет, происходит возвращение к ножному кругу, выработка новых изящных форм и орнаментов.

Такова предварительная рабочая гипотеза для объяснения эволюции материальной культуры юго-западной части восточного славянства в первом тысячелетии н. э. Славянские поселения лесостепного междуречья Днестра и Реута свидетельствуют об эволюции материальной культуры от первых веков н. э. до XI — начала XII вв. Таким образом, может быть отброшена, как неверная, довольно распространенная версия о том, что славяне в Поднестровье либо вообще не жили, либо неизвестно откуда появились, а затем быстро и бесследно исчезли в IX—X вв. Изучение устойчивой, развитой и долговременной материальной культуры славян Поднестровья, исследованной экспедицией, опровергает это, как и другую, также неверную точку зрения, высказанную, пожалуй, наиболее ярко Ю. В. Готье: «Исчезновение уличей и тиверцев, как самостоятельных племен, обычно ставят в связь с нашествием угров и печенегов, и нет основания сомневаться в такой связи»^{****}.

Как известно, по данным летописи на Днестре помещались 2 древнерусских племени — уличи и тиверцы. Б. А. Рыбаков исследовал письменные источники, касающиеся уличей, и убедительно показал, что они лишь после взятия Пересечена в 940 г. передвинулись из Поднепровья в Поднестровье^{****}.

* Стратегикон Маврикия, Хрестоматия по русской военной истории, М. 1947, стр. 5—6.

** И. Сталин, Отчетный доклад на XVII съезде партии, Вопросы ленинизма, издание 11, 1939 г., стр. 412.

*** Ю. В. Готье, Железный век Восточной Европы, М.-Л., 1930, стр. 224.

**** Б. А. Рыбаков, Уличи, КСИИМК XXXV. Им же доказано, что Пересечен, который осаждал Свенельд, находился не на территории Молдавии, где его обычно помещают в курсах исторической географии, а в Поднепровье ниже Киева, на Днепре или Стугне. Археологические разведки, проведенные нами в 1950 г., полностью подтвердили мнение Б. А. Рыбакова. Тщательное обследование местности в районе села Пересечена, Оргеевского р-на Молдавской ССР, которое обычно связывают с летописным Пересеченом, показало, что там нет никаких следов древнего поселения.

Возможно, что передвинувшись в Поднестровье, уличи основали здесь новый Пересечен, в память своей прежней столицы, взятой Свенельдом. Такое предположение высказал еще С. М. Соловьев*. Эту же мысль разделяет и Б. А. Рыбаков**.

Уличей в Поднестровье видимо следует искать не на правом, а на левом берегу Днестра, так как летопись сообщает: «И беша седяше Уличи по Днепру вниз (до взятия Свенельдом Пересечена—Г. Ф.), и по семь преидоша меже Бугъ и Днестръ, и седоша тамо»***. Древнерусские поселения IX — конца XII вв., обследованные славяно-днестровской экспедицией на территории правобережной Молдавии, как показано выше, органически через переходные формы VII—IX вв. связаны с более ранними славянскими поселениями эпохи «полей погребений», а поэтому принадлежат не уличам, а коренному славянскому населению Поднестровья — тиверцам. Само племенное название тиверцы следует, повидимому, связывать с древним названием Днестра — Тирас и с тирагетами.

Более или менее остроумные догадки Барсова, Середонина и других специалистов по исторической географии, помещавших тиверцев то на правом, то на левом берегу Днестра, упирались в полную археологическую неисследованность памятников этих племен.

Буржуазные ученые зачастую вообще пытались отрицать правильность четких указаний летописи о том, что тиверцы были восточными славянами, или объявили, что славяне на территории Молдавии были лишь кратковременными пришельцами, не оставившими никакого следа. В результате работ Славяно-днестровской экспедиции все эти ошибочные теории были опровергнуты и установлено, что тиверцы заселяли обширную территорию на правобережье Днестра в течение длительного времени.

Письменные источники, касающиеся тиверцев, еще более скудны, чем те, которые относятся к уличам, и ограничиваются почти одними только отрывочными данными из летописей, судя по которым тиверцы занимают обширную территорию, простиравшуюся по Днестру до моря и доходящую на западе до Дуная. «Дулеби живяху по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы седяху бо по Днестру, приседяху к Дунаеву. Бе множество их; седяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грекъ Великая скуфь»****.

Тиверцы упоминаются под 885 г. при Олеге, который, подчинив полян, древлян, северян и радимичей, «с уличи и тиверцы имейше рать»*****. Эта война закончилась, повидимому, признанием тиверцами верховной власти киевского великого князя. При походе 907 г. на Царьград Олег в составе своего войска имел в числе других древнерусских племен и тиверцев, правда, еще на положении союзников*****. «В лето 6515. Иде Олег на Греки, Игоря оставив Кieve, поя же множество варяг, и словенъ, и чудь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи,

* С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, 2 изд., т. I, стр. 48, Соловьев без каких-либо оснований отождествлял село Пересечены с возможно существовавшим уличским новым Пересеченом в Молдавии.

** Уличи, стр. 7.

*** А. А. Шахматов, Повесть временных лет, т. II, 1916, стр. 373.

**** Повесть временных лет, изд. АН СССР М.-Л., 1950 г., т. I, стр. 14.

***** Там же, стр. 21.

***** Там же, стр. 23—24, С. М. Середонин и ряд других историков без мотивировки, Б. А. Рыбаков, убедительно аргументируя, показали, что термин «толковины», примененный в данном случае летописцем к тиверцам, значит не «переводчики», как это считалось ранее, а именно союзники. См. «Уличи».

и поляны, и север, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверцы, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая скуфь»*.

Позже в походе Игоря на Царьград в 944 г., тиверцы участвовали уже как основная часть войска. Наемные союзники печенеги — особо отмечены летописью. «В лето 6452 Игорь же совокупив вои многи, варяги, Русь и поляны, словени, и кривичи, и теверьце, и печенеги наа, и тали у них поя, поиде на Греки вьлодых и на конихъ, хотя льстите себе»**. После похода Игорь со своим войском возвратился в Киев, а своим союзникам печенегам отдал распоряжение «воевати Болгарскую землю». Тиверцы в данном случае совершенно не выделяются из среды других древнерусских племен, подчиненных Киевскому великому князю. Видимо, в середине X в. они уже находились в составе Киевского государства. Анонимный баварский географ конца IX в. (866—890) «многочисленному народу уличим» приписывал 318 городов, а тиверцам (atto-rosi) 148 городов***.

После 944 г. тиверцы не упоминаются в летописях. Видимо, как и ряд других древнерусских племен Киевской Руси, они утратили свое племенное название. Летописные сведения о тиверцах и вообще славянах Поднестровья скудны, отрывочны и не заходят дальше середины X века, поэтому изучение памятников их материальной культуры имеет большое значение.

Можно считать установленным, на основании исследования археологических памятников, что по крайней мере до XI — начала XII вв. на территории Молдавии существовало устойчивое восточно-славянское население, имевшее многочисленные поселения и ряд укрепленных городов.

Дальнейшие судьбы древнерусского населения в Молдавии ни по археологическим, ни по письменным источникам неизвестны. Правда, на ряде обследованных нами селищ слои с полихромной средневековой молдавской керамикой подстилаются прослойками с обломками древнерусской посуды с линейно-волнистым орнаментом, однако связь между ними не ясна. Можно предполагать, что в результате распада Киевского государства и последующего нашествия татар-монголов, древнерусское население Поднестровья — юго-западный форпост восточного славянства, оказалось оторванным от основного ядра русских земель и впоследствии вошло в состав молдавского народа. Это исконное, древнерусское население Молдавии, однако, не исчезло бесследно и оставило в истории неизгладимый след. Оно сыграло большую роль в формировании молдавского народа, в развитии его языка, культуры и государственности. В самом деле, еще до XVI в. языком молдавских летописей, грамот и договоров, государственным языком Молдавии был славянский язык. Извлечение из молдавских летописей вошло в Воскресенскую летопись, дошедшую до нас в списке XVI в.**** под названием «Сказание вкратце о Молдавоких государях, отколе началась Молдавская земля».

Блестящее подтверждение указания русских летописей о существовании древних русских городов в Попрутье и Подунавье получили недавно в памятниках материальной культуры.

Коллектив археологов открыл славянское городище в области Галац в местечке Гарвен и раскопал часть этого памятника. Вещественные и

* Повесть временных лет, изд. АН СССР, М.-Л., 1950 г., т. I, стр. 23—24.

** Там же, стр. 23—24.

*** P. Saffarik, Slowencke Starozitnosti w. Prace, 1837, стр. 550—551 и 596—597.

**** Полное собрание русских летописей, т. VII, стр. 256—259.

письменные источники указывают на тесные и древние этнические и культурные связи русского народа с молдавским и румынским. Назревший вопрос об исследовании памятников материальной культуры славян в Поднестровье, Попрутье и Подунавье, благодаря совместным усилиям советских и румынских археологов, стал на путь практического разрешения.

2. Раскопки Екимауцкого городища в 1951 г.

Екимауцкое городище, расположенное в 2 км севернее села Екимауцы, овальной формы, размер его 70×86 м, окружено кольцевым валом и рвом. Рекогносцировочные раскопки городища проведены в 1950 г.

Раскопки городища в 1951 г. дали большой и разнообразный материал. Под дерновым покровом и верхним аморфным перепаханым слоем, на всей площади всех раскопов в большом количестве находилась зола, уголь, обугленные куски дерева, бревен и зерна, пережженные кальцинированные кости, а также ряд предметов: керамика, сердоликовые бусы, известняковые жернова, пережженные, потрескавшиеся, шлакированные, изменившие естественный цвет, а иногда и форму под сильным действием огня. Следы пожара заходят на большую часть глубины культурного слоя, а в ряде ям, западин, сооружений — простираются до материка.

Все это свидетельствует о сильном пожаре, бушевавшем на городище в последний период его обитания. О внезапном прекращении жизни на городище свидетельствует огромное количество вещевого материала, его местонахождение и характер. Было найдено только особо ценных вещей около 2000 экземпляров. Серебряные серьги, украшенные зернью, тонкой и сложной работы, находились в одном комплексе с сердоликовыми и другими бусами, серебряными диргемами, бронзовыми браслетами. В едином же комплексе находились и орудия труда, например, набор кузнечных и ювелирных орудий вместе с изделиями кузнеца и ювелира. Всего на городище обнаружено 5 больших комплексов орудий труда и украшений, не говоря уже о скоплениях десятков вещей в остатках сооружений и возле них.

О внезапном разрушении городища и прекращении жизни на нем свидетельствует и заполнение остатков жилищ углем, обугленным деревом, печной обмазкой, комплектами инвентаря и утвари, включая целые горшки, наборы украшений и инструментов. Об этом же говорят обугленные, распавшиеся бревна городен вала, высыпавшаяся из них, обожженная до кирпично-красного цвета глина, зерновые ямы, полные обугленного зерна и т. д.

Находки ценных вещей и их комплексов в слое пожара и заполнение этим слоем большинства сооружений позволили связать эти два явления — пожар и внезапное прекращение жизни на городище. В свою очередь эти два явления, в соответствии с находками, связываются с жестокой битвой, разывшейся на территории городища. Об этой битве свидетельствует, прежде всего, огромное количество оружия, найденного в слое пожара. На городище найдено 350 железных и несколько костяных наконечников стрел, копья граненые и листовидные, железные сулицы, боевые топоры, боевые гири, железные, свинцовые, известняковые и костяные кистени, наконечники ножен, перекрестье сабли, засапожные ножи.

Большинство оружия, найденного на городище, безусловно, является древнерусским. Таковы листовидные, ромбовидные железные черешковые стрелы, с валиками для упора в древко, напоминающие пнездовские стрелы X—XI вв., боевые топоры, многочисленные аналогии кото-

рым можно привести из находок в других русских городах, так, например, из инвентаря срубного погребения дружинника X в. в Киеве, открытого М. К. Каргером в 1939 г.* Один из наконечников ножен серебряный и позолоченный с растительным орнаментом, весьма близким к орнаменту малого турьего рога из Черной Могилы**, к некоторым орнаментам Киевской Софии, Суздальских храмов и другим русским орнаментам X—XII вв.

Вместе с тем, наряду со славянским оружием X—XI вв. на городище найдено 70 стрел явно не славянского типа: Это втульчатые конусообразные, удлинённые железные стрелы, втулка которых в сечении представляет собой круг или многогранник. Такие противокольчужные стрелы совершенно не встречаются у славян. Большое количество оружия, в том числе вооружение двух видов — русское и кочевническое, свидетельствует о битве, разывшейся на городище. Об этом же говорит большое количество человеческих и конских костей. На городище, в различных местах, в слое пожара обнаружено 45 находок и скоплений человеческих костей, а также много скоплений конских костей, представляющих по подсчетам В. И. Цалкина остатки минимум 43 лошадей.

В большей части эти кости залегают без всякого порядка и представляли собой разрозненные скелеты или даже находились отдельно. Это и понятно, так как скелеты непохороненных или неукрытых случайно трупов не сохраняются обычно целиком и в неблагоприятных условиях быстро превращаются в прах. Однако несколько человеческих и конских скелетов уцелели полностью, и в этом отношении чрезвычайно характерны условия их залегания, обусловившие их сохранность. На городище уцелело полностью или почти полностью 5 человеческих скелетов, 4 — под развалинами городен и возле них под обгорелыми бревнами, обожженной глиной и камнями в северной части городища, неподалеку от входа и один — на дне большой полуземлянки в центре городища под печью, керамикой, обгорелым деревом.

Положение скелетов свидетельствует о внезапной гибели людей. Например, скопление человеческих костей № 10, обнаруженное в V раскопе в квадрате 34 ЖЕ под и между обгорелыми бревнами городен на глубине 100 см, представляет собой скелет, лежащий на боку, с раздробленным черепом, с согнутыми в локтях руками, причем кисть правой руки лежала под головой, а левая рука откинута вперед и слегка согнута в локте выше головы. Правая нога сильно, а левая немного согнута в коленях. Под черепом обнаружена славянская ромбовидная стрела, а на расстоянии 15—20 см от головы железный боевой топор. Скелет, обнаруженный в полуземлянке (скопление человеческих костей № 44), лежал лицом вниз, затылочная часть черепа была раздроблена, правая рука согнута в локте и кисть ее лежала возле таза, а кисть согнутой левой руки находилась под локтем правой руки. Под черепом было обнаружено 2 стрелы.

Из 9 полностью или почти полностью уцелевших конских скелетов 7 были обнаружены на южном склоне вала городища и 2 в большой полуземлянке возле скопления человеческих костей. В позвонках одного из конских скелетов, обнаруженного на южном склоне вала городища, находилась славянская железная ромбовидная стрела.

Перед нами предстала картина битвы на городище, сопровождавшаяся пожаром, разрушением сооружений и укреплений, и поражением

* М. К. Каргер, Археологические исследования древнего Киева, Киев, 1950, стр. 59—60.

** Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, МИА, вып. II, М.-Л. 1949 г., стр. 47, рис. 19.

защитников, так как жизнь на городище после не возобновлялась, и выше слоя пожара культурный слой на городище отсутствует. Таким образом, о прекращении жизни на городище из-за битвы и взятия его врагами свидетельствует мощный слой пожара, состояние оборонительных и иных сооружений, большое количество человеческих и конских костей, целые скелеты, комплексы ценных вещей, изделий и инструментов, никогда не оставляемых при нормальных условиях переселения, большое количество разнообразного оружия.

Кто же были участники драмы, разыгравшейся на городище? Кто были его защитники и кто были их врагами, которые разрушили и сожгли постройки и сооружения города? Когда и при каких обстоятельствах произошла битва, трагическая картина остатков которой открылась при раскопках?

Об этнической принадлежности жителей городища ярко говорят многие факты. Тысячи фрагментов славянской керамики с линейным и волнистым орнаментом, древнерусское оружие, серьги, браслеты, бусы, находящиеся себе многочисленные аналогии среди славянских древностей Киева, Чернигова, Гнездова, овручские шиферные пряслица, характер оружия, земледельческих, ремесленных орудий, система оборонительных сооружений и жилищ, все это неопровержимо свидетельствует о том, что население городища было славянским, принадлежало коренным славянским жителям Поднестровья — тиверцам. Анализ различных предметов материальной культуры, в частности, керамики и украшений, показывает глубокие местные корни славянского населения городища. Культура великокняжеского времени на Днестре, возможно, была создана не только местными автохтонными славянами, а и славянами, продвигнувшимися во второй половине первого тысячелетия с северо-востока на юго-запад, для доказательства чего имеются некоторые данные. Во всяком случае, в создании славянской культуры Поднестровья великокняжеского времени автохтонные славянские обитатели внесли свой ценный вклад. Они были главными ее создателями. Именно им, славянам Поднестровья, тиверцам-днестровцам и принадлежало Екимавское городище. Оно было, видимо, одним из 148 тиверских городов, о которых писал анонимный баварский географ II половины IX века* и одним из тиверских городов по Днестру, о которых упоминал русский летописец начала XII века**.

Когда было основано Екимавское городище? Сколько времени оно существовало? Когда разразилась битва, в результате которой прекратилась на нем жизнь?

Во время раскопок городища был найден целый ряд материалов, позволяющих определить верхнюю и нижнюю дату его обитания. К таким датированным вещам принадлежат, прежде всего, серебряные саманидские диргемы. Из 19 прочтенных диргемов, 4 принадлежат Исмаилу-ибн-Ахмеду (892—907 гг.), 13 — Насру II (914—943 гг.) и подражаниям его монетам и два грубых подражания саманидским диргемам. Большинство (16 из 19) диргемов, в том числе 3 Исмаила-ибн-Ахмеда и 12 Насра II имеют два круглых отверстия, указывающих на то, что эти диргемы употреблялись и как украшения. Из Средней Азии в Поднестровье диргемы могли попасть через Киев и другие крупные центры Руси, куда они поступали широким потоком путем внешней торговли.

Итак, по диргемам нижняя дата существования городища определяется концом IX века, наиболее поздние диргемы относятся к середине X века, но, принимая во внимание, что они использовались не только

* И. И. Шафарик, Славянские древности, т. II, кн. 1, М., стр. 211.

** Повесть временных лет, т. 1, изд. АН СССР, М., 1950, стр. 14.

как монеты, но и длительное время после этого служили украшением, мы для определения верхней даты их бытования, по установившемуся в нумизматике правилу, должны прибавить 50—80 лет к году из чеканки. Следовательно, по диргемам, верхней датой существования городища следует считать первую половину XI века.

Датировку, установленную по диргемам (IX — первая половина XI века), подтверждает и ряд других материалов. Керамика нижних слоев Екимавского городища весьма напоминает по форме, орнаменту и фактуре керамике селищ Луки-Райковецкой, датированной украинскими археологами VIII—IX вв.* Керамика нижних слоев Екимавского городища соответствует тем признакам, которые Б. А. Рыбаков** считает характерными для керамики VIII—IX вв. — толстостенность (до 2 см), плохой и неравномерный обжиг, примесь крупного песка, изготовление на примитивном гончарном кругу (заплывы глины донышка за края подставки), отсутствие клейм, широкий линейно-волнистый орнамент. О IX веке, как о нижней дате существования Екимавского городища, говорит сходство ряда керамических форм с ранней керамикой моравской блучинской культуры IX—XI веков***, о чем подробнее будет сказано ниже. Об этой же дате свидетельствует и нахождение в нижних слоях довольно большого количества глазчатых полихромных пастовых бус, широко распространенных и известных в нижних слоях Старой Ладogi, датированных VIII—IX веками****. О IX в. говорит и ряд других признаков, как, например, архаического облика медная лунница с язычком, с формой, характерной для времени до X века.

Большое количество разнообразных форм керамики, оружия, серебряных, медных украшений, в частности, так называемых лимонных стеклянных пронизок, находящихся себе аналогии среди восточно-славянских древностей X века, говорят об интенсивной жизни на городище в эту пору.

О том, что городище было обитаемо в первой половине XI века, говорит и керамика верхних слоев: с клеймами тонкостенная, из хорошо отмученной глины, без видимых примесей или с примесями мелкого песка и пирита, ровного и сильного горнового обжига, хорошо профилированная с сильно отогнутым венчиком и подчеркивающим его валиком, с четким и ровным орнаментом.

Об этой же дате говорит серебряная литая привенка весом в 9,27 г, то есть того типа, который появляется не ранее начала XI века, шиферные пряслица, появление которых по утверждению Б. А. Рыбакова относится также к этому времени***** (предположения Брайчевского об их более раннем появлении я считаю не доказанными), зерненные серебряные серьги, бусы и лунницы, находящее себе аналогии в Копневском***** Гнездовском***** 1868 года и других древнерусских кладах X—XI вв., сходство с наиболее развитыми формами блучинской моравской керамики и украшений XI в.,***** кубический замок, характерный на юге России для этого времени, бипирамидальные сердолико-

* В. К. Гончаров, Райковецкое городище, Киев, 1950, стр. 13.

** Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 86 и др.

*** И. Поулик, Старославянская Моравия, Прага, 1948 г., т. 51 и др., стр. 99, рис. 26.

**** Ф. Д. Гуревич, Древнейшие бусы Старой Ладogi, СА., вып. XIV, М., 1950, стр. 171.

***** Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 195.

***** Н. Линка-Гепенер, Копневский клад, Археология, вып. VI, Киев, 1948.

***** И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, СПб., 1897, т. V, стр. 60, рис. 48, стр. 65, рис. 58 и др.

***** И. Поулик, Указ. соч., табл. 46, рис. 2, табл. 47, рис. 2 и т. д.

вые бусы, появление которых также относится к XI в., а в северных областях Руси и к более позднему времени. Помимо того, что последние являются одним из датирующих материалов, они служат еще одним показателем того, что население Екимавского городища было именно древнерусским. Напомним, что А. В. Арциховский, специально исследовавший бипирамидальные сердоликовые бусы, пришел к выводу, что «сердоликовые бипирамидальные бусы являются надежнейшим этническим признаком русских славян (без различия племен) времен сооружения курганов»*.

Итак, согласно показаниям вещевого материала, Екимавское городище было основано восточными славянами-тиверцами в IX веке и существовало до середины XI века, когда внезапное нападение врагов, штурм и пожар прекратили на нем жизнь.

Почему и как возникло Екимавское городище?

Славяне Поднестровья, находившиеся в исключительно благоприятных природных и географических условиях, на древних торговых путях, рано достигли высокого развития производительных сил, расцвета своей материальной культуры, выделения и развития ремесел, что и послужило, как явствует из изучения большого количества ремесленных орудий, сооружений и изделий на городище, важнейшей причиной его создания. Для славян Поднестровья — юго-западного форпоста древней Руси, эта потребность в создании укрепленных городищ особенно усиливалась ввиду необходимости отражать нападения степных кочевников: угров, печенегов, половцев, причем, как показали разведки 1950 г., к IX — началу X века кочевники уже потеснили славян из степных районов нижнего Поднестровья.

Городок близ с. Екимав был ремесленным и военно-административным; феодальным центром, прикрывавшим окрестные неукрепленные славянские поселения и господствовавшим над ними.

В том, что нападение на жителей Екимавского городища было совершено именно кочевниками, не оставляет сомнения ни историко-географическая ситуация первой половины XI века, ни самый характер нападения — варварское и поспешное разрушение всего, что было на городище, и, вслед за этим, немедленный уход. Об этом же говорит и ряд вещественных данных: втульчатые конусообразные противокольчужные стрелы, найденные в слое пожарища, остродонный сосуд с орнаментом из больших заштрихованных треугольников и нескольких линий. Этот сосуд имеет кочевнический, восточный облик и по форме несколько напоминает сферококус.

Какой же кочевой народ нарушил мирный труд жителей Екимавского городища и напал на него? Ответ на этот вопрос, ввиду недостаточной изученности кочевнических древностей, может быть дан лишь предположительно.

Мы должны с самого начала исключить из числа возможных врагов, напавших на городище, западных и юго-западных соседей Руси, так как ни у болгар, ни у мадьяр, ни у чехов и других западных соседей нет таких стрел и сосудов, которые были описаны выше.

В середине XI в. Руси угрожали два прозных противника: печенеги и с конца княжения Ярослава Мудрого — половцы. В первой половине XI века печенеги особенно активно нападали на Русь. Достаточно вспомнить большой их поход 1036 г. Половцы, в середине XI века перекочевавшие в причерноморские степи, сильно потеснили печенегов на юго-запад, и, вероятно, отошедшие под напором половцев в нижнее Поднестровье. Попрутье и Подунавье печенеги и напали на Екимавское городище.

* А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М: 1930; стр. 36.

Внезапный пожар и гибель населения городища сохранили для науки большое количество ценных вещественных памятников: сооружений, орудий труда, изделий, антропологических данных зерен культурных растений.

Городище, как указывалось выше, было окружено кольцевым рвом и валом*. Последний достигал наибольшей высоты с южной напольной стороны, где его высота равнялась 4—4,5 м. Вал наряду с рвом, достигавшим глубины 4 м и деревянными городнями по валу (остатки которых были обнаружены при раскопках), составлял с напольной стороны 10—12-метровую отвесную стену, служившую эффективной защитой от внешнего нападения. С северной стороны, там, где, видимо, находился въезд на городище, вал был несколько ниже, так как помимо рва и вала, доступ здесь преграждала еще и речка, протекавшая по дну ложины, но пересохшая в настоящее время из-за вырубки лесов вокруг городища.

Весь внутренний склон вала был на глубине 20—40 см усеян известняковыми камнями. Часто эти камни располагались в беспорядке, что является результатом естественного оплыва склонов вала и их многолетней распушки. Внутренний склон вала для предотвращения его оплывания был, видимо, снабжен стенками из камней.

Раскопками вал был прорезан насквозь в его южной части на ширину 8 м, а в северной — была вскрыта внутренняя сторона вала на ширину 20 м. Раскопки вала в южной части городища показали, что в конструкцию его входили городни-клетки из массивных дубовых бревен диаметром в 30—40 см, заполненные глиной и камнями и представляющие собой прямоугольные срубы размером приблизительно 4 × 5 м, высотой около 4 м. Обугленные бревна городен в значительном количестве встречены при раскопках вала. На вскрытом нами относительно небольшом участке вала клеть сохранилась в восточной части почти полностью и была засыпана на высоту около 4 м глиной, обожженной при пожаре до кирпично-красного цвета и камнями, в то время, как в западной части сохранилось лишь заполнение городен — пережженные потрескавшиеся камни, обожженная глина высыпались в ров и на внешний склон вала. Созданная тиверцами система оборонительных сооружений служила эффективной защитой.

Оружие их отличалось разнообразием и для своего времени, по ассортименту и качеству, находилось на высоком уровне. На вооружении были бсевые пири, свинцовые, железные, каменные и костяные кистени, сабли, шиловидные граненые рожоны и листовидные копья, различной формы стрелы и метательные сулицы, боевые топоры. Географическое положение тиверцев на юго-западной окраине русских земель, необходимость отражать набеги иноземцев и участие их в больших походах, как, например, в походах Олега и Игоря на Царьград, привели к выработке совершенного и разнообразного оружия и к выработке соответствующих высоких боевых качеств, отмеченных их западными противниками.

Обратимся к внутренней планировке городища.

В центре его, судя по особенно большому скоплению костей домашних животных, возможно был загон скота, в середине которого помещались ключевой источник, большая, видимо, общественная зерновая яма, углубленная в материк до 2 м. Яма кувшинообразной формы, имеет наверху диаметр 2,5 м., сужается книзу до 1 м, а затем снова расширяется до 2—2,5 м. В северо-западной части городища обнаружены остатки большой полуземлянки, ориентированной с юго-востока на северо-запад, дли-

* Оборонительные сооружения изучались нами совместно с арх. Г. Б. Шукиным.

ной около 30 м. и шириной от 2 до 4,5 м, возможно состоявшей из 2 помещений, соединенных нешироким переходом.

К сожалению, это сооружение разрушено сверху многолетней распашкой, а снизу подмыто и деформировано водами прунтовыми и из источника, прежде огражденного, а ныне разлившегося по низменной части городища. Вода выступила в этой полуземлянке уже на глубине 40 см (максимальная глубина землянки до 1,5 м) и очень затруднила раскопки. Возможно, что это сооружение является остатками языческого культового места, где совершались трапезы. О таком назначении этой большой полуземлянки говорят ее размеры, расположение в центре городища, ряд вещественных данных. К ним относятся находки большого количества керамики и костей домашних животных, в том числе расколотых вдоль костей конечностей, что указывает на их употребление в пищу. Отметим также подвески — амулеты из клыков и костей животных с просверликами для ношения, медвежий клык с просверлиной (как известно, медвежий культ был одним из самых распространенных в древней Руси), две небольшие керамические лепешки (5 см в диаметре) с изображением креста в круге, две маленькие глиняные лошадки, покрытые циркулярным орнаментом и имеющие сквозные отверстия для ношения.

По кругу, неподалеку от вала (на расстоянии от 4 до 10 м) располагались жилища полуземляночного, а возможно также и наземного типа, площадью от 16 до 50 кв. м. Судя по большому количеству известняковых камней, найденных на плато городища, возможно, что оно было хотя бы частично замощено.

Полуземлянки были углублены в материк от 30 до 150 см, стенки их в материковой глине дополнительно обмазывались глиной и обжигались. Пол утрамбовывался. Иногда дно полуземлянки посыпалось золой для предотвращения промерзания, а сверху засыпалось глиной и трамбовалось. Наземные части стен состояли из переплетения ивовых и других прутьев, скрепленных жердями и обмазанных глиной. Остатки этих жердей, а также многочисленные куски обмазки с отпечатками прутьев и жердей, найдены в развале жилищ. Стены снаружи понизу обкладывались известняковыми камнями (возможно служившими отмошкой), как это и сейчас делается в молдавских избах. Во внутренней конструкции жилищ и мастерских широко использовались врезы в материк, в качестве компонента архитектуры и примитивной мебелировки, образуя столы, полки, лежаки, подставы печей, как это имеет место в полуземлянках, раскопанных в Суздале, Киеве, Райках, частично на Верхнем Днестре.

Раскопками вскрыты остатки одиннадцати таких жилищ и плохо сохранившиеся остатки возможных наземных жилищ. Внутри всех жилищ и вокруг них в большом количестве найдены обмазка со следами прутьев, куски древесного угля, зола, остатки жердей, печина, развал каменных завалинок и отмошек, вещевые материалы: орудия труда, оружие, украшения, жернова, утварь. Остатки печей сохранились плохо, но судя по ним, они были обычной для того времени полусферической или удлиненно-овальной формы, делались из глины. Неподалеку от жилищ находились грушевидные, усеченно-конические и цилиндрические хозяйственные и зерновые ямы, выносные летние очаги с соответствующим заполнением.

Мною, совместно с архитектором Г. Б. Шукиным, сделаны реконструкции двух из обнаруженных жилищ. Одно из них, судя по находкам, было вместе с тем мастерской кузнеца и ювелира. Эта полуземлянка была обнаружена на глубине 40—60 см, причем сверху ее частично перекрыл оплыв вала, что обусловило ее довольно хорошую сохран-

ность. Полуземлянка имеет форму вытянутого прямоугольника размером 8 × 4,5 м и ориентирована по валу. Наземные стены сделаны из жердей, переплетенных прутьями и обмазанных глиной. От них сохранились большие куски обмазки со следами прутьев и жердей, одна яма от столба, обугленные остатки жердей. Наземные стены жилища были обложены снизу известняковыми камнями, развал которых более или менее хорошо сохранился. Часть жилища была углублена (от 40 до 140 см) в материковую глину, причем с помощью различной формы и размеров вырезов в материковой глине создавали стол, полки, лежаки, подставки для печи, как и в других жилищах Екимашинского городища. Углубленные в землю внутренние стены обмазывались глиной.

Печь, судя по скоплению угля, пачины и золы, помещалась на одном из полуовальных врезов в материк. Под ней находилось скопление (возможно подпечная вымостка) камней. Поверх вымостки лежал толстый слой золы и угля. Выход был обращен к внутренней площадке городища и, вероятно, имел ступени, вырезанные в материковой глине. Они не сохранились, но показаны в реконструкции, так как о существовании их свидетельствует пологий склон горловины входа к центру жилища. Условны в реконструкции перекрытия и кровли.

Заполнение жилища состояло из угля, золы, обмазки, пачины, костей черепной крышки и голени (остатков погибшего в жилище человека), костей домашних животных, фрагментов керамики и множества вещей; в одной только углубленной в землю части жилища было обнаружено 132 бытовых предмета. Эти находки позволяют раскрыть быт и занятия обитателей жилища. Найдены жернова, скопления зерен пшеницы и других злаков, целые горшки различных размеров, пряслица, железные предметы: комплекты обручей, ушек, дужек от нескольких деревянных ведер, ключи, скобы от дверей, крюки, пряжки, кресала для высекания огня, ножницы, серп, скобель, тесла, кольца, гвозди, 26 заклепок, сердцевидные и пастовые бусы, поясной набор из 40 сердцевидных бронзовых бляшек, медные бубенчики и гривны, топоры, удила, астрогол с просверлиной, костяные проколки. Из оружия найдены наконечники стрел, сулиц, копий, боевые топоры, ножи, из которых один с костяной рукояткой.

Особенный интерес представляет найденный набор кузнечных и ювелирных инструментов в той части жилища, где, согласно реконструкции, находился стол, а также найденные в других местах жилища аналогичные орудия труда, заготовки и отходы производства.

Среди этих орудий труда имеются три небольших тигля для плавки цветных металлов, несколько точильных брусков, круглый точильный камень, употребление которых в древней Руси по косвенным данным доказывал Б. А. Рыбаков. Это точило, наряду с найденным в 1951 году в Новгороде в слое XI века, и точилом, найденным в Саркеле, является одним из трех известных древнерусских точил. Найдено несколько железных пробойников, шило, зубило, стальной напильник, пирамидальная наковальня с рабочей площадкой около 50 кв. см, большие кузнечные клещи, аналогичные клещам из городища Князь Гора, Подболотьевского могильника, шперак для ювелирных работ в сочетании с волочилом с двумя отверстиями различных диаметров (2 и 3,5 мм). До сих пор известны были лишь три древнерусских волочила: два в виде доски (из раскопок Н. И. Булычева на Спасском городище и из Князьей Горы) и одно, аналогичное нашему, но с тремя отверстиями, также из Князьей Горы. Найденное нами 4-ое древнерусское волочило, как и весь комплекс кузнечных и ювелирных инструментов, обнаруженных в этом жилище, свидетельствует о высоком уровне развития ремесла у славян Подне-

стровья. Интересно, что диаметры проволоки дужек серебряных зеренных серег и медных проволочных украшений, найденных на городище, медной проволоки (заготовки для изделий), в том числе найденных в данном жилище, совпадают с диаметром выходного меньшего отверстия екимауцкого волочила, что указывает на возможность изготовления всех вышеперечисленных изделий именно в этой мастерской. Куски железного шлака, бесформенные куски железа весом до 200 г (возможно части криц), подтверждают производственное назначение этого сооружения. Роль кузнечного горна, видимо, играла, как и в других древнерусских кузницах, по мнению Б. А. Рыбакова, простая жаровня, или упомянутая печь.

Таким образом, в описанном выше сооружении жил кузнец-ювелир, а скорее всего работали несколько мастеров. Они обладали полным набором совершенных для своего времени инструментов, требующих соответствующих производственных навыков и мастерства. О них красноречиво свидетельствуют орудия труда и изготовленное, вероятно, здесь же оружие, совершенных форм сельскохозяйственные орудия, бытовые предметы и тонкие ювелирные изделия, из которых отметим хотя бы найденные в этом же сооружении 6 зеренных серебряных серег.

Об обработке железа свидетельствуют, помимо вышеописанных инструментов, 42 находки железного шлака, кусков кричного железа и болотной руды, нескольких сопел от горнов, зубил, пробойников, клещей, железных клиньев и клинышков для рукоятей топоров, железных крюков, стержней и т. д. Железо добывалось на месте из болотных руд. Район поселения тиверцев входит в область распространения болотных руд, очерченную Б. А. Рыбаковым*.

Об обработке цветных металлов свидетельствуют находки шперака и волочила, пяти тиглей, ювелирного молоточка и зубильца, двух матриц с выпуклой рабочей и гладкой оборотной стороной, находки серебряной и медной проволоки и многочисленные изделия из серебра и меди, причем некоторые из первых покрыты позолотой. Серебро тиверцы могли получать из Трансильвании, медь из Венгрии.

О деревообработке дают представление находки резца для токарного станка, аналогичного гнездовому, старо-рязанскому, находки топоров, тесел, долот, скобеля, деревянных обугленных ложки и пробки, рукояток ножей и топоров, остатки городен вала и стен домов, обручей от деревянных ушатов.

Об обработке кости свидетельствуют находки железной пилы с закругленными зубьями, костяных изделий — гребня, орнаментированных накладок, наконечников, рукояток, костяных стрел, просверленных астропалов и зубов, костяных кистей и проколов. Наличие совершенных инструментов для обработки кости и соответствующих изделий позволяет предположить, что резьба по кости выделялась в ремесло.

О камнерезном мастерстве говорят жернова, песчаниковое пряслице, свыше 20 точильных брусков, круглое точило, кистени, сердоликовые бу-сы различных форм.

О ткачестве свидетельствуют находки 112 пряслиц (в том числе 22 шиферных овручских, указывающих на тесные связи тиверцев с центрами Киевской Руси), находка куса льняной ткани, отпечатки ткани льняного переплетения на обожженной глине и находки обугленных семян льна. О сапожном деле дает представление раскроечный нож с типичным полу-лунным лезвием и удлиненным черешком.

Изделия гончаров представлены многочисленными сосудами, в том

числе целыми, от маленьких горшочков до промадных горшков для хранения припасов (высотой около 70 см), сковородами. На доньшках некоторых сосудов клейма в виде креста, креста в круте.

Характерной особенностью екимауцкой керамики является примесь пирита к глине многих сосудов. Благодаря этому керамика приобретает золотистый блеск, что в сочетании с линейно-волнистым орнаментом, покрывающим большую часть многих сосудов, делает ее очень нарядной. О местном производстве и характерных особенностях екимауцкой керамики, отмеченных еще ранее*, дают представление и находки керамического шлака, шлакированной керамики и керамического брака. Вся екимауцкая керамика, кроме части сковород и тиглей, изготовлена на ручном гончарном кругу.

Екимауцкое городище было средоточием различных ремесел, которые достигли у тиверцев высокого развития и находились на одном уровне с производством в других древнерусских землях.

Такая специализация ремесла, такое качество и количество орудий труда и изделий были возможны лишь при высоком развитии производительных сил, работе на заказчика, на рынок, что указывает на наличие классового феодального общества у славян Поднестровья в X — первой половине XI века. На существование имущественного неравенства указывают находки прекрасных зеренных и сканных серебряных серег и грубых медных подражаний им.

О развитии торговли и частной собственности дают представление находки диргемов, серебряной гривенки, весовой гирьки (в 5,77 г), замка, ключей от внутренних и навесных замков, клейма на сосудах и пряслицах, привозные вещи.

О развитии сельского хозяйства, земледелия и скотоводства говорит ряд данных. В зерновых ямах и жилищах обнаружено 45 значительных скоплений обугленных зерен культурных растений. Среди них — зерна мягкой пшеницы, которая стояла на первом месте, по мнению А. В. Кирьякова, исследовавшего зерна Екимауцкого городища, в составе возделываемых культур у тиверцев, а также зерна проса, ржи, гороха, овса, а из технических культур — льна. А. В. Кирьяков предполагает, что тиверцы, кроме того, возделывали ячмень, а систему земледелия у них определяет как переложную. На городище найдены десятки обломков известняковых жерновов, в том числе несколько почти целых, диаметром около 50 и толщиной 10 см, мотыги, серпы (1 целый и 3 фрагмента), чересло для тяжелого передкового плуга, аналогичное череслам из Райковецкого городища, болгарским, орудие с плохо сохранившейся рабочей частью, возможно служившее легким лемехом. Тиверцы обладали дифференцированным набором сельскохозяйственных орудий: череслом от тяжелого плуга упряжной тяги, для вспахивания целинных земель, лемехом для старопахотных земель и маленькими лемешками для предпосевной обработки почвы.

О развитии скотоводства яркое представление дают находки железных удиц, лошадиных пут, косы-горбуши, обычно применявшейся для косыбы сена, огромное количество костей домашних животных. Исследовавший их В. И. Цалкин отмечает, что на первом месте стоит лошадь, затем корова, свинья, мелкий рогатый скот, собака и птица. Содержание скота было стойловым, о чем говорит находка горбуши.

О развитии охоты дают представление находки костей кабана, косули, оленя, а также различных видов охотничьих стрел-срезней. О рыболовстве свидетельствуют находки остроги, трех рыболовных крючков,

* Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М. 1948, стр. 92—93.

* Г. Б. Федоров, указ. соч.

блесны для ловли крупной хищной рыбы. О бортничестве — медорезный нож, типичной коленчатой формы.

Удаленные на сотни километров от центра Киевской Руси, тиверцы достигли не только высокого развития материальной культуры, но и жили одной жизнью с остальными русскими землями, составляя с ними единое культурное и экономическое целое. Остатки их материальной культуры находят себе многочисленные аналоги в древностях Киева, Чернигова, Княжей Горы.

В качестве примера могут служить 45 сердцевидных бляшек от поясного набора, найденных на городище. Они аналогичны бляшкам из срубного погребения киевского дружинника X в., бляшкам из черниговского кургана Гульбище**. Екимавские стрелы аналогичны гнездовским и другим русским стрелам. Зерненные серебряные бусы и лунницы аналогичны гнездовским***, копиевским****, киевским. Серебряные зерненные бляшки аналогичны находкам из гнездовского клада 1868 года*****, бляшкам из Елецкого монастыря в Чернигове*****. То же можно сказать и о медных гривнах, браслетах, кольцах, бубенчиках, сферических пуговицах, серебряных гладких височных кольцах, о многих орудиях труда и оружии. Общерусский облик тиверской материальной культуры отражает стирание племенных различий между восточно-славянскими племенами и образование во второй половине первого тысячелетия н. э. древнерусской народности.

Вместе с тем, тиверцы выработали формы материальной культуры, которые, не теряя общерусского облика, имеют специфические, именно тиверцам присущие черты, сохранившиеся как пережиточные явления и в X и в XI вв. подобно тому, как локальные особенности в материальной культуре сохранились и на других бывших племенных территориях восточного славянства и после образования древнерусской народности. Сошлусь, для примера, хотя бы на медные перстни со вставкой цветных стекол, удерживаемых в гнездах закраинами, образующими розетку, или на замечательные серебряные зерненные серги тонкой и сложной работы, относящиеся к так называемому волинскому типу.

Этот тип серег, представляющих собой в схеме гладкую дужку с большой многобусинной привеской, широко распространен в юго-западных русских землях и найден в Гочева, Киеве, Винницкой области, на Волини, в том числе в одном из курганов Пересопницкого могильника вместе со штампами и орудиями труда, а также в западно-славянских землях в Чехии, Моравии, Болгарии, Польше и даже в Венгрии. Однако под термином «серги волинского типа» объединяются серги различного вида, связанные лишь вышеуказанной схемой, возможно ведущей свое начало, как это предполагает Л. Нидерле и другие исследователи, от античных серег с изображением виноградной грозди*****.

Между тем, среди этих различных видов, два вида серег, найденных в Екимавцах, встречаются лишь в нескольких экземплярах в Кие-

* М. К. Каргер, Археологические исследования древнего Киева, Киев, 1950, рис. 63.

** Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, МИА, вып. II, М., 1949, стр. 39, рис. 13.

*** А. С. Гущин, Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв., М., 1936, табл. IV, №№ 1, 2, 6, 7.

**** Н. Линка-Геппенер, указ. соч., табл. III, рис. 2.

***** А. С. Гущин, указ. соч., табл. IV, рис. 16, 18.

***** Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 53, рис. 21.

***** Г. Х. Корзухина, О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XIII вв., КСИИМК, XIII, М.-Л., 1945.

ве*, в довольно значительном количестве в Копиевском кладе**, и в нескольких экземплярах в Токайском кладе в Венгрии, причем венгерские археологи считают их славянскими, единственный экземпляр в Чехии. В упомянутых случаях серги екимавского типа представлены, кроме копиевского клада, лишь единичными экземплярами, и не на поселениях. На Екимавском городище найдено 32 экз. этих серег вместе с орудиями их изготовления. Обнаружение их именно на городище доказывает их местное бытование и производство и позволяет считать такие серги специфической принадлежностью тиверцев, а единичные находки их в других местах — результатом торговли и обмена.

Облик материальной культуры тиверцев, наличие привозных из Киева вещей говорят о тесном культурном единстве с Киевской Русью, о том, что Поднестровье было частью Киевской Руси. Славяне Поднестровья имели культурные связи с западными и южными славянами. Выше уже говорилось о сходстве между тиверской и моравской блучинской керамикой и украшениями (бусы, серги, бляшки), но это сходство никогда не переходит в тождество. Интересно, что автор монографии о моравской материальной культуре, чехословацкий археолог Поулик отмечает: «Чрезвычайно важным фактором развития материальной культуры древней Моравии, а вместе с тем причиной возникновения и развития совершенной керамики блучинской формы, являются сношения области блучинского типа с Подунавьем»,*** куда, как напомним мы, доходили поселения тиверцев — «подунайцев» русокой летописи. О возникновении серег екимавского типа в Венгрию, видимо путем торговли, уже упоминалось выше. Сходство с тиверскими серебряными и медными украшениями прослеживается и в ряде чешских, польских, болгарских, венгерских древностей X—XI вв. Все это определяет круг культурных и экономических связей тиверцев.

Таким образом, раскопки Екимавского городища раскрыли перед нами, ранее совершенно неизвестную, яркую, древнерусскую культуру славян Поднестровья. Напомним, что буржуазная наука не только не открыла памятников материальной культуры славян Поднестровья — тиверцев, но и в ряде работ отрицала самую принадлежность их к восточным славянам, называя тиверцев скифами, печенегами, турками, хорватами, конгломератом различных народностей и т. п.

Загадочные тиверцы бесплодных академических споров буржуазной науки в результате археологических исследований последних лет предстают перед нами во всем полнокровии и своеобразии своей древнерусской материальной культуры, все более полно раскрываются территориальные границы их обитания, экономическая и социальная история, истоки тиверской культуры, политические и культурные связи. Теперь мы можем уверенно сказать на основании тысячи вещественных данных, что Поднестровье входило в состав Киевской Руси.

Дальнейшие разведки и археологические исследования Екимавского городища и других городищ и селищ славян Поднестровья позволяют более полно воссоздать их конкретную историю, представить облик их материальной культуры, их вклад в создание общерусской культуры, их роль в образовании молдавского народа, его государственности и культуры.

* Л. А. Голубева, Киевский некрополь, МИА, вып. II, М.-Л., 1949 г., стр. 107, рис. 26 б.

** Линка-Геппенер, Указ. соч., табл. II, рис. 1—3, табл. II, рис. 14.

*** И. Поулик, Указ. соч., стр. 182.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй кандидатулуй ын штиничь историче Г. Б. Фьодоров «Дин резултателе лукрулуй экспедицией археоложиче Славо-Нистриене ын аний 1950—1951»

Артиколул луй Г. Б. Фьодоров «Дин резултателе лукрулуй экспедицией археоложиче Славо-Нистриене ын аний 1950—1951» ый ынкинат черчетэрий монументелор славилор рэсэритень пе териториул Молдовей, монументе, каре ыннаинте ну нумай кэ ну ерау черчетате, дар нич н'ау фост дископерите. Студия аистор монументе аре о маре ынсэмнэте ну нумай пентру черчетэриле историче але Русией векь, дар ши пентру лэмурия трекутулуй нородулуй молдовенеск. Экспедиция а дископерит, а черчетат 44 монументе славе: 16 кэтуе дин эпока аша зысэ «полей погребений», 22 кэтуе русешть векь, прекум ши 6 орэшеле русешть векь. Авторий пресупун, кэ пе териториул Молдовей, пе малул Ниструлуй, култура славе тимпурие, нумитэ «поля погребения» ын декурсул вакурилор VI—IX трече ын култура веке русаскэ, фиинд женетик легатэ ку дынса. Ын анул 1950 с'ау фэкут сепэтурь де рекуноаштере ын орэшеле тиверцилор дин вакуриле IX—XI. Концынутул богат ал пэтурий културале аратэ интенситатя веций ын ашезэриле естя. Продуселе де месерие де калитате ынналтэ служеск дрепт довадэ а дизволтэрий културый материале. Ун материал деосэбит де прециос ау дат сепэтуриле дин анул 1951 дин орэшелул слав Екимэуць (кам вре-о 2000 дископерить прециосе): унелте де лукру, арме, подоабе, рестурь де локуинць ши ынтеритурь. Трэсэтуриле културый естя материале аре мулте аналожий ку култура материалэ а Киевулуй, Черниговулуй, Княжья Гора. Ын урма черчетэрилор археоложиче фэкуте трибул аутохтон дин Поднеэтровье — тиверций ни сэ ынфэцэшаэ педеплин ку тоате трэсэтуриле културый материале русешть.

И. И. МЕЩЕРЮК,
кандидат исторических наук

ПЕРВОЕ МАССОВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БОЛГАР И ГАГАУЗОВ В БЕССАРАБИЮ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В южных районах Молдавской ССР и в Измаильской области Украинской ССР проживает около 270 тысяч болгар и гагаузов; переселившихся туда из Болгарии еще в первой половине XIX века. До настоящего времени их истории не уделено достаточного внимания. Между тем, переселение и дальнейшая история этих переселенцев представляет большой интерес, как яркое свидетельство развития дружбы между русским народом и населением Болгарии в прошлом.

О первом массовом переселении, как и по истории болгаро-гагаузских поселений в Бессарабии вообще, существует весьма небогатая литература. Автором первого, наиболее обильного фактическими данными труда по этому вопросу, изданного в Одессе в 1848 г. под названием: «Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае», является А. А. Скальковский, первый начальник архива Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства. Этим, с одной стороны, объясняется относительное изобилие использованных им архивных данных и различного актового материала. Вместе с тем, положение А. Скальковского, как чиновника генерал-губернаторства, предопределяло содержание и характер его труда, главной целью которого являлось восхваление и оправдание колонизаторской деятельности царизма на юге империи.

Авторы, писавшие после Скальковского, как правило, использовали его богатый статистический и фактический материал, часто без всяких указаний на заимствования из работы Скальковского. К числу таких авторов следует отнести А. Зашука А. Клауса, И. С. Иванова, Г. Занетова и др. Работа А. Зашука «Бессарабская область», помещена в «Материалах для географии и статистики России», изданных в Петербурге в 1864 г. Чиновником русской службы болгарин И. С. Ивановым написана статья «Краткий очерк болгарских колоний в Бессарабии», которая была помещена в первом томе «Записок Бессарабского областного статистического комитета», изданном в Кишиневе в 1864 г. Небольшая по размерам работа болгарского автора Г. Занетова «Българските колонии в Русия. Колонисте в Бессарабия», напечатана в журнале «Периодическо списание на българското книжовно дружество в Средец. Година девета, книжка 48, Средец, 1895».

Однако названные авторы широко использовали не только материалы А. Скальковского, но включили в свои работы также сведения, собранные ими во время личных посещений болгарских и гагаузских поселений в Бессарабии. Особенно важны данные, собранные И. С. Ивановым и Г. Занетовым.

Тем не менее, все названные труды, как и труд представителя царского чиновничества XIX века П. Н. Батюшкова «Бессарабия. Истори-

ческое описание», изданный в Петербурге в 1892 г., не дают достаточных материалов для правильного освещения интересующих нас вопросов тем более, что в них почти полностью отсутствует элемент исследования, а основное внимание уделено описательной стороне вопроса.

Ни один из названных авторов после Скальковского не привлекал новых архивных данных, которые позволили бы по-новому подойти к решению вопросов, относящихся к переселению болгар и гагаузов в Бессарабию.

Более того, в первой половине текущего столетия отечественные авторы почти не касались названной темы. Возможно, что этим воспользовались румынские буржуазные историки, написавшие несколько небольших работ по переселению заданайских жителей в Бессарабию, дав в них далеко не научное освещение вопроса.

Сюда, прежде всего, относится работа Г. Д. Драгомира «Болгарские колонии в южной Бессарабии», изданная в 1928 г. в г. Тульче, на румынском языке. Названный автор стоял на позициях буржуазного объективизма. Однако он не мог отрицать положительных сторон переселенческой деятельности России, добившейся заметных успехов в заселении Буджака на протяжении прошлого столетия.

Зато буржуазно-националистический историк Ион Нистор прилагал все усилия для оправдания насильственного захвата Бессарабии фашистскими прихвостнями Гитлера из бывшей королевской Румынии во время второй мировой войны. Этой задаче была подчинена его работа «Поселения болгар и гагаузов в Бессарабии», помещенная в «Анналах Румынской Академии наук» (Бухарест, 1944).

Вполне понятно, что с таким положением, особенно после воссоединения Бессарабии с Советским Союзом, в результате чего бессарабские болгары и гагаузы вошли в состав Молдавской ССР и Украинской ССР, мириться нельзя. Ощущается все более настоятельная необходимость в подлинно научном освещении их истории, быта и культуры с позиций марксистско-ленинской науки. Научное исследование этих вопросов показывает, как складывались в прошлом условия для развития дружбы великого русского народа со славянскими народами, жившими за Дунаем. История бессарабских болгар и гагаузов в наше время тем более привлекает внимание исследователей, что они проявили себя активными участниками реконструкции своего хозяйства, быта и культуры на социалистических основах в годы послевоенных пятилеток; в успешном осуществлении которых их районы занимают одни из первых мест в МССР.

В последние несколько лет советские историки начали проявлять интерес к историческим судьбам болгар и гагаузов Бессарабии. В 1950 г. во II томе «Ученых записок Кишиневского Государственного Университета» опубликована наша статья о болгарских и гагаузских поселениях Бессарабии в 20-х гг. XIX в. В I томе «Истории Молдавии», изданном в 1951 г. под ред. члена-корреспондента Академии наук СССР А. Д. Удальцова и профессора Л. Б. Черепнина, помещена историческая справка о бессарабских болгарях и гагаузах. Авторы предприняли первые попытки освещения с марксистско-ленинских позиций причин, побуждавших это население переселяться в Бессарабию, и целей, которые при этом преследовало правительство царской России в своей колонизаторской деятельности.

Нельзя не отметить также появление целой серии статей и других материалов группы московских филологов-болгароведов во главе с проф. С. Б. Бернштейном. Некоторые из них представляют ценность для исследования отдельных вопросов истории болгар, живущих в Молдав-

ской и Украинской республиках. Таковы работы: С. Б. Бернштейна «Страница из болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.», «Отчет о диалектологической поездке в болгарские села МССР и Измаильской области УССР летом 1947 г.», «Задачи изучения болгарских говоров СССР», «О языке города Болграда», С. Б. Бернштейна и И. К. Буниной «Предварительный отчет о диалектологической экспедиции в болгарские села Молдавской ССР и Измаильской области УССР», Е. В. Чешко «Итоги работы по составлению лингвистического атласа болгарских говоров СССР», «Отчет о диалектологической поездке в болгарское село Тараклию МССР и с. Табаки, Измаильской области, УССР» и ряд других работ, помещенных в I и II томах «Ученых записок Института славяноведения Академии наук СССР» в 1949 и 1950 гг.

Отдельные архивные документы из фондов Центрального Государственного исторического архива МССР, имеющие отношение к проблемам переселения болгар и гагаузов в Бессарабию, опубликованы в сборниках документов — «Кутозов в Дунайских княжествах» (Кишинев, 1948 г.) и «Багратион в Дунайских княжествах» (Кишинев, 1949 г.), составленных Н. В. Березняковым и В. А. Богдановой.

Однако основные архивные материалы, имеющие отношение к интересующим нас проблемам, остаются неиспользованными. Большой интерес для исследователя представляют фонды Центрального Государственного исторического архива МССР: а) фонд сенаторов, председательствовавших в Диванах Молдавии и Валахии в годы русско-турецкой войны (1806—1812 гг.), содержащий значительную часть официальной переписки русских гражданских и военных властей по вопросам переселения болгар и гагаузов в пределы России; б) фонд Бессарабского гражданского губернаторства, имеющий ценную и обильную переписку по этим же вопросам и расселению прибывших переселенцев после их прибытия из Болгарии вплоть до издания указа 29 декабря 1819 г., окончательно решавшего вопрос о дальнейших судьбах переселенцев.

Материалы названных фондов позволяют установить причины состоявшихся переселений и заинтересованности России в привлечении на свои земли иммигрантов с Балканского полуострова на протяжении первой половины XIX века. Те же материалы дают возможность осветить совершенно неизвестные до сих пор страницы из истории борьбы болгар и гагаузов как против угнетавшей их султанской Турции, так и против попыток закрепощения их бессарабскими боярами в первой четверти XIX века.

Таковы главные источники, положенные в основу настоящей работы, посвященной первому массовому переселению болгар и гагаузов в Бессарабию и их борьбе за свое устройство и свободное развитие. В задачу автора входило как выяснение обстоятельств, при которых осуществилось данное переселение, так и ход и общие результаты переселения до 1818 года.

* * *

Территория, которая была использована под поселение болгарских и гагаузских переселенцев, с древнейших времен называлась славянским именем «Угол». В XV веке она была захвачена султанской Турцией и переименована захватчиками в «Буджак», что по-турецки также означает «Угол».

* Диванами в Молдавии и Валахии назывались боярские советы при господарях. Они ведали гражданским управлением этих княжеств. В период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. в Диванах председательствовали русские сенаторы: в 1808—1810 гг. — Кушников, в 1810—1812 гг. — Красно-Милашевич.

В период турецкого владычества обширные холмистые степи Буджака, или «Бессарабии», собственно так называемой» были заселены татарскими ордами. Наиболее значительная из них называлась Буджакской ордой. Эти орды были подвластны Крымскому хану на протяжении всего периода вассального подчинения Крыма турецкому султану. В непосредственном владении Османской Порты находились города-крепости на границах Буджака: Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил. В них содержались турецкие гарнизоны, с помощью их Турция осуществляла свое господство над подвластным населением*.

Татарские разбойничьи орды нападали из пределов Буджака на соседние молдавские и украинские земледельческие районы, разоряли хозяйство и тормозили развитие этих районов. Без уничтожения этого разбойничьего гнезда соседние с Буджаком Молдавия и Украина не могли нормально развиваться. Ликвидация татарских орд стала возможной только с XVIII века, когда Русское государство, в своей борьбе за овладение новыми территориями на юге и за выход в Черное море, нанесло ряд сокрушительных ударов Турции — главному сюзеру и покровителю буджакских хищников.

Особенно заметными стали успехи России во второй половине XVIII в. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг., когда часть русских войск, бывших под командованием генерала Панина, овладела Буджаком, отсюда русское командование вывело 12 тысяч татар и водворило их в юго-восточных районах России. Около 5 тысяч татар, оставшихся после этого в Буджаке, было выселено в Крым в самом начале русско-турецкой войны 1806—1812 гг.**. Поэтому, после 1807 г., огромная территория Буджака, заключавшая в себе более 1,5 миллиона гектаров земли, осталась почти безлюдной.

Даже через 15 лет после этого здесь было так мало населения, что на это обратил внимание великий поэт А. С. Пушкин, совершивший свое путешествие по Буджаку в 1822 году, в известных строках:

«Сия пустынная страна
Священна для души поэта;
Она Державинным воспева
И славою русского полна».

После выселения татар в Буджаке осталось небольшое количество молдаван, болгар, сербов, греков и других переселенцев, поселившихся там после русско-турецкой войны 1768—1774 гг. О малонаселенности названной территории свидетельствуют и данные Корниловича, автора объемистой работы «Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака»***. Они были собраны в результате произведенного им размежевания в 1822—1828 гг. буджакских земель между наличным населением Буджака, крупными землевладельцами и казной.

На землях, отведенных тогда под поселение болгар и гагаузов, Корнилович обнаружил всего около двух с половиною тысяч жителей, посе-

* Я. Ф. Ставровский, Исторические судьбы Новороссии и культурные ее успехи, Россия, Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. Семёнова Тянь-Шанского, т. 14, СПб., 1910, стр. 160. См. также Л. С. Берг, Бессарабия. Страна, люди, хозяйство, Пгр., 1913, стр. 66 и П. Н. Батюшков, Бессарабия, Историческое описание, СПб., 1892, стр. 135.

** А. Зашук, Материалы для географии и статистики России, Бессарабская область, СПб., 1862, стр. 146.

*** Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, с приложением генерального плана сего края, составленное при гражданской съемке Бессарабии комиссией, производившей размежевание земель на участки с 1822 по 1828 год. Изд. Аккерманского земства, Аккерман, 1899, стр. 17.

лившихся в Буджаке до 1806 г. Из них было: 939 человек молдаван, 498 — болгар и гагаузов, 476 — украинцев и 456 греков. Так, болгары и гагаузы составляли одну пятую часть всего населения. «Старые» поселения болгар и гагаузов в какой-то степени оказали положительное влияние на приток новых масс их соотечественников из-за Дуная в XIX в. и, в частности, во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

Земли, лежащие севернее Буджака, тогда были многолюднее, но там господствовали помещики, угнетавшие коренное местное молдавское население. Из-за недостатка земли и социального угнетения со стороны местных феодалов многие крестьяне, в поисках свободной жизни, оказались вынужденными бежать оттуда в буджакские степи.

Молдавские и украинские крестьяне из северной Бессарабии селились преимущественно в нижнем течении Прута, Днестра и Дуная, создавая здесь свои поселения. Переселения молдавских крестьян с севера Бессарабии на юг наблюдались и после окончания русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Так, например, село Чимишлия (ныне районный центр того же названия — И. М.) возникло после окончательного удаления отсюда татар и в результате его заселения молдаванами-переселенцами из северной Бессарабии. Село Райлянка, Аккерманского уезда, было основано в 1830 г. жителями, пришедшими туда в числе 119 семейств из села Карлыкова, Хотинского уезда*. Само название этого нового села свидетельствовало о том, что его жители являлись райлянами, то есть выходцами из «райи». Это только единичные примеры, число которых может быть умножено. Они доказывают нам, что молдавские поселения Буджака в основной своей массе возникли также в результате освобождения Бессарабии от владычества Турции и присоединения ее к России. Из-за Прута в первой половине XIX в. также бежали в Буджак молдавские и даже валахские крестьяне, опасавшиеся не только от чужеземного ига, но и от угнетения со стороны своих бояр и других крупных землевладельцев.

Буржуазно-националистические историки Румынии без всяких оснований пытались доказать, что в Буджаке, после выселения оттуда татар, оставалось большое количество сел, населенных румынами. Тем самым они стремились умалить объективно-прогрессивную роль, которую играла Россия в судьбах Бессарабии в XIX столетии. Так, например, румынский историк Ион Нистор, опираясь исключительно на неправильно истолкованные им данные топонимики, утверждал, что села Волканешты, Чешма-Варунта, Троян-Веки и др. якобы издавна заселены румынами**. В действительности названия многих сел, упоминаемых Нистором, недавнего происхождения. Переселенцы из-за Дуная и Прута в XIX в. либо называли свои поселения именами их первооснователей, либо, в отдельных случаях, сохраняли старые названия, данные турками и татарами. Названия отдельных поселений могли давать и давали также молдаване, переселявшиеся в XIX в. с севера Бессарабии и из-за Прута. Точно так же поступали и другие переселенцы из-за Прута и Дуная. Так, например, гагаузское село Волканешты получило свое название в XVIII в. по имени Волкана (армянина), который считается одним из первых жителей этого села***. Окончание же названия села на «ешты», обычное для наименований молдавских сел, объясняется тем, что в данном селе поселились вместе с гагаузами и молдаване. До настоящего времени четвертая часть этого села носит название «Молдован».

* ЦГИА МССР, ф. 2, № 372, л. 6.

** Ion Nistor, Asezările bulgare și gagaute din Basarabia, Analele Academiei Române, București a. 1944, t. XXVI, pag. 364.

*** Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, стр. 487.

Что касается названия села «Чешма-Варунта», заселенного болгар, то оно объясняется тюркским словом «чешме», бытующим в болгарском языке, означающим источник, и молдавским словом «варунта», означающим известковый или побеленный известью. Небезинтересно отметить, что названия большинства бывших татарских селищ так или иначе связаны с водой (колодец, источник, берег и т. д.). Например, названия сел: Шикирликитай происходит от слов «шикирли» — сахарный и «китай» — берег; Ташбунар от слов «таш» — камень и «бунар» — колодец; Татарбунар означает татарский колодец и т. д.

Болгарское наименование села Стари Троян только после 1918 г. румынские оккупанты переименовали в Троян Ноу, точно так же как болгарское наименование села Димитровка в эти годы стало называться порумынски — Димитриешть и т. д.

Так, подтасовывая и извращая факты, Истор стремился дать «историческое обоснование» фашистским захватчикам для изгнания болгар и гагаузов из южной Бессарабии и, таким образом, дать возможность оккупантам неограниченно распоряжаться этими землями. Фашистская клика Антонеску в 1941—1944 гг. начала осуществлять этот человеко-ненавистнический план и даже произвела для этого точный учет всех болгар и гагаузов и, если не осуществила его, то благодаря Советской Армии, освободившей от фашистских захватчиков не только Бессарабию, но и Румынию.

Фальсификация, к которой прибегали буржуазно-националистические историки боярской Румынии, находится в столь явном противоречии с действительным положением дел, что с ними должны были посчитаться более беспристрастные историки этой страны и признать, что основная масса молдавского населения появилась на территории Буджака только в результате его освобождения от турецкого гнета*.

Вопрос о заселении почти безлюдного Буджака неизбежно должен был встать перед русским правительством уже в ходе войны 1806—1812 гг. В своем стремлении к господству на Балканах царизм оказывался заинтересованным, во-первых, в том, чтобы, заняв Буджак, лишить Турцию этого важного стратегического плацдарма. Во-вторых, он был заинтересован в превращении Буджака в собственный плацдарм, направленный против Турции. Но для этого предстояло прежде всего решить такой важный вопрос, как заселение пустовавшей территории. Однако привлечение русского населения из центральных губерний в этих целях представлялось делом чрезвычайно трудным до тех пор, пока там сохранялись крепостные порядки. Массовое переселение из внутренних губерний России на ее окраины, как установил В. И. Ленин, стало возможным только после реформы 1861 г.**.

В целях создания своей социальной опоры в Бессарабии, самодержавие шло навстречу местным боярам и другим крупным землевладельцам, а также наиболее активным колонизаторам из числа русских дворян, военных и чиновников, которых щедро наделяло пустовавшей землей. Но таким путем нельзя было решить такой важной задачи, как увеличение количества жителей Бессарабии вообще и Буджака в частности.

Вот почему для заселения Буджака большое внимание уделялось привлечению иностранных выходцев, главным образом, болгар, гагаузов, запутских молдаван, сербов, греков и др.

Болгары и гагаузы в первой половине XIX в. составили основное население Буджака. Первое их массовое переселение сюда из-за Дуная

* С. D. Dragomir, *Coloniile bulgare din sudul Basarabiei*, Tulcea, 1928, p. 18.

** В. И. Ленин, *Соч.*, т. 3, изд. IV, стр. 200 и 201.

состоялось во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Переселения продолжались затем во время последующих русско-турецких войн 1828—1829 и 1853—1856 гг. и после каждой из них.

Литературные и архивные источники не разделяют этих переселенцев из пределов Болгарии на собственно болгар и гагаузов. И те и другие в официальных источниках на протяжении всей первой половины XIX в. известны под общим именем болгар. Лишь в отдельных случаях упоминается о наличии в составе переселенцев значительной части болгар, говорившей только на каком-то тюркском наречии.

Не решая в настоящей работе окончательно вопроса об этногенезе гагаузов, которых называли в прошлом болгар, говорившими на особом языке, отметим, что их потомки в массе своей не знают болгарского языка, но, составляя самостоятельную народность, называют себя не болгар, а гагаузы.

Переселение болгар и гагаузов из пределов Болгарии на территорию Бессарабии явилось одной из форм протеста их против турецкого ига, которое они испытывали на протяжении долгих столетий. Как известно, Болгария освободилась от тягчайшего гнета и зависимости от феодальной Турции в результате успешных войн, которые вела против нее Россия в XVIII и XIX вв. и благодаря которым в 1878 г. Болгария добилась самостоятельности, а ее население было спасено от ассимиляции турками.

Но задолго до освобождения Болгарии часть ее населения, в поисках спасения от невыносимого и жесточайшего национального, социального, экономического и религиозного угнетения, оказалась вынужденной стать на путь переселения в Россию. Это находится в прямой связи с усилением страданий болгарского населения с конца XVIII в. Тогда против попыток султанов упрочить султанскую власть в разлагающейся феодальной Турции и создания новой армии начались смуты и мятежи революционных сил турецкого общества. Против султанов выступали недовольные ими аялы и паши во главе отрядов, набранных из деморализованной турецкой военщины и разбойничавших шаек, «готовых служить любому, кто обеспечит им жалованье и возможность грабежа». Эти мятежники, а также разбойные шайки кирджалиев и правительственная армия, посылавшаяся для умирения первых, подвергали в конце XVIII и начале XIX вв. население Болгарии неслыханному грабежу и самым разнообразным насилиям. Они принимали столь широкие размеры, что о них не могли умолчать даже султаны. В одном султанском фермане 1795 г., например, говорилось следующее: «Всюду, где они (в данном случае мятежники и разбойничьи шайки. — И. М.) проходили, огнем и мечом, превращали все в прах и пепел, поджигали, избивали и грабили. Кроме того, эти разбойничьи орды осаждали города Гюмюрджин, Демотику, Пловдив и Пазарджик, пытаясь взять их. Они захватывали их имущество, бесчестили девушек и женщин, убивали, предавали огню села, города и жилища со всей утварью и прочим имуществом. Каких только неслыханных и невиданных преступлений они не совершили».

Прошло еще шесть лет, и австрийский представитель при константинопольском дворе Герберт Рэт Кил доносил своему правительству 11 мая 1801 г.: «Румелию продолжают опустошать горцы (так называли тогда разбойников, скрывавшихся в горах и совершавших отсюда свои нападения на беззащитное население — И. М.), разбойничьи орды, люди

* Д. Косев, *Новая история Болгарии*, перевод с болгарского, М., 1952 г. стр. 27.

** Д. Косев, *Цит. соч.*, стр. 37. См. также Жак Натан, *Болгарское возрождение*, М., 1949, стр. 46.

Пазвандоглу и столь же недисциплинированные правительственные войска»*.

Если даже султан и представитель иностранного государства отмечали такую степень угнетения и страданий народа, то на самом деле они были еще более тяжелыми.

При таких обстоятельствах, хотя войны России с Турцией являлись захватническими, но, независимо от целей русского царизма, они имели объективно-прогрессивное значение для населения Болгарии. Г. Занетов, занимавшийся историей болгарских поселений в России, более полувека тому назад писал, что постоянные войны России против Турции способствовали переселению болгар на земли первой. «Войны,—отмечал он,—служили более близкому знакомству болгар с русскими: болгары убеждались в том, что русские являются братским и сильным народом, способным сломить силу их домашнего врага и облегчить их судьбу и, быть может, освободить их. Поэтому они полюбили их, прибегали к их помощи и часто оставались навсегда в России»**. Анонимный критик работы болгарского автора («К истории болгарской колонизации в России») П. Габе, также в полном согласии с последним, признал, что, после каждой русско-турецкой войны, «вслед за уходящей из Болгарии русской армией», в Россию переселялись болгары, «преимущественно таких округов, как Видинский, Варненский, Силистрийский, Тырновский и пр.»***. Наблюдение Занетова подкреплено фактами установления и развития русско-болгарской дружбы в ходе русско-турецких войн. Он отметил, что русские со своей стороны видели в болгарях «народ, всегда готовый идти рука об руку с собой» и что во время войн с Турцией «болгары создавали отряды и дружины, сражавшиеся вместе с русскими войсками»****.

П. Габе и его критик также отмечали, что население указанных выше округов оказывало русским войскам «особое радушие и поддержку, часто с оружием в руках, против турок... Избегая мести турок или просто их тяжкого ярма, эти несчастные вынуждены были расставаться с родными очагами и искать убежища в соседних христианских государствах»*****.

Сказанное в одинаковой степени относится не только к болгарам, но и к гагаузам, которых Занетов и др. авторы не отличают от болгар. Можно с полным основанием предполагать, что гагаузы имели не меньше оснований вести совместно с болгарями самоотверженную борьбу против чужеземных угнетателей.

Поскольку вопрос об этногенезе гагаузов до настоящего времени остается нерешенным, необходимо хотя бы коротко остановиться на нем. Такая необходимость вызывается настоящей темой, особенно потому, что основная масса гагаузов в первой половине XIX века переселилась из Болгарии в Буджак.

Исходя из указаний И. В. Сталина о том, что «Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов»*****, можно допустить, что гагаузы являются частью болгарского народа, более всего подвергшейся ассимиляции.

Со времени захвата Болгарии турецкие завоеватели прилагали много

* Д. Косев, цит. соч. стр. 38.

** Българские колонии в Русия. Колоните в Бессарабия. От Г. Занетов. В журнале «Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец». Година девета, кн. 48, Средец. 1895, стр. 849.

*** К истории болгарской колонизации в России. Без автора. Славянские известия, 1891, стр. 526.

**** Г. Занетов, цит. соч., стр. 849.

***** К истории болгарской колонизации, стр. 526.

***** И. В. Сталин, Отноительно марксизма в языкознании, М., 1950, стр. 24.

усилий для уничтожения национальной самостоятельности болгар и для полного их поглощения, отуречения. Жесточайшая ассимиляция на протяжении веков осуществлялась в разнообразных формах. Остановимся на трех наиболее известных ее формах. Наиболее жестокой из этих форм следует признать насильственный набор болгарских мальчиков для пополнения янычарского войска: Это была «самая тяжелая и невыносимая подать кровью», которая взималась с христианских подданных султана*. Их насильственно обращали в мусульманство и принуждали забыть родной язык, взамен которого должны были воспринимать чуждый им турецкий язык.

Другой формой поглощения отдельных частей болгар завоевателями, следы которой сохранились до настоящего времени, следует признать насильственное обращение подвластного населения в мусульманство. В юго-восточной части нынешней Болгарии существует группа населения, известная под именем «помаков». «Помаки—болгары, которые в XV—XVII вв. были насильно обращены в мусульманство. В течение веков это наложило отпечаток на их обычаи и бытовой уклад», говорит современный нам болгарский ученый**. Очевидно одновременно осуществлялась и третья форма ассимиляции болгарского населения. В «Биографическом очерке рода и фамилии Чакир», опубликованном в 1899 году Г. Д. Чакиром, использовавшим достоверные рассказы старожилов гагаузских сел Бессарабии, говорится: «Турки всеми силами старались отуречить болгар, покорившихся по необходимости их власти. По этому поводу был издан ферман (указ) султанский, содержание которого выражалось в следующей дилемме: или принять магометанскую веру и удерживать свой язык — болгарский, или переменить свой национальный, болгарский язык на турецкий и удерживать свою христианскую веру. Указ этот,—продолжает Г. Чакир,—как нужно полагать, приводился в исполнение суровыми мерами, вследствие чего некоторые из болгар согласились переменить свой язык на турецкий, а веру православную непоколебимо сохранить, а некоторые из болгар согласились переменить свою веру христианскую на магометанскую и удерживать свой национальный болгарский язык»***. Последних Г. Чакир, так же как и Э. Валев, знает под именем помаков.

Что же касается болгар, согласившихся принять чуждый язык завоевателей и сохранить свою веру, то они и в дальнейшем испытывали растущий гнет завоевателей. По предположению Г. Чакира они «по каким-то притеснениям со стороны турок взбунтовались и произвели беспорядки. Для усмирения «бунтовщиков» (кавычки мои — И. М.) употребляли разные наказания, при этом, телесно наказывая их, выговаривали «гаган уз олсун», что значит «не поднимай носа». С этого времени болгар-христиан, говорящих по-турецки, сокращенно прозвали гагаузы»****.

О времени этого события цитируемый автор говорит весьма приблизительно — «по прошествии более ста лет» со времени восприятия чуждого языка*****. Отсутствие достаточно определенной датировки события позволяет отнести его к более позднему времени, примерно к XVIII столетию. Для нас важен констатируемый факт борьбы гагаузов против работодателей, подтвержденный рассказами старожилов-гагаузов. В числе их Чакир назвал жителей с. Чадыр-Лунга Танаса Касым-Якиноза, слеп-

* Жак Наган, цит. соч., стр. 39.

** Э. Валев, Народная республика Болгарии, Воениздат, М., 1952, стр. 29.

*** Г. Д. Чакир, Биографический очерк рода и фамилии Чакир, Кишинев, 1899, стр. 6.

**** Там же, стр. 61.

***** Там же.

на Пануша и Еву Балжаларскую, каждому из которых было более 95 лет отроду. Во-вторых, важно и то, что Чакир собирал устные сведения в 70—90-х гг. прошлого столетия, т. е. тогда, когда память рассказчиков о прошлом была еще довольно свежей. Наконец, в пользу болгарского происхождения гагаузов говорит и то обстоятельство, что гагауз Г. Чакир ведет свое происхождение от болгар.

Действительно, ассимиляцию с наибольшей силой могли испытать на себе болгары, жившие с незапамятных времен в восточной части Болгарии, прилегающей к берегам Черного моря. Вследствие этого многие из них оказались вынужденными переселиться в области, более отдаленные от соприкосновения с захватчиками. Другая же часть, как нам кажется, оставалась на месте, но была принуждена воспринять один из местных диалектов языка угнетающей нации и с большим трудом сохранить свою православную веру, связывающую их с остальными болгарскими и отличавшую их от турок.

Нынешние гагаузы до сих пор помнят предания о том злом времени, когда их предки во времена жизни в Болгарии испытывали тягчайшее угнетение со стороны поработителей — турок, жестоко эксплуатировавших, державших в порабощении и принуждавших воспринимать чуждый язык, мусульманскую веру и культуру. Во время экспедиционных поездок с 1946 по 1949 год в гагаузские села Волканешты, Кангаз, Кирсово, Комрат и др., нам приходилось слушать рассказы глубоких стариков-гагаузов о том, как их предки с большим трудом сдерживали натиск угнетателей, добивавшихся полной ассимиляции этой части населения Болгарии. Подтверждением этому стремлению турок служит поговорка, сохранившаяся по настоящее время среди гагаузов — «Дилимизи дёнеджийрыс, динимизи дёньмейджийрыс», то есть «язык переменим, но не веру». Та же поговорка может служить весьма сильным аргументом в пользу признания того, что гагаузы сменили язык, на котором говорили их предки, на язык нынешний. Очевидно также, что следующий шаг угнетателей по ассимиляции заставил гагаузов искать защиты у соседнего государства, где исповедывалась такая же вера, которой они придерживались. Сам факт переселения основной массы гагаузов в пределы России в первой половине XIX в. как будто подтверждает наше предположение.

Язык гагаузов не является настоящим турецким языком, хотя, несомненно, принадлежит к группе тюркских языков, который мог возникнуть на основе одного или нескольких тюркских диалектов Восточной Болгарии в пору турецкого владычества на Балканах еще до того, как сложился национальный язык турок. Однако мы не идем дальше предположений ввиду сложности задачи, требующей своего решения с помощью ученых лингвистов, этнографов и др. специалистов.

Такова, как нам кажется, третья форма ассимиляции болгар турками.

Турецкие феодалы, их военная и гражданская администрация рассматривали гагаузов как население, враждебное Турции, ставя их в этом отношении на одну доску с русскими и болгарскими.

Во время войн с Россией со второй половины XVIII в. гражданская и военная администрация Османской Порты чинила самые зверские насилия над гагаузами и бесследно уничтожала целые их поселения, расположенные в Восточной Болгарии, преимущественно в Добрудже.

Однако это не сломило сопротивления гагаузов. Вместе с болгарскими они боролись на стороне русских за свое освобождение от турецких поработителей, называя себя болгарскими. В дальнейшем на этом основании мы не раз будем пользоваться общим названием «болгары» примени-

тельно не только к тем из них, которые сохранили свой родной болгарский язык, но и к гагаузам.

Таковы причины, вызвавшие переселение болгар и гагаузов в Бессарабию.

Во время войн с Турцией и после их окончания русские приглашали болгар, особенно тех, которые участвовали в войнах на стороне русских войск, переселяться в Россию. Болгары, преимущественно из местностей, подвергшихся опустошению и разорению со стороны турецких войск, становились на этот путь. «Турки, — говорит Г. Занетов, — грабили и убивали болгар после ухода русских войск, преследовали и подвергали оскорблениям за одно лишь сочувствие, проявленное к русским, и без всякого повода»*.

Между тем, население Болгарии не ограничивалось одним выражением своего сочувствия русским, а и активно становилось на их сторону. Так, во время войны 1768—1774 гг. «некоторые болгары приняли участие в качестве добровольцев в конных эскадронах, составленных двумя русскими генералами, которые были назначены управителями Валахии и Молдавии»**. Видимо султанское правительство имело основания опасаться расширения восстания болгар всей Румелии и Анатолии после войны и для его предупреждения разослало указы «об изъятии оружия и военных припасов, находившихся в руках райи, в их жилищах, церквях и потайных местах в городах и местечках обеих половин империи»***.

Большие надежды возлагались в начале XIX в. на Россию. С 1800 по 1806 г. некоторые представители болгар: Иван Атанасов Замбин из Враца и Атанас Николаев из Тетевена почти безотлучно находились в Петербурге и, при поддержке болгарского митрополита, известного писателя и деятеля болгарского возрождения Софрония Врачанского, старались поддерживать связи с русским двором. Они добивались от имени всех болгар присоединения Болгарии к России. «Замбин, как и Софроний, — говорит Косев, — считал необходимым подчеркнуть, что болгары и русские имеют одинаковую веру и одинаковый язык. А это показывает, что наиболее активных представителей болгарской буржуазии того времени вдохновляла не идея самостоятельности болгарского государства, а идея отторжения от Турции и присоединения к единой России»****.

Массовое переселение, совершавшееся в годы последовавшей войны 1806—1812 гг., показывает, что и народные массы предпочитали находиться под властью России, а не Турции.

Они активно участвовали в войне России против Турции и обратили этим на себя внимание главнокомандующих русской армии Багратиона, Кутузова и др., которые не могли не учесть воинственности болгар и их страстного стремления добиться освобождения от турецкого ига с помощью русских сил.

Дополнительные военные силы, которые могли быть составлены местными жителями, благоприятствовали развитию успехов русских войск. Во время войны и особенно после ее окончания болгары к тому же могли стать и стали надежным элементом для заселения территорий, приобретенных Россией.

* Г. Занетов, цит. соч., стр. 850.

** Д. Косев, цит. соч., стр. 72.

*** Там же, стр. 72—73.

**** Там же, стр. 74.

В трудах, относящихся к истории Бессарабии, до настоящего времени нет твердого мнения о том, в каком году началось массовое переселение болгар в Буджак.

А. Скальковский полагал, что оно происходило, главным образом, между 1801—1812 гг. и связывал их водворение здесь с деятельностью герцога Ришеля, занимавшегося привлечением населения в малолюдные уезды Новороссийского наместничества*.

Не вполне определенно говорит об этом и Батюшков, считавший, что начало массового переселения состоялось между 1806 и 1812 гг., «когда болгары поселились на земле молдавских бояр**».

Более определенно утверждение Зашука: «С 1809 года, в надежде, что Бессарабия перейдет под власть России, Буджакские степи начали населяться новыми переселенцами, уже оседлыми, нашими единоплемениками и единоверцами болгарам, сербам и раскольниками-некрасовцами***».

И действительно, основная масса задунайских переселенцев начала прибывать из-за Дуная лишь с осени 1809 г., когда русские войска пришли в непосредственное соприкосновение с населением северо-восточной и восточной Болгарии.

Это было время, когда население Болгарии переживало трагические времена. Озверевшие турецкие войска, отступая, угоняли отсюда всех жителей во внутренние вилайеты Турции, надеясь сохранить для себя в покорности эту часть утнетенной райи. Непокорных истребляли. При таких обстоятельствах болгары и гагаузы бежали в те местности, которые уже были заняты русскими войсками, и с их помощью вели ожесточенную борьбу со своими угнетателями. В эту пору умножились повстанческие отряды и дружины хайдуты****, выступавших на стороне русских войск против турецких поработителей как мстители за испытанные от них зверства и невыносимый гнет.

Воспользовавшись приходом русских войск, значительная часть мирного населения устремилась в пределы Молдавии, Валахии и Бессарабии. Эти благоприятные для России обстоятельства и обратили на себя внимание командования русской армии. Его представители, в лице Багратиона, а потом и Кутузова, в военных целях, в целях обороны русских границ и создания из болгар надежного оплота против Турции, не могли отнестись к ним безразлично и думали о выгодном их использовании.

В приказе по армии от 24 июля (5 августа) 1809 года говорилось: «Теперь войска действующей армии имеют перейти на правую сторону Дуная, где имеются обыватели болгары православного исповедания, которые, по сей связи единозакония, истинно привержены к России и народу российскому, а напротив, чувствуют всю тягость ига турецкого и в указе состоянии ополчиться против турок»*****. Характерно, что в данном обращалось внимание на единоверие жителей и на их приверженность к русскому народу, но ни словом не упоминается о племенной близости, что могло иметь место при наличии в составе болгар больших масс га-

гаузов, которых, ввиду различий по языку, могли отнести к неединоплеменным с русскими.

Багратион проявлял заботу о мирном населении и требовал от офицеров и нижних чинов армии чтобы «ничего с него (населения — И. М.) не брать», но, напротив, «оказывать братскую любовь, ласку и дружбу».

Нельзя не отметить, что болгары со своей стороны ждали русских и готовились к их встрече еще до их прибытия на территорию Болгарии. В воззвании к болгарскому народу, составленном Софронием Врачанским, русских называли братьями, несшими болгарам избавление от турецкого рабства. «Вот пришел тот светлый день, — разъяснял Софроний, — которого вы ждали 400 лет». Он призывал болгар к достойной встрече и оказанию помощи и услуг русским в их борьбе с ненавистным врагом**.

Приказы русского командования о хорошем обращении с задунайским населением повторялись в ходе войны неоднократно и в дальнейшем. Они дополнялись новыми указаниями относительно обращения с населением занятой территории. Вследствие этого, при участвовавших насильно турецких войск, болгары вместе с другими задунайскими народами становились на путь перехода в пределы России.

В приказе от 15 (27) августа 1809 г. Багратион констатировал, что многие христианские семьи болгар, молдаван, сербов и греков переселились с правого на левый берег Дуная***. При этом подчеркивалось, что это делается из-за действий турецких властей, которые насильно уводили жителей на территорию Турции, принуждая их бросать свои дома и хозяйства и уходить в турецкие земли, куда турки отступали, спасаясь от настигавших их русских войск****.

При всем том, в августе 1809 г. со стороны русского командования еще не предпринималось каких-либо решительных мер к переселению пострадавшего населения в пределы Бессарабии. Багратион вначале предпочитал возвращать пострадавших на места их прежнего жительства и рекомендовал удерживать их там, а не переправлять через Дунай. Проявляя благожелательное отношение к этому населению, чтобы «приобрести, сохранить и усилить приверженность тех народов к России», он писал в своем приказе по армии от 7 (19) сентября 1809 г., что «успешное движение русской армии приблизило ее к странам, которые населены настоящими болгарскими обывателями, в полной мере чувствующими всю тягость ига турецкого и искони обнаруживающими преданность и приверженность к России»*****.

Когда на западном побережье Черного моря корпус генерала Маркова занял города Мангалию и Каварну, населенные преимущественно гагаузами, то в ближайшие селения были посланы письменные уверения в том, что жители их будут опраждены от притеснений со стороны турок и получают необходимую защиту*****.

Однако заверения русского командования в своей готовности защищать местное население от набегов турецких войск не внесло успокоения и оно послало к Маркову своих депутатов с просьбой «отвести им земли

* ЦГИА МССР, ф. I, д. № 676, стр. 132.

** Д. Косев, цит. соч. стр. 75—76.

*** ЦГИА МССР, ф. I, № 676, лл. 155, 159.

**** Там же, л. 159.

***** Там же, л. 187.

***** Михайловский-Данилевский, Описание турецкой войны в царствование имп. Александра I с 1806 по 1812, ч. II, СПб. 1843, стр. 190 (в дальнейшем «Описание турецкой войны»).

* А. Скальковский, Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае, Одесса, 1848, стр. 53.

** П. Н. Батюшков, цит. соч. стр. 142.

*** А. Зашук, цит. соч. стр. 147.

**** Хайдуты — название болгарских партизан, боровшихся против турок в XIX веке.

***** ЦГИА МССР, ф. I, д. № 676, л. 132.

по Дунаю во избежание турецких набегов». Вслед за этими депутатами в сентябре 1809 г. к Маркову явилось 3 тысячи мужчин со своими семьями и имуществом и отправились к Гирсову**. О дальнейшей судьбе этих переселенцев архивные данные не дают никаких сведений. Всего вероятнее, что они нашли временный приют или постоянное пристанище среди населения Молдавии и Валахии. Весьма вероятно также, что именно в это время началось переселение жителей Каварны в Буджак. Во время экспедиционной поездки по гагаузским селам в августе месяце 1949 г. нам удалось установить, что в с. Волканешты больше четверти села носит название «Каварна», а некоторые жители носят прозвище «каварналы», т. е. происходящие из города Каварны или каварненцы***.

О переселении в Бессарабию из Каварны говорят и сведения, добытые гагаузоведческой экспедицией Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исследовательской базы Академии наук СССР, работавшей в гагаузских селах Чадыр-Лунгского, Кангазского, Комратского и др. районов Молдавской ССР и Измаильской области УССР в 1949 г.

Несмотря на старания русского командования водворять болгар на их прежних местах жительства, они массами устремлялись к переправам через Дунай, преимущественно у местечка Томарова (ныне г. Рени Измаильской области. — И. М.), а также уходили в Дунайские княжества, где родное население которых радушно их встречало и предоставляло приют.

Наибольшее содействие переселению болгар оказывали простые русские люди, солдаты армии, которые помогали пострадавшим переправляться через Дунай и отражали турецкие силы, преследовавшие болгар и гагаузов.

Движение к переселению вначале носило стихийный характер. Чтобы выяснить положение, в каком оказались переселенцы, Багратион 14 (26) сентября 1809 г. обратился к Дивану Молдавии с просьбой прислать точные сведения о том, «в каких местах Молдавии и Бессарабии поселены присланные из-за Дуная болгарские семейства и все ли они хозяйственно обзавелись, или есть такие, кои живут на своих повозках до устройства себе постоянного жительства на избранных местах»****.

Требование Багратиона обнаруживает, что русское правительство тогда еще не взяло в свои руки организацию переселения, а переселенцы сами выбирали места для поселения в Молдавии, Валахии и Бессарабии. Багратион первый обратил внимание на необходимость принятия мер к облегчению участи беженцев. Однако он не создал никакого аппарата для их переселения. Из его отношения к Молдавскому Дивану видно, что он передоверил это дело ворнику названного Дивана Христовергию, состоявшему депутатом при русской армии. Ему поручалось отправлять переселенцев только в Бессарабию*****.

Не проявляли особенной активности в этом деле и представители гражданских властей Новороссии. Из сохранившейся переписки между генералом С. О. Кушниковым***** и херсонским военным губернатором

* Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны, стр. 207.

** Там же.

*** Часть гагаузов-каварненцев вскоре после прибытия в Волканешты переселилась во вновь основанное соседнее село Чешмекной. Впоследствии часть каварненцев ушла из названных сел на поселение в Мелитопольский уезд Таврической губернии.

**** ЦГИА МССР, ф. 1, д. № 419, л. 1.

***** Там же, л. 1.

***** С. О. Кушников председательствовал тогда в Диванах княжеств Молдавии и Валахии.

Ришелье, видно, что лишь в сентябре 1809 г. приступили к созданию необходимого аппарата, который должен был заботиться о переселенцах. Ришелье сообщил о состоявшемся назначении для этой цели члена Одесской конторы опекунов иностранных переселенцев, чиновника Розенкампа. Ему поручалось узнать, где «встречать переселенцев». Тогда же Кушников извещал Ришелье о том, что он, по поручению Багратиона, собирает сведения «о числе и местах поселений оных (то есть задунайских переселенцев — И. М.) в Молдавии и Бессарабии». Таким образом, ни одна, ни другая сторона еще не знали ничего достоверного о местонахождении переселенцев, о их численности, положении и т. д.

Все это дает основание утверждать, что в вопросах переселения болгар и гагаузов инициатива вначале исходила от них самих, а не от правительства, как это пытался утверждать румынский историк Драгомир. По его словам, русское правительство решило послать своих эмиссаров за Дунай, чтобы склонить болгар к переселению в Бессарабию**. На самом деле это имело место позже.

Перед русским военным командованием и правящими властями этот вопрос встал только тогда, когда переселенческое движение жителей, пострадавших от турецких зверств, приняло массовый и стихийный характер. Прав И. Иванов, который в своем очерке о бессарабских болгарях, говорит, что тогда болгары, угнетавшиеся столетиями турками, искали возможности спасения у единоплеменного и единоверного русского города***.

Итак, до конца сентября (начала октября) 1809 года не было полной ясности в вопросе о конкретных мероприятиях, необходимых для переселения беженцев на русские земли. Как видно из переписки Кушникова с Ришелье, не было опущено даже необходимых средств, которые Кушников запрашивал «для лучшей успешности в сем деле и для преподания болгарским семействам способов в пути следования их к означенным местам»****.

О том, что средства не были опущены ни в 1809 г., ни в ближайшие за ним годы, свидетельствует официальная переписка и, в частности, рапорт Л. О. Беннигсена Александру I в 1816 г., в котором сообщалось, что на перевод и поселение болгар государство не истратило ни одной копейки*****.

Крепостническое государство не уделило нужных средств даже на обеспечение минимальных нужд переселенцев. Вследствие этого оно не могло использовать имевшихся в наличии возможностей для заселения пустовавшего Буджака.

В справедливости последнего убеждают далеко не полные статистические данные о беженцах из-за Дуная, искавших спасения в Валахии, Молдавии и Бессарабии в 1812 г. В «Списке задунайских переселенцев, пребывающих в Валахии, Молдавии и Бессарабии», в этом году значилось 87,8 тысячи душ. Из этого числа в Бессарабию переселилось тогда всего 10,9 тысячи душ, что составляет 12,45% общего числа беженцев. Основная их масса, из-за недостаточной инициативы русских властей, продолжала оставаться в Молдавии и Валахии на неопределенном положении, в то время как Буджак оставался малонаселенным.

* ЦГИА МССР, ф. 1, д. № 419, л. 3.

** С. Dragomir, цит. соч., стр. 20.

*** И. Иванов, Краткий очерк болгарских колоний в Бессарабии, Записки Бессарабского областного статистического комитета, т. I, под ред. А. Н. Егунова, Кишинев, 1864.

**** ЦГИА МССР, ф. 1, д. № 419, л. 3.

***** ЦГИА МССР, ф. 2, № 1192. (Номер листа не установлен, так как углы листов истлели — И. М.).

Большого успеха можно было добиться лишь при условии широкой переселенческой деятельности правительства и Новороссийского наместнического управления. Главное же командование, занятое непосредственно военными операциями, не могло уделять достаточного внимания переселенческому вопросу, хотя и проявляло к нему значительный интерес.

Преемник Батрациона по главному командованию армией Каменский 2-й во время мирных переговоров с Турцией весной 1810 года добивался, чтобы Турция позволила «христианам и магометанам свободно переселяться из Турции и обратно».

Включение такой статьи в договор должно было обеспечить существенную помощь в переселении задунайских жителей в Бессарабию. Однако оно не имело большого успеха, так как мир не был заключен, а Каменский давал ясно понять переселенцам, что они могут войти после прибытия в Бессарабию в разряд жителей, обремененных тяжелыми поборами и повинностями.

На протяжении 1810 и начала 1811 годов предпринимались некоторые попытки к массовому переселению болгар и гагаузов, главным образом, в Херсонскую губернию.

Измаильский градоначальник С. Тучков с февраля месяца 1810 года настойчиво добивался водворения в Измаильском уезде до тысячи душ переселенцев. Однако Кушников отказал в этом, считая что все переселенцы должны быть водворены в Херсонской губернии**.

Между тем, болгары и гагаузы сами позаботились о своем устройстве без участия официальных лиц. Часть из них, после своего бегства преимущественно из Каварны и ее окрестностей, переселилась в Бессарабию в количестве 480 семейств в феврале 1810 г. и жила на своих возах в Формозском (Кагульском), Кодрском, Хотарничанском и Томаровском цынутах***.

По другим данным, также относящимся к началу 1810 года, в пределы Бессарабии переселилось 679 семейств или около 4000 человек болгар и гагаузов. Большинство из них было вынуждено поселиться в селах, на которые вскоре молдавские бояре заявили свои владельческие права****. Анализ фамилий представленного «Именного списка переселенцев с правой на левую сторону Дуная с 1809 г. и живущих в Молдавии и Бессарабии» свидетельствует о решительном преобладании гагаузов, составляющих около двух третей переселившихся. Через своих уполномоченных, они обращались в Диван княжества Молдавии и к Тучкову с ходатайствами о разрешении поселиться в Измаильском уезде. Поддерживая их, Тучков подчеркивал, что они переселились добровольно «и принуждены были отстреливаться от турецких войск, их удержавших», что ушли из своих поселений без какого-либо понуждения со стороны российских войск*****.

Более того, беженцы сами сообщили, что они начали переселяться из-за Дуная еще до прибытия в их села русских войск. Кушников совместно с Херсонским военным губернатором решительно отстаивал необходимость переселения всех беженцев из мест их временного пребывания (в Бессарабии, Молдавии и Валахии) в Херсонскую губернию. По мысли Ришелье, такая операция должна была осуществиться весной 1810 г. под руководством головы болгарских поселений Херсонской губернии Зело Нестерова, пытавшегося начать ее еще осенью 1809 г. и

* Михайловский-Данилевский, цит. соч., стр. 3.

** ЦГИА МССР, ф. 1, д. № 57, л. 276.

*** Цынутан в эти годы именовались уезды Бессарабии.

**** ЦГИА МССР, ф. 1, д. № 57, лл. 18—30.

***** Там же, л. 280.

потерпевшего неудачу из-за позднего времени и отсутствия средств. Сильная нужда переселенцев во всем необходимом, и, прежде всего, в продовольствии заставила отложить осуществление переселения до осени 1810 г. с тем, чтобы дать переселенцам возможность произвести посевы, собрать урожай, обеспечив их, таким образом, не только на время пути, но и на первое время водворения в Херсонской губернии.

Видимо, по тем же причинам Кушников и главное командование армии, согласившись осенью 1810 г. «отвести пустопорожние земли, в Бессарабии состоящие», той части переселенцев, которую должен был определить их попечитель Коронелли*.

Безуспешная деятельность З. Нестерова по переселению привела к тому, что Ришелье назначил вместо него инспектора Дубоссарской карантинной конторы Карпова, придав ему в помощь смотрителя Парканской болгарской колонии Лушшу и старосту той же колонии Кира Вилкова**. Новый председательствующий в Диванах княжеств Молдавии и Валахии В. И. Красно-Милашевич, управляющий задунайскими переселенцами Коронелли и местные власти должны были оказывать содействие этим лицам***.

Несмотря на это, переселение не состоялось и осенью 1810 г., так как беженцам не созданы соответствующих условий во время их пребывания в Молдавии и Валахии. Не обеспечили их и нужным продовольствием, необходимым на время нахождения в пути. Вследствие этого главнокомандующий армией Каменский распорядился вновь отложить переселение до более удобного времени****. При таких обстоятельствах предполагалось, что переселение может быть осуществлено только частично, за счет тех, кто выразил бы на то личное согласие.

Другую часть переселенцев, по мысли Каменского, следовало перевести во внутренние уезды Молдавии и Валахии, где, по его мнению, они могли быть обеспечены всем необходимым*****. Но даже Коронелли, на которого было возложено управление всеми задунайскими переселенцами, временно расположенными в княжествах, не имел точных сведений ни об их числе, ни о местах пребывания, ни о положении. Это в свою очередь затруднило принятие каких-либо реальных мер к их устройству.

Между тем, положение многих переселенцев было весьма тяжелым. Так, в районе г. Силистрии они размещались в шалашах и землянках и не имели необходимых средств существования. Тем не менее и несмотря на уговоры Карпова, Лушши и др. они предпочитали, подвергая себя «всем недостаткам и нуждам», оставаться в местах временного водворения и не переселяться в Новороссию, так как надеялись вернуться на родину, будучи уверены в том, что она будет окончательно освобождена русскими войсками*****. И только часть из них была склонна к водворению в Бессарабию.

Все старания Ришелье вследствие этого разбивались и могли остаться нереализованными.

Красно-Милашевич, Каменский и Ришелье хотели во что бы то ни стало использовать этих людей для заселения малолюдной тогда Новороссии, зная из предшествующего опыта трудолюбие этих людей и их склонность к земледелию, благодаря чему они могли основать «самые

* ЦГИА МССР, ф. 1, д. № 57, лл. 371—372.

** Там же, лл. 303, 306 и 373, ЦГИАЛ ф. 379, оп. 56, № 2417, ч. 1, л. 64.

*** ЦГИА МССР, ф. 1, оп. 1, № 57, л. 306.

**** Там же, л. 315.

***** Там же, лл. 315—317.

***** Там же, л. 309.

цветущие поселения». Вот почему Красно-Милашевич и Каменский прислушались к мысли, подсказанной Карповым, о необходимости приступить к принудительному переселению**. В соответствии с этим и было принято решение перейти к осуществлению переселения «безза-медлительно»***.

Карпов совместно с приданными ему помощниками обязывался приступить к этому с весны 1811 г. Однако и этот план не был осуществлен. Несмотря на все старания, Карпов убедился в том, что болгары «по простоте и невежеству своему, быв закоренелыми в своих предрассудках, и, имея отвлеченное понятие о всем том, что бы им ни представлять насчет выгодного переселения, не хотят об нем и слушать»****.

И самому Карпову стали понятны, как оказалось, причины такого отношения болгар к данному вопросу. Они решительно возражали против принудительного переселения не потому, что были невежами и людьми закоренелыми в своих предрассудках, а потому, что, во-первых, у них возростала надежда вернуться на родину. Все свои надежды они возлагали на близкую победу России над Турцией. Во-вторых, они не без оснований опасались закрепощения после переселения в Новороссию. Очевидно, такое опасение и являлось главной причиной, затруднившей переселенческую деятельность русских властей.

Как только болгары и гагаузы получили некоторую надежду на свободное устройство в Бессарабии, их отношение к переселению резко изменилось. Этот перелом связан с именем великого русского полководца М. И. Кутузова, сменившего Каменского и упорядочившего переселенческое дело. Он сделал первую серьезную попытку организовать массовое переселение на основе добровольности и на условиях, приемлемых для переселяемых.

Кутузов занял решительную линию на пресечение принудительного характера переселения, полагая, что «Насильственные меры не могут произвести желанного успеха»*****. Об этом он писал Красно-Милашевичу и Козодавлеву. Повторяя ту же мысль в предписании Карпову, Кутузов писал: «Если употреблять насилие к переводу болгар туда (в Новороссию — И. М.), то сим способом можно прекратить дальнейший переход из-за Дуная в Валахию, который почти ежедневно с немалым успехом продолжается»*****. Он убеждал Красно-Милашевича — «оставить теперь все меры, предположенные было к насильственному побуждению болгар на переселение в Новороссийский край, без всякого действия, дабы тем не возродить недоверия и даже страха в болгарях, вновь в настоящем году перешедших и ежедневно переходящих к нам из-за Дуная»*****.

Карпову было предписано прекратить принудительное переселение. Действуя осторожно в таком сложном вопросе, Кутузов принимал все меры убеждения. В частности, он предложил послать в Новороссию представителей болгарских переселенцев, чтобы они на месте могли удостовериться в выгодах, которые они могли получить в результате переселения, увидев там своих соотечественников, поселившихся в предыдущие десятилетия. Вместе с тем предполагалось направить к переселенцам старшин болгарских поселений Новороссии в надежде, что последним удастся склонить первых к переселению в Новороссию. «Посыл-

* ЦГИА МССР, ф. 1, оп. 1, № 57, лл. 372, 377, 425—426.

** ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 46, № 2417, ч. 1, л. 46.

*** ЦГИА МССР, ф. 1, оп. 1, № 57, л. 378.

**** Там же, л. 44.

***** Там же, л. 339.

***** Там же, л. 341.

***** Там же, л. 339.

ка упомянутых старшин, — писал он Карпову, — должна быть действительно, если поселенные в Новороссийском крае болгары действительно пользуются там выгодами»*.

Обращено было внимание и на управление переселенцами, находившимися в пределах Молдавии и Валахии. Коронелли, утвержденный Кутузовым в качестве попечителя над ними, должен был действовать в контакте с митрополитом Софронием Врачанским, находившимся тогда в Бухаресте, бывшим силистрийским митрополитом Кириллом и никопольским католическим епископом, которые могли оказывать содействие в переселении**.

Таким образом, Кутузов придавал большое значение привлечению к организации переселения людей, вышедших из болгарской среды. Особенно большое значение имело участие в этом деле Софрония Врачанского, пользовавшегося большим авторитетом у болгарского народа. Это, несомненно, оказало содействие в переселениях из-за Дуная.

Нельзя не отметить настойчивости, проявленной в переселенческом вопросе, в результате которой Кутузову удалось склонить Александра I к признанию целесообразности своих распоряжений и получить возможность осуществлять переселение по своему усмотрению***.

Одним из важнейших мероприятий Кутузова в этом направлении следует считать подписанное им в Бухаресте 26 апреля (8 мая) 1811 г. специальное обращение к «Переселяющимся с правой на левую сторону Дуная обывателям христианского исповедания»****. Значение этого документа в истории переселений огромно. Бессарабские болгары и гагаузы впоследствии на протяжении многих лет ссылались на него, ходатайствуя о своем устройстве.

Пользуясь своими полномочиями, Кутузов обещал в своем обращении «все возможные выгоды единоверцам, освободившимся от ига турецкого и переходящим добровольно на левый берег Дуная». Им гарантировались следующие льготы: «Трехгодичное освобождение от всяких податей с возможным продлением этого срока еще на несколько лет после водворения на землях Буджака, создание из переселенцев особого общества, независимого от молдавского и валахского диванов и от земских чинов»*****.

Кутузов откровенно высказывал свою надежду на то, что представляемые выгоды вызовут стремление к переселению народных масс, оставшихся на правом берегу Дуная*****.

Вплоть до окончания войны Кутузов проявлял заботы о болгарях и гагаузах, охраняя их от ужасов войны. Так, во время проведения сложной стратегической задачи против турецких войск 22 июня (4 июля) 1811 г. у Рушука, он приказал вывести оттуда 635 болгарских семей на левый берег Дуная и лишь после этого взорвать городские крепостные укрепления*****.

Такое отношение Кутузова к болгарам еще более усиливало дружественные отношения и связи последних с русским народом. П. А. Жилин, автор работы «Разгром турецкой армии в 1811 г.», пишет следующее об упрочении этих связей: «В решении целого ряда задач, связанных с разгромом турецкой армии, большую помощь Кутузов получал от бол-

* ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 46, № 2417, ч. II, л. 187.

** ЦГИА МССР ф. 1, оп. № 57, лл. 327 и 340.

*** ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 46, № 2417, ч. 1, л. 77.

**** ЦГИА МССР, ф. 2, № 372, лл. 10—11, ф. 1, оп. 1, № 57, л. 329.

***** Там же.

***** Там же.

***** Михайловский-Данилевский, цит. соч., ч. II, стр. 182.

гарского населения. Болгарские семьи, спасаясь от турецкого гнета, добровольно уходили вместе с русской армией на левый берег Дуная. Около 20 тысяч семей перешло через Дунай. Многие из болгар сразу же изъявили желание с оружием в руках вместе с русскими войсками бороться против турецких поработителей. Из этих добровольцев было создано болгарское земское войско.

Болгарские воины плечом к плечу с русскими солдатами участвовали во многих боях с турками. Сообщая об организации этого войска военному министру, Кутузов писал: «Из числа переселившихся болгар из-за Дуная в Турно, многие изъявили желание вооружиться и действовать с нами».

«В своих войнах с Турцией, — говорит Г. Занетов, — русские пользовались помощью болгар, так как во время каждой такой войны болгары создавали четы (отряды — И. М.) и дружины, которые сражались вместе с русскими войсками». На стороне русских боролись болгарские хайдуты. Хайдучество, по мнению Д. Благоева, вплоть до середины XIX в. «представляло стихийный протест» болгарского народа против произвола турецких правителей, после чего оно «превратилось в политическое движение, ставившее своей задачей вооруженной силой вызвать восстание против турецкого ига».

Косев также полагает, что вначале «Гайдуки (так переводчики перевели с болгарского на русский болгарский термин «хайдутин» — И. М.) не ставили перед собой никаких политических задач. Их целью была месть за совершенные по отношению к ним несправедливости и наказание тех турок и болгарских чорбаджиев-предателей, которые особенно беспощадно грабили и притесняли бедное, беззащитное население».

Кутузов, видимо, учитывал сложившуюся обстановку. С одной стороны он не мог не считаться с малочисленностью русского войска, находившегося в его распоряжении и растянутого по тысячеверстному фронту. С другой стороны, он не мог отказаться от помощи болгарского населения, выражающего свою готовность к совместной борьбе с русскими против турок. Более того, Кутузов надеялся на то, что ему удастся получить здесь значительные вспомогательные силы. Очевидно в связи с этим он писал военному министру: «Нужным считаю для защиты левого берега Дуная около Турно вооружить таковых желающих болгар; а примеру их, я надеюсь, последуют и другие болгары по левому берегу Дуная. Зная качество сего народа, твердого и к опасностям и лишениям привыкшего, ожидаю от них лучшей пользы». Таким образом, Кутузов высоко оценил боевые качества болгар, что в устах прославленного русского полководца приобретает особую значимость. И действительно, он не обманулся в своих надеждах.

Во время боевых операций, предпринятых Кутузовым 11—12 (23—24) октября 1811 г. для полного разгрома турецкой армии Ахметбея у Туртукая и Силистрии, в составе русских войск находились болгары и гагаузы, отличившиеся при взятии Силистрии. «Болгарские добровольцы, — говорит Косев, — принимали участие в осаде и взятии Силистрии 11 октября 1811 г. и за проявленную при этом храбрость полу-

* П. А. Жилин, Разгром турецкой армии в 1811 г. Воениздат, 1952, стр. 42—43.

** Г. Занетов, цит. соч. стр. 849.

*** Д. Благоев, Принос към историята на социализма в България, М. 1944, стр. 13. См. также Жак Натан, цит. соч., стр. 121—122.

**** Д. Косев, цит. соч. стр. 70.

***** П. А. Жилин, цит. соч. стр. 43.

***** Михайловский-Данилевский, цит. соч., ч. II, стр. 43.

чили похвалу от нового главнокомандующего Кутузова». Весьма возможно, что это был тот двухтысячный отряд, возглавлявшийся штабс-ротмистром Дмитрием Ватикноти, о котором упоминается в ходатайстве «Задунайских переселенцев в Бессарабии», поданном их поверенными главнокомандующему южной армии Л. Л. Беннигсену 8(20) сентября 1815 г. Поверенные, ходатайствовавшие тогда от имени всех переселенцев, отмечали, что Кутузов во время войны создал под командой Ватикноти двухтысячный военный отряд, который с успехом был использован за Дунаем против Турции. По сообщениям ходатаев, Кутузов остался доволен этим болгарским войском и предписал Ватикноти создать в дальнейшем под своим командованием два конных полка и дать им знамена с надписью «Верному и храброму болгарскому войску».

Не вызывает сомнений предположение о том, что военный отряд состоял не только из болгар, но и из гагаузов. В этом убеждают подписи, поставленные под названным ходатайством не только болгарскими, но и гагаузскими. Из шести подписей поверенных подписи Христо Косеоглу, Петку Даведзоглу, Петри Узун и др. могли принадлежать гагаузам, у которых окончания фамилий на «оглу» тождественны окончаниям русских и болгарских фамилий на «ов», а прозвище «Узун», означающее «длинный», и теперь широко распространено у гагаузов. Кроме того, Косеоглу, Даведзоглу и Узун, как видно из документа, являлись булукбашами. Такое название у гагаузов могло служить для обозначения их старости и предводителей военных отрядов.

Подтверждение существования болгаро-гагаузских военных соединений во время войны 1806—1812 гг. встречается и в других документах официального происхождения. В «Списке задунайских переселенцев» Бессарабии, составленном при прямом участии Д. Ватикноти при переписи 1818 г., обнаруживаются фамилии участников «болгарского войска». Таковы поселившийся в Комрате пятидесятник этого войска Василий Койчо, в селе Бужорка булукбаша Стоян, десятники Диму Тулумоглу, Стан Петрович, Николай Дели Иваноглу и ратник Танас Лека Тулумоглу и др.

Косев полагает, что отряд Ватикноти был сформирован еще в 1810 г. из «болгарских эмигрантов, проживавших в Валахии, Молдавии и Бессарабии» в результате совещания главнокомандующего Николая Каменского с болгарскими представителями. Этот отряд и получил название «Земского болгарского войска».

Появление и деятельность болгаро-гагаузских отрядов на стороне русских является ярким проявлением дружественных отношений, успешно развивавшихся между болгарскими и гагаузскими с русским народом. Несомненная заслуга в этом деле принадлежит М. И. Кутузову.

Не лишено вероятия предположение о том, что болгаро-гагаузские отряды использовались как партизанские части и, возможно, Кутузов здесь накопил некоторый опыт партизанской борьбы, широко развитой затем им во время Отечественной войны 1812 г. Впрочем, этот вопрос требует специального изучения.

Успешное ведение войны при Кутузове и условия Бухарестского мирного договора создали благоприятную обстановку для переселения болгар и гагаузов в Буджак, что входило в расчеты России. Оно должно

* Д. Косев, цит. соч., стр. 75.

** ЦГИА МССР, ф. 2, № 372, л. 171.

*** Там же, л. 171.

**** Булук — отряд, состоявший из 25 человек, во главе с командиром, называвшимся булукбаша, т. е. предводитель отряда.

***** ЦГИА МССР, ф. 5, оп. 1, № 442, лл. 90, 393—401.

***** Д. Косев, цит. соч., стр. 75.

было укрепить ее положение и авторитет среди населения Балканского полуострова и одновременно ослабить уже подорванные позиции Турции. Объективно это могло вывести из тяжелого положения народы, угнетенные Турцией, против которой они боролись во время войны с оружием в руках.

Одно из условий Бухарестского мира предоставляло право всем христианским подданным турецкого султана переселяться в пределы России на протяжении 18 месяцев после его подписания. Им воспользовались многие болгары и гагаузы тем более, что в ходе войны турецкие войска подвергли разорению их поселения на огромных пространствах от Дуная до Балкан, превратив их в безлюдные пепелища. Кутузов в донесении Александру I в ноябре 1811 г. писал о том, что население Болгарии, ставшее жертвой войны и переносившее ее бедствия, «удалилось в вершины и ущелья Балканских гор, обитаемых хищными зверьми»^{*}.

Мероприятия по заселению южной Бессарабии, на проведении которых настаивал Кутузов, не были при нем осуществлены в полной мере. Тем не менее его деятельность не осталась бесследной в истории Буджака. Уже при нем количество задунайских переселенцев, по сравнению с тем, что было до 1809 г., возросло и оказало положительное влияние на приток поселенцев в дальнейшем. Как видно из «Экстракта из списков о числе задунайских переселенцев», представленного Коронелли, число новоприведших болгар и гагаузов в пределы южной Бессарабии увеличилось с 1809 по март 1812 г. на 10 000 человек^{**}. Данные Коронелли можно считать преуменьшенными, так как организация переписи в условиях малолюдного Буджака представлялась делом довольно сложным. Многие переселенцы, по свидетельствам современников, долгие годы вели скитальческий образ жизни, прежде чем получили возможность зажить оседлой жизнью. Вследствие этого многие из них могли и не попасть в списки. Не были, видимо, учтены многие переселенцы, жившие во владениях бессарабских помещиков, стремившихся укрыть их от учета. То же самое можно сказать и о переселенцах, нашедших пристанище в городах.

При всем том, масса переселившихся была убеждена и, во всяком случае, надеялась найти спасение от турецкого ига и лучше устроить свою жизнь в бессарабских поселениях. Только этим можно объяснить приток новых переселенцев на протяжении нескольких лет после отъезда Кутузова. Так, по подсчетам данных переписи задунайских переселенцев, произведенной при участии того же Коронелли в 1818 г., их количество возросло до 28 тысяч, считая в том числе около 6 тысяч молдаван, бежавших из-за Прута в Бессарабию. Эта цифра — доказательство большого успеха Кутузова.

Отъезд Кутузова из Бессарабии и начавшаяся война с наполеоновской Францией помешали ему осуществить намеченные им мероприятия наиболее полно.

* * *

Преемник Кутузова адмирал Чичагов, ставший в 1812 г. фактически правителем Бессарабии, и временное правительство Бессарабской области, утвержденное царским указом 23 мая 1812 г. во главе со Скарлатом Стурдзой, не только не содействовали притоку задунайских переселенцев, но на некоторое время затормозили его. Бессарабские бояре и помещики разных национальностей, составлявшие большинство в областных и цынутных (уездных) учреждениях, приложили немало усилий для присвоения на правах частного боярско-помещичьего владения земель

* Михайловский-Данилевский. цит. соч. стр. 207

** ЦГИА МССР, ф. 1, оп. 1, № 57, л. 50.

в Буджаке, которые им ранее не принадлежали. В их числе известны советник Ион Стурдза, камергер Ион Бальш, кол. советник Панайот Казимир, спатарь Петраки Казимир, боярин Кодрян и др.^{*}

Значительную часть земель, прилегающих к Кагулу вместе с Кагулом, считал своими Ион Бальш. По его просьбе и просьбам других помещиков правительство Александра I запретило свободный переход «беженаров» от одного помещика к другому. В таком положении последние оставались до 1819 года.

Произвол местных чиновников «вамышей, околашей, капитанов де мазыл, капитанов де тырг»^{**} и других земских чиновников и исправнических служителей в стремлении каждого из них «наживаться, не упустить ни одного удобного или даже неудобного случая пограбить жителей»^{***}, жестокость бояр, помещиков и чиновников, презрительно относившихся к крестьянам, в том числе и к переселенцам, и полагавших, что «поселяне должны быть в порабощении, а бояры — господствовать над ними и располагать их судьбой»^{****}, — все это коснулось и переселенцев из-за Дуная. Помещики стремились распространить крепостнические порядки на переселенцев. Тем из них, которые осели на помещичьих и спорных землях, не дали возможности воспользоваться трехлетней льготой, освобождавшей от уплаты податей, согласно обещаний Кутузова от 1811 г. и царского рескрипта от 21 августа 1813 г.^{*****}

Между тем, в инструкции русского правительства, данной в 1813 г. Скарлату Стурдзе, как главе временного правительства Бессарабской области, рекомендовалось использовать стремление молдаван, болгар, валахов, сербов и других народов поселиться в Бессарабии^{*****}. От Стурдзы требовалось, чтобы он содействовал приращиванию населения Бессарабии, используя для этого условия Бухарестского мирного договора с Турцией, тем более, что, как гласила инструкция, — «болгары, сербы, молдаване и валахи ищут отечества, которое следует им предложить в сем крае»^{*****}.

О стремлении к переселению молдаван и валахов в Буджак свидетельствуют многочисленные факты. На некоторых из них мы останавливаемся, так как они говорят о борьбе, которую вели молдаване и валахи совместно с болгарами и гагаузами за освобождение от боярского гнета в пределах Молдавии и Валахии. Эта совместная борьба способствовала развитию дружбы между болгарами, гагаузами, молдаванами и валахами в обстановке войны, особенно с 1809 г.

Молдаване и валахи радушно принимали болгар и гагаузов, бежавших от турецкого гнета в поисках постоянного или временного пристанища в Молдавию или Валахию. Между этим стремление к объединению для совместной борьбы против угнетения местными властями и боярством, эксплуататорская алчность которых поражала даже видавших виды русских крепостников.

* А. Защук, цит. соч., Записки Бессарабского статистического комитета, т. 3, 1868, стр. 164.

** Вамыш — чиновник, ведавший взаимным таможенных сборов; околаш — волостной старшина в сельских местностях Бессарабии; капитан де мазыл — старшина молдаван, т. е. части населения Молдавии, близкого по положению к русским однодворцам; капитан де тырг — чиновник, близкий по выполняемым функциям к русскому городничему начала XIX в.

*** А. Защук, цит. соч., стр. 2.

**** Там же.

***** Там же, ч. 2, стр. 138.

***** Записки Бессарабского статистического комитета, т. III, стр. 111.

***** Там же.

Бояре княжеств Молдавии и Валахии спешили воспользоваться приходом задунайских переселенцев для того, чтобы обложить их биром, разными «отяготительными денежными и др. поборами» наравне с коренным населением. В связи с этим для переселенцев, разоренных войной, многие из которых, «будучи бедными», кочевали с места на место, складывалась невыносимо тяжелая обстановка*. Понятно, что они не пожелали мириться с этим, так как, по словам Коронелли, «угнетательная власть Диванов и бояр не более устраивала их, нежели самое порабощение у турок»**.

Поэтому они и добивались устранения свалившихся на них тягот. Известное содействие в этом они получали со стороны русской военной и гражданской администрации, которая, по уже известным мотивам, стремилась упрочить авторитет России среди народов Балканского полуострова.

Вследствие этого переселенцы в 1809 г. были освобождены от обязанностей уплаты налогов и повинностей сроком на год. В 1810 г. Багратион, как и его предшественник Прозоровский, считал невозможным облагать их налогами и принуждать к несению повинностей «яко обывателей еще не оседлых»***. Каменский, сменивший Багратиона, предписал в декабре того же года вице-президенту Дивана княжества Валахии Энгельгардту «бедных и разоренных болгар... всех без исключения, освободить от всяких земских и казенных повинностей впредь до предписания»****.

Наибольшее внимание и заботу о переселенцах, как уже известно, проявил Кутузов. По его настоянию Красно-Милашевич обязывался отдать распоряжение Диванам о том, чтобы переселенцев «из уважения к новому их здесь обзаведению (т. е. на территории Молдавии и Валахии — И. М.) сколь возможно не отягощать земскими повинностями наравне с прочими обывателями, разве в крайней нужде, но и то не иначе как с моего (Кутузова — И. М.) согласия»*****.

В известном обращении Кутузова в апреле (мае) 1811 г. к переселяющимся из-за Дуная Кутузов гарантировал им освобождение «от всяких налогов и др. земских повинностей»*****.

Предоставленные льготы облегчали положение массы переселенцев, оставшихся во время войны в пределах Молдавии, Валахии и Бессарабии. Однако, получив их, болгары и гагаузы со своей стороны делали все, что могли для помощи приютившему их коренному населению. Они «укрывали между собой коренных жителей» от обложения молдавскими и валашскими властями*****. Местные власти были обеспокоены «великим замешательством» среди местного населения, выразившемся в стремлении пользоваться льготами наравне с переселенцами из-за Дуная. Русские чиновники констатировали, что многие молдаване и валахи «неправильно присвоили себе название болгар... единственно во избежание податей и земских повинностей»*****. Местные откупщики и чиновники обнаружили среди них и таких, которые прежде находились в бегах, и, вернувшись теперь домой, причисляли себя к задунайским переселенцам. Кроме того, болгары и гагаузы принимали в свои стада овец и коз, принадлежавших молдавским и валашским крестьянам, чтобы утаить их от обложения оеритом, то есть тяжелым налогом, взыскивав-

* ЦГИА МССР, ф. I, оп. I, № 57, л. 486.

** Там же, л. 485.

*** Там же, л. 452.

**** Там же, л. 458.

Там же, л. 448.

Там же, л. 521.

Там же, лл. 476—477.

Там же, л. 454.

шимся с владельцев мелкого рогатого скота правительством через откупщиков*.

Сопротивление переселенцев и коренного населения против обложения росло, и крестьяне Молдавии и Валахии проявляли «явную ослушность противу власти земского начальства» и даже отмечались случаи избивания откупщиков.

Болгар обвиняли в том, что они, «поселившись рассеянно во многих селах, подали и подают мысль настоящим старожилам поселянам смешательства с ними и удалаться от повинностей и податей»**. Более того, некоторой части молдавского населения во время войны удалось переселиться в Буджак и впоследствии пользоваться льготным положением наравне с другими переселенцами.

Таковы факты, свидетельствующие о крепнувшей дружбе и солидарности между народными массами болгар, гагаузов, молдаван и валахов в начале прошлого столетия.

Однако это устройство под властью России на условиях более благоприятных, чем те, в которых жили крестьяне Молдавии, Валахии и Болгарии под властью Турции, осуществилось не сразу после водворения в Буджаке.

Александр I обещал переселенцам некоторые льготы, о которых большинство населения России могло только мечтать. Но то были только красивые фразы, сказанные царем во время борьбы с наполеоновской Францией, с определенным расчетом «сохранить привязанность сих народов и охранять их от влияния врагов», так как «дух народов сих может пасть в порабощение и неприятели овладеют ими»***. Имелось в виду распространение влияния буржуазной Франции. Но после 1812 г. льготы были урезаны; положение основной массы переселенцев оставалось неопределенным, а тех, которые попали во власть местных помещиков — просто нестерпимым.

* * *

Переселенцы же не могли мириться с тем, что обещания, данные Кутузовым, нарушались и не выполнялись правительством. В сентябре 1815 г. движение за устройство на условиях, объявленных Кутузовым в 1811 г., охватило, повидимому, всех задунайских переселенцев. Выборные поверенные от их имени подписали и подали командующему 2-й армией Л. Л. Беннигсену, находившемуся в Тульчине, прошение «задунайских переселенцев Бессарабской области всего общества».

От имени всех переселенцев поверенные просили Беннигсена возбудить ходатайство перед Александром I о том, чтобы образовать из них казачье войско, выделив под их поселение достаточное количество земли, разрешив беспрепятственный переход на эту землю всем переселенцам, в том числе и тем, которые оставались в помещичьих владениях****. Они хлопотали также об особом административном устройстве во главе с русским начальником, который проявил бы заботу о благополучии поселенцев*****. Этого они добивались в целях освобождения из-под власти местных помещиков.

20 сентября (2 октября) 1815 г. Беннигсен отправил рапорт Александру I вместе с их прошением и просил об ускорении удовлетворения их ходатайства. Небезинтересно отметить, что Беннигсен при этом характеризовал переселенцев как трудолюбивый и свободолюбивый народ,

* ЦГИА МССР, ф. I, оп. I, № 57, л. 454.

** Там же, л. 455.

*** Записки Бессарабского статистического комитета, т. 3, стр. 111.

**** ЦГИА МССР, ф. 2, № 372, лл. 6—7.

***** Там же.

«не бывший никогда под зависимостью гражданского начальства и не имевший с частными владельцами никаких сношений и обязанностей, привыкший только к управлению военному и собственному порядку».

В конце декабря 1815 г. делами бессарабских поселенцев занялось министерство внутренних дел, которое поручило бессарабскому гражданскому губернатору Гартингу заняться их устройством в Буджаке. Гартинг медлил с выполнением поручения. Поэтому Беннигсен без участия Гартинга 28 февраля (12 марта) 1816 г. создал первую правительственную комиссию по делам задунайских переселенцев. Он назначил ее членами чиновника Алексея Юшневского (будущий декабрист — И. М.) и штаб-ротмистра Дм. Ватикюти, с пребыванием их в г. Рени (Томарово). Беннигсен обязывал Гартинга представлять комиссии все необходимые сведения по делам переселенцев*. Лишь после этого Гартинг оказался вынужденным направить в состав комиссии в качестве своих представителей Марченко и Милетича. Однако он не только не содействовал, но, напротив, чинил бесконечные препятствия в работе комиссии. Он даже отказался прикомандировать к ней бывшего болгарского пятидесятника Василия Койчо, «знавшего, кроме русского, болгарского и молдавского, также и турецкий язык, употребляемый при сношении с задунайскими переселенцами***. Главное препятствие он чинил в переводе переселенцев с помещичьих земель на казенные, отказывая им в защите от чрезмерных притязаний со стороны местных помещиков и земских чиновников****. Более того, он предписал земским исправникам возвращать обратно к помещикам тех переселенцев, которые уже успели бежать от них на казенные земли.

Действия Гартинга обратили на себя внимание генерала И. Н. Инзова, который своим отношением из Тульчина 23 апреля 1816 г. потребовал оказывать Ватикюти и Юшневскому содействие при выполнении данных им поручений*****.

Между тем, росло количество жалоб на притеснения переселенцев помещиками и захват имущества, принадлежащего болгарам и гагаузам после их ухода на казенные земли. Так, жители села Кирсово, Бендерского уезда, гагаузы Христо Милишоглу, Георгий Сароглу, Никола Чолакоглу, Трандафил Юварлакоглу, Николай Милишоглу и др. жаловались на откупщика Брашована, присвоившего у них 12 волов, 7 коров, 3 лошадей, 100 овец, большое количество хлеба и т. д. Татарбунарский переселенец Тодор Кесир жаловался на захват помещиком Янко Большим принадлежавшей ему ветряной мельницы. Константин Бажиоглу жаловался на того же помещика Бальша, захватившего у него 130 ульев, виноградник, фруктовый сад и др. имущество. Жалобы поступали на исправника Непейпиво и откупщика Брашована от многих переселенцев Бендерского, Кодрского и Гречанского цынутов. Поборами и притеснениями также отличался земский исправник Томаровского цынута Кропивный*****.

На этой почве между переселенцами и земскими властями происходили обострившиеся столкновения. В марте—апреле 1816 г. переселенцы села Фрумоаса (ныне Кагул — И. М.), Пелении Болгарской и Пелении Молдавской оказали сопротивление и неповиновение гречанскому исправ-

нику Непейпиво и житничару Главче, которые хотели «записать их в число старожилов поселян» на землях помещиков, стремившихся удержать переселенцев за собой и «наложить обязанность оставаться навсегда на их землях». В мае 1816 г. переселенцы сел Чадыр-Орак и Минжир, Хотарничанского цынута, вопреки запрету местного начальства, приступили к ломке своих дворов, переходили на жительство в урочища Саку и Валя Пержулуй. Они приступили к распашке земель на новых местах. Гартинг и второй департамент Бессарабского областного правительства были встревожены ростом сопротивления и растущим бегством населения, боявшегося также включения в списки для обложения «биром**», то есть одной из тягчайших форм обложения крестьян Бессарабии.

Бегство переселенцев и росшее сопротивление, оказываемое ими против произвола местных властей, привели к тому, что министерство внутренних дел сочло необходимым вмешаться и предписать, чтобы «земское начальство никаких своевольных распоряжений ко вреду поселенцев не делало» и удовлетворило их жалобы***. После этого возвращение переселенцев с казенных земель на помещичьи временно прекратилось****.

Вмешательство названного министерства в подобных случаях находилось в полном соответствии с колонизаторской деятельностью царизма. Дальнейшее удержание переселенцев на землях бессарабских помещиков привело бы к росту их побегов за границу, что могло нанести ущерб общим интересам крепостников России.

В июле 1816 г. дела о переселенцах были переданы впервые назначенному в Бессарабию полномочному наместнику области А. И. Бахметеву. В своем обстоятельном рапорте от 3 (15) июля к Александру I Бахметев сообщал о состоявшемся ознакомлении с положением переселенцев, с их устройством, которое нашел не соответствующим обещаниям, данным Кутузовым. Вместе с тем он ставил под сомнение целесообразность создания из них особого казачьего войска. Взамен этого, в интересах самих переселенцев и государства, предлагал поселить их на особом участке Буджака на равных основаниях с новороссийскими поселенцами. Отрицая законность требований бессарабских помещиков к переселенцам Бахметев подчеркивал, что «переселение и водворение сих людей не стоили ни малейшего изжидения ни казне, ни помещикам»*****.

Бахметев предлагал дать переселенцам льготу, освобождавшую их от несения повинностей сроком на 9 лет и удовлетворить их ходатайство об определении к ним в качестве «попечителя для временного за управлением их надзора» штабс-ротмистра Д. Ватикюти*****. Тем самым, в частности, опровергается неверное мнение Защука и других авторов о том, что «правление болгарскими попечителями в Бессарабии началось с 1820 г.» и что «первым главным попечителем задунайских переселенцев был назначен генерал от инфантерии Инзов»*****. Инзов никогда не выступал в такой роли, а был главным попечителем всех иностранных поселенцев юга России.

В действительности первым попечителем задунайских переселенцев был русский чиновник Коронелли, работавший еще под начальством Кутузова в этой должности в 1811—1812 гг. Вторым в звании «попечителя для временного управления задунайскими переселенцами, живущими в

* ЦГИА МССР, ф. 2, № 372, лл. 68—69.

** Там же, л. 77.

*** Там же, л. 75.

**** Там же, лл. 82, 83, 86, 89, 91.

***** Там же, лл. 110—112.

***** Там же, л. 132.

***** А. Защук, цит. соч. ч. II, стр. 32.

* ЦГИА МССР, ф. 2, № 372, лл. 95—98.

** Там же, л. 10.

*** Там же, л. 95.

**** Там же, л. 94.

***** Там же, л. 63.

***** Там же, лл. 68—69.

цынутах Хотарничанском, Кодрском, Гречанском, Томаровском, Бендерском и в г. Кишиневе» был штабс-ротмистр Ватикноти, определенный на эту должность в июле 1816 г. Последний, вместе с приданным ему штатом чиновников и должен был действовать теперь по инструкции Бахметева*. В соответствии с этой инструкцией Ватикноти обязывался организовать управление переселенцев, избрав из их среды в помощь себе «самых благонадежных и расторопных и, сколько возможно, грамотных старшин».

Курс, взятый Бахметевым на разрешение вопроса о переселенцах, тесно связывался с выгодами и интересами крепостнического государства. В частности, учреждавшееся попечительство должно было закрыть доступ беглым помещичьим крестьянам в земли, которые намеревались отвести под поселение болгар**.

Защищая интересы помещиков и ограждая их, правительство направляло все усилия к удержанию недовольного населения в пределах Бессарабии обещаниями улучшить его положение в ближайшее время. Таким путем правительство рассчитывало закрепить влияние Российской империи на Балканах с одной стороны, и среди бессарабских помещиков — с другой.

Единственным мероприятием, которое успели осуществить при Бахметеве и Ватикноти в 1816 г. в наиболее полной мере, следует признать проведение в ноябре этого года переписи переселенцев. Собранные сведения представляют большой интерес, так как позволяют судить о разбросанности переселенцев по всей территории Буджака. В представленной ведомости даны сведения об общем количестве болгар как поселившихся там до 1806 года, так и всех, прибывших с 1806 по 1816 г.***.

Всего во всех цынутах насчитывалось 5320 семей, из числа которых только 241 именовались «старыми», то есть прибывшими до 1806 года. Общее количество всех переселенцев составляло, таким образом, около 30—32 тысяч душ обоего пола. Следовательно, если сравнить с соответствующими данными о количестве поселенцев, бывших там до 1812 г., 10989 душ обоего пола, то окажется, что, несмотря на отмеченные выше неблагоприятные условия, численный состав переселенцев увеличился почти втрое. Действительное количество переселившихся было значительно большим, так как многие из них погибли во время чумы 1812—1813 гг. или не были учтены по разным причинам при производстве переписи.

Переселенцы, как оказывается, были разбросаны по 94 поселениям. Только несколько сел насчитывало более 100 дворов каждое (Волканешты — 215, Фрикаея — 114, Чешмекиой — 125, Хаджи-Абдул — 189, Балбока — 101, Тараклия — 141, Кыпчак — 101, Гайдар — 102, и Томай — 113). Остальные села Томаровского цынута имели меньше, чем по 100 дворов****.

Эти же данные еще раз убеждают нас в том, что гагаузы вместе с болгарам стремились к обособлению в Томаровский цынут, уйдя с помещичьих земель из других цынутов, где многие из них продолжали оставаться и после 1816 г. Таких семейств было в Бендерском цынуте 299, в Кодрском 429, в Гречанском 1137, а всего в этих цынутах — 1865 семейств*****, то есть более одной трети общего количества переселенцев.

* ЦГИА МССР, ф. 2, № 372, л. 132.

** Там же, лл. 132—138.

*** ЦГИА МССР, ф. 2, № 66, лл. 392—393.

**** ЦГИА МССР, ф. 2, № 66, лл. 932—393.

***** Там же, л. 393.

Ион Бальш больше всех других бессарабских помещиков проявлял себя в роли крепостника, заявлявшего претензии не только на обладание большими массивами земель в Буджаке. Он с особенным упорством продолжал добиваться от русского правительства права на закрепощение большой массы гагаузского, болгарского и молдавского населения, осевшего в результате переселения из-за Дуная во время войны 1806—1812 гг. или частью уже сидевшего здесь еще со времени турецкого владычества. Многократно он обращался по этому поводу к Бахметеву и в Петербург к разным влиятельным лицам, как например, к графам Каподистрия, Катакази и др., и непосредственно к Александру I.

В результате этого в 1817 г. коллежскому советнику Крупенскому было поручено заняться населением, бежавшим из владений Бальша. Он установил, что от Бальша на казенные земли в период с 1814 по 1817 г. бежало 498 семей*. По заключению Крупенского это были люди, водворившиеся во владениях Бальша в период с 1775 по 1806 г. Он называл их, как было принято, болгарам. Вместе с ними от Бальша бежало 557 молдавских семей**. Следовательно, даже по официальным данным, очевидно уменьшенным, под властью одного Бальша оказалось не менее 7000 душ, закрепощенных им переселенцев, из которых около половины составляли болгары. Любопытно отметить, что Бахметев не возражал против возвращения последних Бальшу, но не соглашался поступить таким же образом с болгарам.

Дело двигалось медленно вследствие того, что Бахметев не мог не сочувствовать крепостникам. Более того, даже сам Ватикноти возможно был не прочь воспользоваться затруднительным положением опекаемых им переселенцев. Об этом свидетельствует рапорт ревизора Измаильского цынута Поповского Бахметеву от 25 сентября 1817 г., в котором сообщалось, будто бы «болгары и другие переселенцы довольны своим попечителем и, по его приглашению, согласились в некоторых селениях сделать ему посевы***. Как сообщал Поповский, Ватикноти давал поселенцам пшеницу для посева на себя, а жители сеяли, убирали и доставляли ему собранный урожай в Рени****. Одновременно Поповский спешил убедить Бахметева в том, во-первых, что будто бы переселенцы не имеют никаких претензий к своему попечителю и «не почитают себе сей работы в тягость и за притеснение», во-вторых, что подобным же образом в некоторых местах поступали околаши*****.

Положение переселенцев осложнялось тем, что кроме попечителя на управление ими посягали цынутные власти. Бахметев напоминал Поповскому, что полномочия Ватикноти, как попечителя, определены инструкцией, данной Бахметевым через I департамент Бессарабского областного правительства еще 14 сентября 1816 года. Согласно этой инструкции полномочия Ватикноти ограничивались сферой внутреннего экономического управления поселениями, как принадлежащими казне. В руках цыпутных полицейских чиновников, по той же инструкции, сохранялась значительная доля власти над населением. Через них осуществлялись пра-

* ЦГИА МССР, ф. 2, д. № 66, л. 690.

** Там же.

*** Там же, л. 692 и 693.

**** Там же, л. 696. Проверка достоверности изложенного Поповским не представляется возможной из-за отсутствия необходимых данных. Нам кажется, что Поповский умышленно извращал положение дел, так как стремился извлечь выгоду от эксплуатации беззащитных переселенцев — И. М.)

***** ЦГИА МССР, ф. 2, д. № 66, л. 697.

вительственные распоряжения; они же ведали всеми вопросами, касавшимися общественных и земских повинностей*.

Вполне понятно, что такое положение не могло удовлетворить поселенцев и поэтому они не прекращали напоминать об этом не только областным, но и центральным правительственным учреждениям. Значительных уступок они сумели добиться только с 1818 г., когда главным попечителем всех иностранных поселенцев юга России стал И. Н. Инзов.

Подводя итоги массового переселения болгар и гагаузов в Бессарабию, можно сказать, что оно было вызвано усилением угнетения со стороны султанской Турции, которое Болгария испытывала на протяжении столетий.

С другой стороны к XIX в. для переселения складывалась благоприятная обстановка вследствие удачных русско-турецких войн, ослабивших Турцию и активизировавших борьбу населения Болгарии за свое освобождение. Среди болгар и гагаузов началось движение за создание своих особых воинских отрядов, действовавших на стороне русских войск в борьбе против Турции.

Российская империя, заинтересованная в захватах на Ближнем Востоке; в условиях сохранения крепостнических отношений в стране, не могла заселить Буджак русскими и оказалась вынужденной прибегнуть к использованию для этой цели выходцев из-за Дуная. Эта часть территории России и в дальнейшем привлекала новых переселенцев из Болгарии.

Массовое переселение болгар и гагаузов началось стихийно в 1809 году. Представители администрации России вскоре попытались взять переселенческое дело в свои руки, и, придав ему организованный характер, поставить его на службу интересам самодержавной России. Однако эти попытки насильственного переселения в 1810—1811 гг. встретили сопротивление переселенцев и потерпели неудачу.

Положение резко изменилось с прибытием в Дунайскую армию М. И. Кутузова, запретившего принудительное переселение и предложившего переселяемым ряд льгот, облегчивших водворение болгар и гагаузов в Буджак на основе добровольного переселения туда и гарантии от закрепощения.

Благодаря этому, с 1811 г. переселение проходило более успешно. После отъезда Кутузова из Дунайской армии оно снова испытывало ряд препятствий, вызванных произволом чиновников бессарабских областных и уездных учреждений и стремлением крупных местных землевладельцев закабалить переселенцев. Борьба последних против этого и угроза вернуться в Болгарию, в случае отказа реализовать обещания, данные Кутузовым, заставили российское правительство пойти на ряд существенных уступок и впоследствии удовлетворить предъявленные требования.

В феврале 1816 г. была образована особая комиссия для изучения положения переселенцев с целью дальнейшего их устройства. В июле того же года был назначен первый попечитель бессарабских болгар и гагаузов (Ватикноти), который фактически выполнял функции упраздненной комиссии. Благодаря этому, значительная часть переселенцев, оказавшихся в зависимости от местных крепостников, перешла из владений последних на казенные земли в Буджак.

Тем не менее, положение переселенцев оставалось еще довольно неопределенным, несмотря на заверения правительства заняться их устройством в ближайшем будущем. Но массовый уход за Дунай был предот-

вращен. Это свидетельствовало о том, что наличные условия для жизни в Буджаке были более благоприятны, нежели под властью Турции.

Так, в период с 1809 по 1818 г. создавались некоторые условия, стимулировавшие на протяжении ближайших десятилетий приток новых масс переселенцев из-за Дуная в Бессарабию.

Это переселение в тогдашних условиях было для них наилучшим и спасительным выходом, открывавшим такие благоприятные возможности для дальнейшего развития, каких они не могли иметь в Болгарии до тех пор, пока она оставалась в порабощении отсталой Турцией, поддерживаемой французскими и английскими колонизаторами. Это особенно верно в отношении болгар и гагаузов, которые так или иначе открыто проявляли свои дружественные чувства к русскому народу и принимали активное участие в войне 1806—1812 гг. на стороне России против Турции, за что их ждала кровавая расправа поработителей.

В условиях начала XIX в. эта часть населения Болгарии переселилась на территорию, принадлежавшую России, не по принуждению, а добровольно. Тем самым еще более подчеркивалась объективно-прогрессивная роль, которую Россия играла в отношении народов Балканского полуострова, хотя колонизаторская политика русского царизма и преследовала реакционные цели.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй кандидатулуй ын штинць историче И. И. Мещерюк
«Ынтыя стрэмутаре де масэ а булгарилор ши гэгэужилор ын Басарабия
ла ынчепутул вакулуй XIX»

Лукраря ый ынкинатэ челей динтый стрэмутэрь де масэ а булгарилор ши гэгэужилор ын Басарабия ши луптей лор пентру ашезаре ши дизволтаря слободэ. Ауторул а арэтат, кэ причина, каре й-а ындемнат пе булгарь ши гэгэужь сэ апуче каля де стрэмутаре, а фост жугул Турчией отомане ыннапоете. «Апроапе чинч вакурь, — скрие ауторул, — булгарий ши гэгэужий, каре трэяу пе пэмынтул булгар, ау суферит жугул неспус де греу ал Турчией феодале ши абя ла ынчепутул вакулуй XIX, ын урма рэзбоаелор Русней ымпотрива Турчией, ей ау скэпат де асимиларя лор комплектэ де турчь. Ку кытева дечений ыннаинте де слобозиря Булгарией, о парте дин локунторимья ей а кэпэтат путинца де а се мута дин Булгария ши, ын кэутаря скэпэрий де жугул социал ши релижиос крунт, с'а стрэмутат пе пэмынтуриле, каре апарцыняу Русней».

Инициатива стрэмутэрий песте Дунэре апарцыня ынсэш булгарилор ши гэгэужилор. Тотодатэ ауторул, пе база материалелор публикате ши материалелор де архивэ, аратэ дизволтаря приетенней ынтре народул рус ши локунторимья Булгарией ла ынчепутул вакулуй XIX. Еа с'а манифестат, ын парте, ын ачея, кэ мульц локунторь дин Булгария ау луат парте ын рындуриле арматей русешть ла разбоюл ымпотрива Турчией. Кам ын ачеяш време суб протекция русаскэ с'а ынчепут стрэмутаря стихийникэ а булгарилор ши гэгэужилор ын кнезателе дунэрене, яр апой ын Басарабия.

Абя ла сфыршитул анулуй 1809 ауторитэциле милитаре ши чивиле русешть ау фэкут челе динтый ынчеркэрь де а луа ын мыниле лор требуриле стрэмутэрий. Дар ын декурс ынкэ де кыцьва ань царизмул н'а путут ынтродуче ордине ын требуриле колонизэрий Басарабией ку колоништь де песте Дунэре. Дин документеле, каре с'ау пэстрат, се стабилеште, кэ статул ну келтуя нич ун бан пентру целул иста. Деатыта статул ну путя сэ фолосаскэ путинциле де колонизаре а Буджакулуй.

Мошиерий басарабень ши рушь, каре ау окупат пэмынтуриле Буджакулуй, ау обынут дела Александру I интерзычеря мутэрий слободе а колоништилор дин Булгария. Привилежилие, пе каре гувернул царист ле-а фэгэдунт колоништилор ын анул 1811, ау фост микшорате ын время рэзбоюлуй ымпотрива Францией. Ситуация масей де темелие а колоништилор ын декурс де кыцьва ань рэмыня нехотэрытэ, яр ситуация челор че ау кэзут суб стэпыниря мошиерилор ера де несуферит. Колоништий ну се ымпэкау ку аяста ши се стэруяу сэ-шь ымбунэтэцаскэ ситуация. Ын септембрие анул 1815 ынтре колоништь се лэржеште мишкаря пентру ымплиниря кондицилор де колонизаре, каре ау фост фэгэдунте де Кутузов ын анул 1811. Мишкаря аста ши аменинцаря колоништилор де а

се ынтоарче ын патрия лор ау сылит царизмул сэ се окупе ку ашезаря колоништилор. Кутотекэ ши дупэ аяста гувернул царист а континуат сэ тэрэгнезе хотэрыря ынтребэрий ын корэспундере ку доринца колоништилор, ын парте ынтребаря деспре тречеря колоништилор, каре трэяу пе пэмынтуриле мошиерешть, пе пэмынтуриле статулуй, тотуш ын челе дин урмэ гувернул а фост невоит сэ чедезе ши ын аний 1818 ши 1819 сэ ле дэе о серие де привилежий сериоасе. Аша ын периоада динтре аний 1809 ши 1818 ау фост креате унеле ынвоель, каре ау стимулат ын деченилие апропие те вениря ын Русня а унор масе ной де колоништь де песте Дунэре. Аша о парте дин локунторимья Булгарией, каре ера аменинцатэ сэ фие кутотул котропитэ ши нимичитэ де Турция феодалэ, с'а мутат пе териториул Русней, чейе а фост пентру локунторимья аста сынгуря ешире ши а авут о ынсэмнэтате таре приелникэ пентру соарта де май тырзыу.

С. Э. ЛЕВИТ,
Б. М. БЕРЕЗИН

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ТРУДЯЩИХСЯ БЕССАРАБИИ ПРОТИВ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ АНТАНТЫ В НАЧАЛЕ 1919 ГОДА

Великая Октябрьская социалистическая революция совершила коренной переворот в исторических судьбах народов нашей страны. Она открыла перед трудящимися нашей Родины путь к свободной и счастливой жизни, путь к коммунизму. Она порвала цепи кабальной зависимости России от иностранного капитала, указала народам всего мира дорогу к освобождению от цепей империализма.

Империалистические хищники не могли примириться с существованием Советского государства. Они стремились свергнуть Советскую власть, восстановить власть помещиков и капиталистов, расчленить Россию и поработить ее народы.

Вдохновителями и организаторами иностранной интервенции и внутренней контрреволюции против молодой Советской республики были, прежде всего, империалисты США. Однако их планы потерпели крах. Коммунистическая партия подняла рабочих и крестьян социалистического государства на отечественную войну.

Под руководством коммунистической партии рабочие и крестьяне молодого социалистического государства в Отечественной войне 1918 — 1920 гг. разгромили иностранных захватчиков и буржуазно-помещичью белогвардейщину. Одной из причин победы Красной Армии над армией интервентов и белогвардейцев было то, «...что в тылу белогвардейских армий, в тылу Колчака, Деникина, Краснова, Врангеля орудовали в подпольи замечательные большевики, партийные и непартийные, которые подымали на восстание рабочих и крестьян против интервентов, против белогвардейцев, подрывали тылы врагов Советской власти и, тем самым, облегчали продвижение Красной армии»*.

Если в советской историографии борьба подпольных коммунистических организаций в тылу войск интервентов и белогвардейцев на территории Украины, Сибири, Дальнего Востока, Урала, Белоруссии, Поволжья в значительной степени изучена, то борьба большевиков Бессарабии против иностранной интервенции еще не получила сколько-нибудь удовлетворительного освещения. В частности, почти совершенно не изучен период борьбы коммунистических организаций Бессарабии против военной интервенции Антанты на юге Украины и в левобережной Молдавии в 1919 г.

В данной статье авторы ставят перед собой задачу осветить некоторые моменты борьбы большевистских организаций и трудящихся Бессарабии против французских интервентов. Архивный и литературный материал показывает, что на территории Бессарабии, оккупированной коро-

* История ВКП(б). Краткий курс, стр. 235.

левской Румынией в начале 1918 года и превращенной в плацдарм Антанты для борьбы с Советской властью, трудящиеся, руководимые подпольными коммунистическими организациями, вели самоотверженную борьбу против военной интервенции в России, за разложение войск интервентов. В этой борьбе они проявили высокий патриотизм, самоотверженность, неугасимое стремление к воссоединению с Советской Родиной.

* * *

Как известно, после военного поражения Германии империалисты США, Англии и Франции решили усилить интервенцию против страны Советов. Особое место в их грабительских планах отводилось захвату Украины. Они стремились помешать установлению Советской власти на Украине, оторвать ее от Советской России, закабалить и использовать Украину как плацдарм для наступления против Советской России.

В. И. Ленин гениально предвидел политические и стратегические планы империалистов Антанты. За месяц до высадки войск Антанты на юге России, В. И. Ленин писал: «...мы никогда не были в столь опасном положении, как теперь. Налицо нет уже двух, взаимно друг друга пожирающих и обессиливающих, приблизительно одинаково сильных, групп империалистических хищников. Остается одна группа победителей, англо-французских империалистов; она собирается делить между капиталистами весь мир; она ставит своей задачей во что бы то ни стало свергнуть Советскую власть в России и заменить эту власть буржуазною; она готовится теперь напасть на Россию с юга, например, через Дарданеллы и Черное море или через Болгарию и Румынию, причем по крайней мере часть англо-французских империалистов, видимо, надеется на то, что германское правительство, по прямому или молчаливому соглашению с ними, станет уводить свой войска с Украины лишь по мере того, как Украину будут оккупировать англо-французские войска, для того, чтобы не допустить неизбежной иначе победы украинских рабочих и крестьян и создания ими украинского рабочего и крестьянского правительства».

Предвидения В. И. Ленина целиком подтвердились. Во второй половине ноября 1918 г. в Яссах было созвано совещание военных и дипломатических представителей Соединенных Штатов Америки, Франции, Англии, Италии, Румынии, с представителями русских контрреволюционных организаций и украинской петлюровской директории**. 21 ноября на совещании было решено немедленно начать антисоветскую интервенцию на юге России. Это решение 22 ноября было утверждено верховным командованием «союзников». Было намечено начать военную интервенцию путем высадки ряда крупных десантов на побережье Крыма и юга Украины, а также развернуть наступление сухопутных войск Антанты со стороны Бессарабии.

Американский дипломатический представитель на Ясском совещании Вуппика в беседе с представителями буржуазной контрреволюционной прессы цинично заявил: «...принимая во внимание, что державы согласия имеют военные силы в Константинополе и на Балканах в достаточной близости к России, я верю, что помощь***, во всяком случае будет немедленной и активной»****.

* В. И. Ленин, Соч., т. 28, изд. 4, стр. 109.

** А. В. Лихолат, Разгром буржуазно-националистической директории на Украине, Госполитиздат, 1949, стр. 39.

*** Речь идет о помощи белогвардейским армиям и украинским националистам.

**** «Одесские новости» № 10852, от 28 ноября (15 декабря) 1918 г.

Для того, чтобы еще больше привязать боярскую Румынию к колеснице антисоветского похода, государственный секретарь США Лансинг от имени его правительства поспешил опубликовать декларацию, в которой среди прочего говорилось, что правительство Соединенных Штатов «...не преминет использовать свое влияние в подходящий момент, чтобы справедливые политические и территориальные требования румынского народа (следует читать «румынских бояр и капиталистов» — С. Л. и Б. Б.) были достигнуты и обеспечены от всякого заграничного покушения».

Королевское правительство боярской Румынии согласилось принять участие в интервенции и предоставило территорию Бессарабии для сосредоточения войск интервентов. Французский генерал Бертелло получил задание реорганизовать румынскую армию.

Под видом «продовольственной помощи» боярской Румынии, «союзники» прислали 100 самолетов, 100 легких танков и другое вооружение**. В интересах международных трестов и небольшой кучки румынских бояр и капиталистов Румыния превращалась в плацдарм международного империализма на Востоке, а румынский народ — в пушечное мясо.

В конце ноября 1918 г. началась высадка англо-французских войск на юге Украины. Одновременно французские войска стали высаживаться в Румынии и сосредотачиваться в Бессарабии по Днестру.

Главным центром концентрации войск интервентов в Бессарабии стал город Бендеры, превращенный в опорный пункт войск Антанты против Советской республики.

Центральный Комитет партии придавал огромное значение борьбе с интервенцией Антанты на Украине. В Одессу, в помощь местным большевикам, была послана Центральным Комитетом партии группа коммунистов во главе с пламенным большевиком И. Смирновым, известным под кличкой Николая Ласточкина. Под его руководством был создан новый областной комитет и новый ревком, который считал своей важнейшей задачей — вести непримиримую борьбу с интервентами.

Организуя трудящихся нашей Родины на борьбу с интервентами на Украине, партия призывала трудящихся «...притти на помощь молодому Советскому правительству Украины и облегчить ей ее славную борьбу с душителями Украины»***.

Этот призыв нашел горячий отклик не только среди трудящихся Украины, но и среди трудящихся всей нашей необъятной страны, в том числе и оккупированной Бессарабии.

Опыт трех русских революций XX в. показал трудящимся Бессарабии, что освобождения от классового и национального гнета они могут добиться лишь при помощи русского и украинского пролетариата, и что поэтому дело защиты Советской власти от посягательств всяких интервентов и белогвардейцев является необходимым условием их собственного избавления от гнета и порабощения.

В связи с создавшимся положением, перед подпольными коммунистическими организациями Бессарабии и, главным образом, города Бендеры, где концентрировались войска интервентов, стала задача: организовать борьбу трудящихся против интервентов, разъяснить обманутым солдатам Антанты истинные причины интервенции, показать им, что их силами империалисты стремятся задушить пролетарскую революцию.

* «Одесские новости», № 10842 от 14 ноября (1 декабря) 1918 г.

** Тудор Савин, Иностранный капитал в Румынии, И. Л., Москва, 1950 г., стр. 104.

*** И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 176.

Коммунистическая подпольная организация Бессарабии подняла рабочих и крестьян на борьбу против иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины, за воссоединение с Советской Родиной.

В конце 1918 года большевистская организация Бессарабии обратилась с пламенным призывом к трудящимся подняться на борьбу с ненавистными оккупантами.

«Товарищи рабочие и крестьяне Бессарабии, — писали большевики, — проснитесь, зорька занялась. Время пашню косить. Но как не под силу одному снять всю жатву Бессарабии, так не под силу одному освободить ее от ненавистных грабителей. Поэтому, товарищи, организуйтесь для борьбы. Выбирайте всюду в селах и городах революционные комитеты, организуйте боевые дружины.

Да здравствует свободная Бессарабия!

Да здравствует власть рабочих и крестьян Бессарабии!

Да здравствует Российская Федеративная Советская республика!».

Под руководством большевиков начали создаваться революционные комитеты и боевые дружины. Как было отмечено 15 сентября 1918 года в отчете ревкома Одесской областной конференции большевиков, в Бессарабии, как и в других южных губерниях России, была создана «густая сеть ревкомов»**.

В Бендерском уезде, где концентрировались войска интервентов, революционные комитеты и боевые дружины были созданы в Телицах, Петровке, Тараклии, Урсоа, пригородах города Бендер—Борисовке, Кавказе и т. д.***.

Большую роль в подпольной работе играли рабочие железнодорожных мастерских, типографий и Днестровского пароходства. Последние создали свой подпольный совет рабочих депутатов****. Тирасполь находился в то время в руках петлюровцев. Суда, которые находились в Бендерах, имели постоянную телефонную связь с Тирасполем. Работавшие на судах рабочие Бендер и Тирасполя постоянно соприкасались между собой. Это облегчило связь между подпольными большевистскими организациями Бессарабии, Тирасполя и Одессы.

В декабре 1918 года в Кишиневе расположилась, прибывшая из Ясс, 30-я французская дивизия. Большевики города немедленно установили связь с французскими солдатами и распространяли среди них революционные листовки.

Затем французские части были переброшены в город Бендеры и его окрестности и стали готовиться совместно с румынскими войсками к наступлению на Украину. Однако развернувшиеся события на севере Бессарабии несколько нарушили планы интервентов. 23 января 1919 года в Хотинском и северных районах Сорокского уезда Бессарабии началось мощное восстание трудящихся против оккупантов. Оккупанты были изгнаны из ряда районов северной Бессарабии.

По данным Бессарабского бюро ЦК РКП(б) повстанцев в Хотинском районе было около 20 000 и в Могилев-Подольском районе — около 10 000 человек****. Перепуганные размахом восстания оккупанты стали

* Центральный Государственный архив Октябрьской революции и соц. строительства МССР, в дальнейшем будет указано сокращенно ЦГАОР), ф. № 738, л. № 707, л. 29.

** «Пролетарская революция» № 8 (55), 1926, стр. 119.

*** ЦГАОР МССР, ф. 738, арх. № 699, л. 50.

**** ЦГАОР МССР, ф. 738, л. № 699, л. 62.

***** А. Юрченко, «Хотинское восстание», Укр. изд. политической литературы, Киев, 1948, стр. 71.

стягивать войска из других уездов Бессарабии, а также «перебрасывать свои войска из Трансильвании и других мест»*. На помощь румынским империалистам тотчас же пришли французские оккупанты, которые направили в район восстания часть своих артиллерийских частей, находившихся в то время в Румынии и Бессарабии. Численно превосходящим и хорошо вооруженным силам оккупантов удалось потопить в крови восстание трудящихся. Десятки сел были снесены с лица земли, тысячи восставших были истреблены озверелыми карателями. Спасшиеся от расправы повстанцы переправились через Днестр и, пробираясь через линию фронта, вливались в ряды Красной Армии.

Хотинское восстание способствовало ослаблению сил интервентов на юге Украины. Значительная часть румынских войск, а также отдельные французские подразделения, брошенные на подавление восстания, не смогли включиться в поход против Советской власти. Тем временем бендерские большевики развернули среди солдат расположенных там частей большую агитационную работу. Они установили непосредственную связь через Тирасполь с большевистской подпольной организацией Одессы, руководимой Николаем Ласточкиным и созданной ею «Иностранной коллегией», в которой деятельное участие принимала славная дочь французского народа Жана Лябурб. В Бендеры через Тирасполь привозились листовки на французском языке, издаваемые «Иностранной коллегией».

Одновременно в Бендерах большевики организовали печатание листовок на русском, французском и румынском языках**.

Листовки различными путями попадали к солдатам. Иногда их раздавали встречным солдатам, иногда они попадали в казармы через французских революционных солдат, с которыми вскоре была установлена связь. Активно помогала подпольщикам в распространении листовок рабочая молодежь Бендер, в организации которой видную роль сыграл Павел Ткаченко. По поручению подпольного комитета коммунистической организации г. Бендеры, Павел Ткаченко, владевший французским языком, часто встречался с революционно настроенными солдатами, выступал на их собраниях с разоблачением империалистических целей буржуазных правителей стран Антанты***.

Один из участников революционного движения того периода в Бендерах в своих воспоминаниях пишет: «В Бендерах находились в то время части французских войск. Наши агитаторы проникли в эти части, разбрасывали листовки на французском языке, вели агитацию среди них. Большинство агитаторов были девушки, которым легче было проникать в расположение частей и знакомиться с солдатами»****.

Под воздействием революционной агитации и пропаганды, соприкасаясь с революционными рабочими и крестьянами, французские солдаты стали понимать истинный смысл их пребывания в России. Результаты работы бендерских подпольщиков не замедлили сказаться. Измученные долгой империалистической войной, убедившись в империалистических целях своего правительства, а также получая сведения, что французские рабочие Парижа и других городов выступают против интервенции в России, французские солдаты, расположенные в Бендерах, стали выходить

* А. Юрченко, «Хотинское восстание», Укр. изд. политической литературы, Киев, 1948, стр. 110.

** ЦГАОР МССР, ф. 738, арх. № 725, лл. 14, 17.

*** И. Довгополый, Павел Ткаченко, Госиздат МССР, 1951 г. стр. 11.

**** Архивный фонд ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР № 53, стр. 13.

из повиновения, отказывались сражаться против рабочих и крестьян Советской страны.

В конце января 1919 года небольшой отряд красных партизан Поднестровья, насчитывающий до 200 человек, по заданию Одесского ревкома внезапной атакой освободил Тирасполь, изгнав из города петлюровцев. Эта операция имела целью прервать коммуникации интервентов, находящихся в Одессе, с боярской Румынией и помешать переброске вражеских войск из Бессарабии на Украину. В освобожденном городе состоялась демонстрация трудящихся, посвященная восстановлению Советской власти.

В городе был учрежден Совет рабочих и крестьянских депутатов и Военно-революционный комитет. Комитет освободил из тюрьмы политических заключенных, наложил на буржуазию 3-миллионную контрибуцию, арестовал ряд чиновников и белогвардейских офицеров*.

Было выпущено несколько воззваний к населению за подписью Одесского областного комитета КП(б)У. В большевистских воззваниях разоблачалась диктатория, как «предательская власть», «запутавшаяся в сети своей собственности лжи», которая путем переговоров с англо-французской буржуазией совершает торг судьбой и жизнью трудящихся Украины. Большевики призывали рабочих и беднейшее крестьянство к борьбе с оружием в руках против врагов Советской власти. Была объявлена добровольная запись в отряд. За несколько дней численность отряда увеличилась до 3 тысяч человек, главным образом, за счет деревенской бедноты пригородных деревень. Отряд стал называться отрядом Южной Советской армии**.

Французское командование решило вытеснить советских партизан из Тирасполя. Это было поручено 58-му полку 30-й дивизии и артиллерийскому дивизиону 2-го полка горной артиллерии. Подпольная организация Днестровского пароходства немедленно сообщает об этом по телефону большевистскому штабу в Тирасполь***.

31 января 1919 г. отряд французских солдат был послан в Тирасполь в разведку. Навстречу отряду вышла группа советских партизан. В течение нескольких часов происходили переговоры, затем французы удалились****.

4 февраля французское и румынское командование двинуло значительные силы своих войск на левый берег Днестра. Румынские войска попытались переправиться в районе Кицкан. Однако они натолкнулись на упорное сопротивление трудящихся села Слободзея, которые вышли навстречу интервентам, вооруженные топорами, вилами, винтовками*****.

Отбивая атаки врага, революционные крестьянские отряды, воспользовавшись тем, что Днестр замерз, совершили ряд смелых вылазок против интервентов на правом берегу Днестра. Один из отрядов, форсировав реку в районе Кицканского леса, разгромил румынскую комендатуру, захватив два пулемета и запас патронов. Развивая наступление на правом берегу Днестра, революционные отряды изгнали оккупантов из ряда сел (Кицканы, Толмаз и др.), захватили пленных. Под влиянием этих событий в районе Бендер начались аграрные волнения*****. Выступле-

ния крестьян против интервентов отмечаются также в Бельцком и Оргеевском уездах*.

Из Бендер на Тирасполь были двинуты французские войска. Уже при выступлении солдаты стали выражать недовольство. Бендерские подпольщики немедленно по телефону сообщили в Тирасполь, в штаб советских партизан, о выступлении французских войск**.

Французское командование было предупреждено, что в случае продвижения французских войск, красные партизаны вынуждены будут давать им вооруженный отпор. Рассчитывая на легкую победу, интервенты отказались выполнить требование об отходе войск и продолжали переправу. На подступах к городу развернулись бои. Против интервентов выступили партизаны и трудящиеся поднестровских сел Парканы, Пласское и др.***.

Разгорелся бой. Французское командование применило артиллерию. Последовал приказ перейти в наступление. Но шедшие впереди солдаты 58-го французского пехотного полка повернули обратно и отказались выступать против Красной Армии. Горная батарея прекратила артиллерийский обстрел позиций защитников Тирасполя и также отказалась сражаться против большевиков****.

Наступление интервентов на Тирасполь было сорвано. Французское командование снова было вынуждено отвести войска в Бендеры. Через день оно вновь попыталось предпринять наступление на Тирасполь. Однако солдаты категорически отказались сражаться против советских войск. Попытка запугать солдат арестом и военно-полевым судом не увенчалась успехом. Солдаты не пошли в наступление даже после того, как было арестовано и осуждено большое количество революционных солдат. Французское командование вынуждено было снять 58-й полк с позиций, разоружить его и отправить в Галац*****. Его примеру последовал 176-й французский полк, стоявший в Херсоне, и ряд других частей*****.

Заслуга в разложении войск интервентов принадлежит подпольным коммунистическим организациям; в том числе бессарабским большевикам, которые посредством листовок и бесед провели большую разъяснительную работу среди французских войск.

В. И. Ленин высоко оценил значение большевистской печати в деле разложения войск Антанты.

«...у нас были только ничтожные листки, — писал В. И. Ленин, — в то время, как в печати английской и французской агитацию вели тысячи газет, и каждая фраза опубликовывалась в десятках тысяч столбцов, у нас выпускалось всего 2—3 листка формата четвертушки в месяц, в лучшем случае приходилось по одному листку на десять тысяч французских солдат. Я не уверен, что и столько попадало. Почему же все-таки французские и английские солдаты доверяли этим листкам? Потому, что мы говорили правду и потому, что, когда они приходили в Россию, то видели, что они обмануты. Им говорили, что они должны защищать свое отечество, а когда они приходили в Россию, то оказывалось, что

* «Одесские новости» № 10915 от 11 февраля (29 января).

** ЦГАОР МССР, ф. 738, арх. № 699, л. 127.

*** Там же.

**** Г. Рейхберг и Р. Ольше, «Международный пролетариат в борьбе против интервенции в СССР 1918—1920 гг.», Воениздат НКО СССР, Москва, 1940 г., стр. 23.

***** Жан Фревилль, Рождение французской коммунистической партии, И. Л. Москва, 1951, стр. 64.

***** Там же.

* «Пролетарская революция», № 8 (55), 1926, стр. 147.

** «Одесские новости» № 10908 от 4 февраля (22 января) 1919 г.

*** ЦГАОР МССР, ф. 738 арх. № 699, л. 88.

**** «Одесские новости» № 10908 от 4 февраля (22 января) 1919 г.

***** ЦГАОР, МССР, ф. 738, арх. № 699, л. 127.

***** «Одесские новости», № 10912 от 8 февраля (26 января).

они должны защищать власть помещиков и капиталистов, должны души революцию»*.

В то же время отказ французских солдат сражаться против Страны Советов было отражением того движения, которое начали французские рабочие и рабочие других стран под лозунгом «Руки прочь от Советской России».

Отказываясь вести борьбу против рабочих и крестьян Советской страны, французские солдаты выполняли не только свой интернациональный долг, но также одновременно и свой патриотический долг перед трудящимися массами своей страны, кровно заинтересованными в прекращении войны и сохранении мира.

В речи на XIX съезде партии И. В. Сталин, раскрывая особенность поддержки нашей партии и нашей страны со стороны трудящихся масс капиталистических стран, указывал:

«Особенность этой поддержки состоит в том, что всякая поддержка миролюбивых стремлений нашей партии со стороны любой братской партии означает вместе с тем поддержку своего собственного народа в его борьбе за сохранение мира»**.

3—5 февраля 1919 года в Одессе состоялась областная партийная конференция, на которой присутствовали также делегаты от парторганизаций Херсона, Кишинева, Тирасполя, Бендер, Елизаветграда и др. городов***.

Конференция постановила «начать партизанские действия, направленные на ослабление и дезорганизацию противника», а также «усилить и расширить агитацию среди империалистических войск, направленную к скорейшему разложению последних и к разъяснению истинного положения»****.

Выполняя решение конференции, местные коммунистические организации еще больше укрепили связи с французскими солдатами.

Большевики распространили по всем городам юга Украины, левобережной Молдавии и Бессарабии весть об отказе 58-го французского полка участвовать в военной интервенции против Советской России****. Подпольные коммунистические организации Одессы, Кишинева, Бендер, Тирасполя, Николаева, Херсона и других городов в ознаменование этого события выпустили листовки, которые распространялись среди войск интервентов.

Желая предупредить кровопролитие, Советское правительство Украины 6 и 25 февраля 1919 года обращалось к французскому правительству с нотами протеста против действия французских войск на Украине и требовало их эвакуации из пределов украинской земли. В ноте от 25 февраля 1919 года говорилось:

«Временное Рабочее Правительство Украины вынуждено снова обратить самым серьезным образом внимание французского Правительства на действия военного командования союзных войск на юге России и в Бессарабии... Оно протестует также энергично против отправки из Бендер смешанного румынско-французского отряда в четыреста человек против отряда южной Советской армии, занявшей Тирасполь. В результате этого возмутительного нападения, которое представители Советской

* В. И. Ленин, соч. т. 30, изд. 4, стр. 360.

** И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии, Госполитиздат 1952, стр. 6—7.

*** М. Супруненко, Украина в период иноземной военной интервенции и громадянської війни. Держполітвидав, УРСР, 1951, стр. 123—124.

**** Пролетарская революция, № 8 (55), 1926, стр. 143.

власти тщетно старались предупредить, отправляя делегацию французскому офицеру, командующему румынско-французским отрядом, — было убито около ста человек со стороны последних. Захваченные тридцать два пленных после того, как им была дана возможность присутствовать на митинге и убедиться, что русские рабочие и крестьяне не питают никаких агрессивных намерений против французских солдат и считают их своими братьями, были отпущены на свободу»*.

Во Франции буржуазная печать замалчивала события. Но 24 марта 1919 года Марсель Кашен с трибуны парламента, выступая против интервенции в Советской России, рассказывал о мужественных действиях солдат 58-го полка в Бессарабии**.

Марсель Кашен в своем выступлении заклеил империалистическую шайку Клемансо и предсказал неизбежный провал ее политики: «Ныне, — заявил Марсель Кашен, — народы научились верить только самим себе. Там, в России, началось движение, которое Вы постараетесь жестоко подавить. Но как бы вы не отнеслись к русской революции, спешите отозвать оттуда свои войска. Если вы этого не сделаете, французские солдаты скоро воспримут идеи большевизма, идеи революции, если еще не восприняли их, и, вернувшись сюда, поступят так же, как поступили немецкие солдаты, побывавшие в России в последние годы. Таков будет неминуемый результат любых попыток учинить насилие над волей народов. Народы поймут, что лучшее средство в борьбе против вас — это солидарность тех, кто терпит нужду и приносит жертвы. Ныне на повестке дня социальная революция»***.

Слова Марселя Кашена оправдались. Значительная часть французских солдат отказывалась воевать против Советской страны, переходила на сторону большевиков, брательная с революционными рабочими и крестьянами. Разложение войск Антанты в начале 1919 года происходило повсеместно. Войска империалистов, писал И. В. Сталин «...оказались явно непригодными для вооруженной борьбы с революцией. Более того, соприкасаясь с восставшими рабочими, они сами «заразились» большевизмом. Взятие советскими войсками Херсона и Николаева, где войска Антанты отказались от войны с рабочими, особенно красноречиво свидетельствует об этом»****.

Империалистические правительства вынуждены были начать эвакуацию своих войск. Красная Армия успешно продвигалась к Одессе. Интервенция Антанты кончилась провалом. Военному превосходству Антанты противостояла международная солидарность трудящихся.

«Путем агитации и пропаганды, — писал В. И. Ленин, — мы отняли у Антанты ее собственные войска. Мы победили империалистов не только при помощи наших солдат, но и опираясь на сочувствие к нам их собственных солдат»*****.

Часть французских войск с Украины была эвакуирована в Бессарабию. Французское командование надеялось здесь уберечь их от дальнейшего разложения, очистить армию от революционных элементов и сделать пригодной для осуществления интервенционистских планов своих империалистических хозяев. В то же время французское командование добивалось подавления революционного движения трудящихся Бессарабии для того, чтобы сохранить этот важный стратегический плацдарм для дальнейшей интервенции против Советской страны.

* Внешняя политика СССР, сборник документов, т. I, 1917—1920, Москва.

** Жан Фревиль, цит. соч. стр. 64.

*** Там же, стр. 67.

**** И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 246.

***** В. И. Ленин, Соч., т. 30, изд. 4, стр. 324.

Надеясь превратить молдавских крестьян в пушечное мясо империалистов Антанты, оккупанты объявили призыв в румынскую армию. В ряде мест крестьяне, не желая посылать своих сыновей в армию поработителей, сопротивлялись призыву в румынскую армию. Так, 19 марта 1919 года в связи с призывом произошло волнение крестьян села Анодол Кагульского уезда. Около трехсот человек крестьян, собравшихся у примарии в связи с переписью молодежи для призыва в армию, избили жандармов, примаря, священника, и уничтожили списки. В своем донесении жандармский плутоньер (фельдфебель) писал: «Нас били палками, бросали в нас камнями, кричали «революция» и что нужно сжечь списки новобранцев..., кричали, что скоро придут большевики». Группа крестьян напала на дом священника, спасшегося бегством, выбила стекла и требовала уничтожения актов регистрации новорожденных. Карательный отряд подавил восстание. 24 крестьянина были преданы суду военного трибунала и осуждены*.

Репрессии со стороны интервентов приняли невообразимый размах. Сотни людей арестовывались, многих расстреливали.

Однако и в Бессарабии французскому командованию не удалось изолировать свои войска от большевистской агитации и подавить революционное движение в крае. Бессарабские коммунисты, несмотря на жесточайшие преследования, связались с революционно настроенными французскими солдатами и через них стали распространять в полках листовки. В листовках выражалась благодарность 58-му полку за его отказ воевать против русской революции.

Под воздействием большевистской агитации, возненавидев кровавый режим империалистов в Бессарабии, французские солдаты, прибывшие в Бендеры, стали выступать в защиту трудящихся города. В свою очередь трудящиеся Бендер горячо поддерживали революционное движение среди французских солдат.

В Бендерах содержались под строгой охраной арестованные французские революционные солдаты. Бендерские подпольщики, несмотря на все препятствия, установили связь с арестованными коммунистами. Им удалось передать арестованным революционную литературу: «Письмо В. И. Ленина к рабочим Европы и Америки», газету «Красное знамя» (орган французской коммунистической группы в Киеве) и др. Вскоре об этом узнало французское командование, и арестованные были перевезены в подвал мыловаренной фабрики. Бендерские большевики вновь установили связь с арестованными и стали готовить их побег**. Предательство помешало осуществлению этого плана и привело к аресту большой группы коммунистов.

Брожение среди французских войск все больше усиливалось. Во время смотра французских частей под Кишиневом один из солдат ранил в руку генерала Франше д'Эспре. Как указывали пленные французские солдаты, покушение совершилось из-за возмущения, «которое вызывает генерал своим поведением, особенно вмешательством в русские дела»***.

В апреле месяце 1919 года Красная Армия с боями вышла к Днестру, освободив левобережные районы Молдавии. Трудящиеся Бессарабии с нетерпением ожидали своего избавления.

В газете «Известия Одесского Совета рабочих депутатов» от 9 мая 1919 года было опубликовано «Письмо из Бессарабии», в котором говорилось: «Более года, как ваши братья-бессарабцы томятся в румынской

* ЦГАОР МССР, ф. № 704.

** ЦГАОР, МССР, ф. № 738, арх. № 725, л. 42.

*** «Известия Одесского Совета рабочих депутатов» № 51 от 31 мая 1919 г.

неволе и ждут не дождутся счастливого дня объединения с революционной Россией. Придите к нам и освободите Бессарабию от румынского господства, избавьте рабочих и крестьян от застенков и тюрем».

Как отмечают в своих воспоминаниях бендерские подпольщики, в связи с выходом Красной Армии к Днестру, партийная организация готовила восстание в Бендерах против оккупантов. «В городе готовилось восстание, — пишет один из подпольщиков, — надо было изолировать стоящие в городе французские войска»**. В апреле 1919 года, — указывает другой участник подпольной бендерской организации, — в предместье Борисовка состоялась конференция участников подпольных групп, на которой рассматривался вопрос о действии организации в случае восстания в городе или наступления войск из-за Днестра***. В этот период, наряду с большой агитационной работой среди французских и румынских солдат в районе Бендер, большевики развернули активные партизанские операции против войск Антанты. Так, в мае 1919 года партизаны взорвали железнодорожный мост в районе станции Хаджимус по дороге от Бендер в Каушаны****, пустили под откос поезд в районе станции Злоць, подожгли воинские составы на станции Бендеры*****.

1 мая 1919 г. Советские правительства РСФСР и УССР направили румынскому правительству ноту с требованием немедленной эвакуации из Бессарабии румынских войск и чиновников, преданию народному суду всех виновников в преступлениях, совершенных над бессарабскими рабочими и крестьянами. Однако правители королевской Румынии, пользуясь тем, что вооруженные силы нашей страны были заняты на других решающих фронтах гражданской войны, не только не выполнили справедливые требования Советского правительства, но еще больше усиливали провокации на Днестре, обстреливали расположения наших войск и т. д. В ночь на 27 мая 1919 года небольшой отряд красноармейцев из 150 человек*****, состоящий в основном из бессарабцев бригады Котовского, по собственной инициативе переправился на лодках через Днестр и высадился в Бендерах. Вот как они доносили об этом: «Пять часов утра. Переправа совершена удачно. Румынская застава взята без выстрела. Часовые других постов спали и также сняты. Цепь из сорока штыков, направившаяся в сторону Бендерской крепости, заставила последнюю выкинуть белый флаг о сдаче. Другой небольшой отряд захватил вокзал. Оттуда без всякого боя бежали жандармы и румынские солдаты»*****.

Высидевший отряд не встретил никакого сопротивления со стороны французских войск. Многие же французские солдаты 4-го и 37-го пехотных полков присоединились к красноармейцам.

«На поведение французских войск, — пишет в своих воспоминаниях один из участников событий, — сказала большевистская агитация. Они отказались оказывать сопротивление и стали брататься с революционными войсками»*****.

Рассказывая о событиях 27 мая 1919 года в Бендерах и, в частности, о поведении французских войск, газета «Известия Одесского Совета ра-

* «Известия Одесского Совета рабочих депутатов» № 33 от 9 мая 1919 г.
** Молд. ФАН СССР, ф. № 53, д. № 2, стр. 1.

*** Там же, д. № 5, стр. 5.

**** ЦГАОР, МССР, ф. № 738, арх. № 725, л. 14.

***** Там же, л. 37.

***** «Известия Одесского Совета рабочих депутатов» № 51 от 31 мая 1919 г.

***** В. Шмерлинг, Котовский, Госиздат МССР 1949, стр. 111.

***** Молд. ФАН СССР, ф. № 53 д. № 1, стр. 13.

бочих депутатов», писала: «Французы совершенно не участвовали в бою. Они определенно сражаться не желают. Несколько сот колониальных и территориальных войск забрали все свои вещи из казармы, вышли на берег и умоляли переправлять их в Тирасполь»*.

Рабочие Бендер немедленно подняли восстание. Красноармейцы и восставшие рабочие арестовали застигнутых врасплох румынских чиновников и офицеров. Французский генерал поспешно бежал на автомашине, провожаемый выстрелами своих же солдат.

Оккупанты были изгнаны. Восставшие рабочие взяли власть в городе в свои руки.

За Бендерами французское командование приостановило бегство солдат и начало наступление против восставших. По Бендерам был открыт артиллерийский огонь.

«Мы уже заняли почти весь город,—писал один из участников восстания,—когда на восставших были двинуты регулярные румынские части, а вместе с ними и французские колониальные войска сенегальцев**». Красноармейцы, бендерские рабочие и перешедшие на их сторону французские солдаты оказали ожесточенное сопротивление оккупантам. Однако они не были в состоянии задержать численно превосходящие силы противника, поддержанные артиллерией. Значительная часть восставших рабочих отступила на левый берег Днестра. Вместе с ними переправились на лодках французские солдаты, сражавшиеся совместно с бендерскими рабочими***. Ворвавшиеся в город каратели стали без суда и следствия арестовывать и расстреливать трудящихся г. Бендеры. Полиция произвела за один день более тысячи пятьсот арестов. На основании доносов шпионов были казнены десятки людей.

Несмотря на поражение, бендерское восстание сыграло огромную роль в борьбе трудящихся Бессарабии. Оно ознаменовало собой одну из высших точек этой героической борьбы, продемонстрировало неугасимое стремление трудящихся Бессарабии к воссоединению с братскими народами Советской страны.

Вместе с другими факторами, борьба трудящихся Бессарабии также способствовала провалу неприкрытой интервенции Антанты против Советской страны. После бендерского восстания разложение войск интервентов еще более усилилось. Как явствует из оперативной сводки нашего командования от 31 мая «На Бессарабском фронте участились случаи перехода на нашу сторону солдат противника, особенно французских»****. Большевики города Бендеры с каждым днем усиливали агитационно-пропагандистскую работу по разложению войск Антанты. «В городе,—писала газета «Известия Одесского Совета рабочих депутатов»,—имеется очень много большевистских агитаторов, которые распространяют свою деятельность на заводах и фабриках и особенно среди войск Антанты... Несмотря на все меры, принимаемые румынским и французским империалистическим командованием, несмотря на заточение и расстрел товарищей большевиков, большевистская волна распространяется все больше и больше... Следует отметить, что некоторые части французских и румынских войск отказываются идти арестовывать товарищей большевиков, восставших против ига румынской олигархии»*****.

Как рассказывали французские и румынские солдаты, перешедшие

на сторону Красной Армии, «большевистские прокламации приносят больше пользы, чем снаряды», они читаются «взасос»*. Перед лицом все усиливающейся большевизации своих войск французское правительство стало спешно эвакуировать свои войска из Бессарабии — последнего плацдарма интервенции на юге Советской Украины и Молдавии. Накануне отправки из Бендер французские солдаты ночью специальными ракетами давали знать красноармейцам о том, что они уходят из Бессарабии. Группа французских солдат — перебежчиков явилась в район расположения наших войск, принесла с собою шоколад, чай, мыло и др. гостинцы, которые вручили красноармейцам: «Это вам, товарищи, на память от нас»**, заявили они.

В. И. Ленин высоко оценил поведение французских солдат в Бессарабии. В беседе с Марселем Кашеном в июле 1920 года В. И. Ленин говорил «о доблестном поведении французских солдат в Бессарабии»***.

Отказ значительной части французских солдат участвовать в интервенции против Советской России и выступления французских рабочих во Франции против интервенции является ярким примером, сочувствия и поддержки братских народов за рубежом борьбы рабочих и крестьян Советской страны, руководимых большевистской партией за светлое будущее народов.

Бессарабские рабочие и крестьяне, борясь против иностранной военной интервенции, выполняли свой священный патриотический долг по отношению к своей Советской Родине, к воссоединению с которой были направлены все их устремления.

* «Известия Одесского Совета РК и КР депутатов» № 62 от 15 июня 1919 г.

** Там же от 24 июня 1919 г.

*** Жан Фревилль, цит., соч., стр. 90.

* «Известия Одесского Совета рабочих депутатов» № 51 от 31 мая 1919 г.

** Молд. ФАН СССР, ф. № 53, д. № 4, стр. 7.

*** «Известия Одесского Совета рабочих депутатов» № 51 от 31 мая 1919 г.

**** Там же № 53 от 3 июня 1919 г.

***** Там же № 66 от 20 июня 1920 г.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй С. Э. Левит ши Б. М. Березин «Дин история луптей трудиторилор Басарабией ымпотрива интервенцией Антантей ла ынчепутул анулуй 1919»

Ынтребаря аста ый таре пущын луминатэ ын историография ноастрэ советикэ. Ын артиколул сусарэтат ауторий дескриу лупта организацилор большевиче ши а трудиторилор дин Басарабия, май алес а орашулуй Бендер, ымпотрива интервенционистилор Антантей, каре кэутау сэ префакэ териториул Басарабией ынтр'ун плацдарм де интервенции ымпотрива Украиной Советиче. Организацииле большевиче ау ынфэптунт ун лукру маре де пропагандэ ши ажитацие ын рындуриле оштирилор интервенционисте, май алес ын мижлокул солдачилор франчежь. Тотодатэ ау фост дисфэшурате акциуниле партизанилор. Ын урма лукрулуй, ынфэптунт де большевичь, солдаций франчежь ау рефузат сэ ее парте ла рэзбоюл антисоветик. Рефузул солдачилор франчежь, каре се гэсяу ын Басарабия, де а луа парте ла интервенция антисоветикэ ый уна дин пилделе сприжинулуй, дат цэрий ноастре дин партия пролетариатулуй мондиал ын лупта луй пентру паче, демократие ши социализм, деспре каре а ворбит И. В. Сталин ла Конгресул XIX ал партидулуй.

Пунктул кулминант ал луптей трудиторилор Басарабией ымпотрива интервенцией Антантей ла ынчепутул анулуй 1919 а фост рэскоала дин Бендер (май, анул 1919). Дупэ рэскоала аста командаментул франчез, темынду-се, кэ оштириле франчезе суб ырыуриря ажитацией большевиче с'ор дисконпуне кутотул, а ынчепут сэ-й свакуезе дин Басарабия. В. И. Ленин ый конворбиря ку М. Кашен а дат о прецуире ынналтэ пуртэрий оштирилор франчезе дин Басарабия, каре ау рефузат сэ ее парте ла интервенции.

Б. М. БЕРЕЗИН,

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАВЛА ТКАЧЕНКО В КИШИНЕВЕ (1919—1920 гг.)

Имя Павла Ткаченко — мужественного борца за освобождение Бессарабии из-под ига империалистов и за воссоединение ее с Советской Родиной — особенно дорого для молдавского народа. Являясь одним из организаторов подпольных коммунистических ячеек в Бессарабии, Павел Дмитриевич Ткаченко в 1919 году стал секретарем Кишиневского горкома коммунистической партии (большевиков). В последние годы своей жизни, после объединения бессарабской партийной организации с коммунистической партией Румынии, Павел Ткаченко становится секретарем ЦК Румынской Коммунистической партии. Беззаветно преданный делу партии, он погиб как боец на посту, исполняя свой долг революционера.

До сих пор о жизни и деятельности Павла Ткаченко приходилось судить, главным образом, по опубликованным воспоминаниям подпольщиков. Они весьма неполны и неточны. Рассказы о подлинных фактах из жизни Павла Ткаченко в них подчас переплетались с многочисленными легендами, которые сложились в народе вокруг его революционной деятельности.

После освобождения Бессарабии стало возможным приступить к изучению жизни и революционной деятельности Павла Ткаченко на основе документов.

В Центральном Государственном архиве Октябрьской революции Молдавии хранятся две папки с одинаковыми надписями: «Дело подпольной коммунистической организации 1919—20 гг.». Они содержат материалы следствия румынского военного трибунала над арестованными коммунистами города Кишинева. Среди них в августе 1950 г. нами были обнаружены ценнейшие документы о руководителе Кишиневской партийной организации, героическом сыне молдавского народа Павле Ткаченко. В их числе мандаты и инструкции, личные письма, фотография Павла Ткаченко и другие материалы, захваченные полицией при аресте коммунистов в 1920 г. Эти материалы позволяют более полно изучить период революционной деятельности Павла Ткаченко с октября 1919 до конца 1920 гг. Некоторые из документов говорят и о более раннем периоде революционной деятельности Павла Ткаченко, получившем некоторое освещение в брошюре И. Довгополого*.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе обнаруженных документов осветить некоторые факты из жизни и революционной деятельности Павла Ткаченко в Кишиневе и параллельно некоторые

* Ив. Долгополый, Павел Ткаченко, Кишинев, 1951 г.

факты из деятельности партийной организации Кишинева, без чего невозможно правильное понимание личности ее руководителя.

Из обнаруженных документов видно, что Павел Ткаченко приехал в Кишинев из Бендер в октябре 1919 года*.

Революционная деятельность Ткаченко в Кишиневе началась в чрезвычайно сложной обстановке. Империалисты Антанты, стремившиеся уничтожить власть Советов и поработить народы нашей страны, продолжали военную интервенцию. Но в результате осуществления гениального сталинского плана разгрома Деникина, Красная Армия во второй половине октября 1919 г. нанесла решительное поражение белогвардейским войскам под Орлом и Воронежом. Деникинская армия начала быстро отступать на юг. Наступление Красной Армии вызвало новый мощный революционный подъем в оккупированных областях. Трудящиеся Бессарабии усилили борьбу с иностранными оккупантами за воссоединение с Советской Родиной. Перед большевиками Бессарабии стояла задача: возглавить борьбу трудящихся масс, направить ее на поддержку героической Красной Армии, сорвать планы империалистов Антанты, которые пытались использовать Бессарабию, как военный плацдарм для поддержания деникинской армии.

Для выполнения этой задачи необходимо было преодолеть большие трудности. В мае 1919 года, после подавления бендерского рабочего восстания, направленного против румынских и французских оккупантов, тайная полиция и жандармерия разгромили подпольные революционные комитеты. Оккупанты готовили процесс над арестованными коммунистами. Оставшиеся на свободе подпольщики оказывали помощь арестованным товарищам. В связи с массовыми арестами, только в Бендерах сохранился партийный комитет. Бессарабский областной комитет также был разгромлен. В этот трудный период партия посылает Павла Ткаченко на подпольную работу в Кишинев. В Кишиневе он поступил работать на завод Кучука, где познакомился с рабочими, установил связь с кишиневскими подпольщиками и уже через месяц организовал заводской партийный комитет**.

Вскоре вновь был восстановлен Кишиневский городской комитет. Как видно из документов, организационное заседание Кишиневского партийного комитета состоялось в конце октября 1919 года. Секретарем комитета был избран Павел Ткаченко. В этот период он был известен среди подпольщиков под конспиративными именами «Наум Людмир», «Абрикосов». Павел Ткаченко возглавил работу Кишиневского партийного комитета, который при отсутствии в этот период областного комитета фактически выполнял его роль. В документах следствия читаем:

«Коммунистическая организация Кишинева считалась главной и руководила другими организациями Бессарабии. Председатель не был избран, но выполнял обязанности председателя (Абрикосов) Наум Людмир, который был секретарем... В мае месяце должна была быть созвана конференция и выбрать областной комитет. До сих пор у нас не было районных комитетов***».

Обнаруженные в архиве документы показывают, что в течение второй половины 1919 г. и первой половины 1920 г. Павел Ткаченко налаживает связь с провинцией и воссоздает в уездах партийные группы и комитеты.

* ЦГАОР МССР, ф. 296, д. № 4, л. 70.

** Там же.

*** Там же, д. № 7, лл. 62, 63.

В информационном письме Кишиневского комитета от 6 февраля 1920 г. Павел Ткаченко писал:

«Кроме того, партия связывалась с Оргеевом, Хотинем и Болградом. Бендерской организации поручено связаться с Аккерманом и Измаилом. Работа, таким образом, налаживается по всей Бессарабии»*.

Из других сообщений видно, что в феврале 1920 г. партийный комитет был организован в Аккермане**, а в апреле того же года партийный комитет был создан в Хотине***. Пока неизвестна дата создания Областного комитета бессарабской большевистской организации. Однако при сопоставлении двух документов видно, что Областком, повидимому, был организован в конце мая 1920 г. Так, газета «Бессарабский коммунист», № 3 от 30 июля 1920 г. писала, что политическая забастовка 7 июня была объявлена Бессарабским Областком Российской Коммунистической партии****.

Это сообщение газеты является первым упоминанием о существовании Областка. До середины мая 1920 г. партийные документы говорят только о существовании Кишиневского городского комитета и комитетов в других городах Бессарабии. Так, на мандате № 12 от 18 мая 1920 г., написанном на вошенном полотне и подписанном Павлом Ткаченко в качестве секретаря псевдонимом «Беспятый (Гайда)», приложена круглая печать, на которой выгравировано «Коммунистическая партия большевиков, Кишиневский комитет»*****.

Таким образом, есть основание полагать, что Бессарабский Областной комитет был восстановлен в конце мая 1920 г.

В трудных условиях жесточайшего полицейского террора партийная организация Бессарабии, руководимая Центральным Комитетом, героически боролась за освобождение Бессарабии от ига оккупантов и восстановление власти Советов рабочих и крестьянских депутатов.

На допросе Павел Ткаченко мужественно заявил: «Коммунистическая организация Бессарабии, как и всякая другая коммунистическая организация, ставит себе целью разрушение современного буржуазного строя, в котором господствует кучка капиталистов и помещиков... Коммунистическая партия добивается установления в Бессарабии власти Советов рабочих и крестьянских депутатов»*****.

Обнаруженные документы показывают, что для достижения этой цели партийная организация Бессарабии направила всю свою работу на укрепление подпольных партийных организаций, воспитание коммунистов, завоевание на сторону коммунизма большинства пролетариата.

Из письма Бессарабского Областного комитета Российской коммунистической партии (большевиков), адресованного «Всем партийным организациям, группам, ячейкам», которое может быть отнесено ко второй половине 1920 г., видно, что партийный комитет, возглавляемый Павлом Ткаченко, занялся созданием в Бессарабии сильной партийной организации, постановкой широкой агитационно-пропагандистской работы среди трудящихся масс, идейным их воспитанием.

Областной комитет пишет в этом письме, что в новый период после процесса «108» (середина 1919 г.) «единственная работа, которая поощрялась и была признана необходимой — это построить сильную коммунистическую партию, покрыть всю Бессарабию сетью партийных групп».

* ЦГАОР МССР, ф. 296, д. № 4, л. 198.

** Там же, д. № 7, л. 311.

*** Там же, д. № 7, л. 490.

**** Там же, д. № 4, л. 232.

***** Там же, ф. 296, д. № 7, л. 141.

***** Там же, д. № 4, л. 98.

и ячеек, создать коммунистические ячейки всюду, где только бьются честные пролетарские сердца, широко развить агитационно-пропагандистскую деятельность, осветить перед широкими массами идею советской власти, диктатуры пролетариата и коммунизма*.

Для осуществления этих задач необходимо было воспитать из рабочих Бессарабии большевиков-агитаторов, пропагандистов, профсоюзных руководителей, вожakov масс. В деле идейного воспитания и организации масс Павел Ткаченко первостепенное значение придавал большевистской печати. Поэтому сразу же после создания Кишиневского партийного комитета он организовал печатание листовок на гектографе у себя на квартире**.

За период с октября 1919 г. по февраль 1920 г. здесь были отпечатаны два номера бюллетеня, листовки по поводу второй годовщины Октября, о выборах в парламент и др.

Издание агитационной литературы на гектографе не могло удовлетворить возросшие потребности партийной работы. Необходимо было организовать выпуск нелегальной газеты, посредством которой можно было бы вести агитацию и пропаганду среди трудящихся масс, разъяснить членам партии задачи и тактику борьбы, информировать широкие слои населения о событиях в Советской России.

В начале января 1920 г. на заседании Кишиневского парткома по предложению Ткаченко было решено организовать подпольную типографию. В «деле» подпольной коммунистической организации 1919—1920 гг. имеется план и описание этой типографии, составленные полицией после ее обнаружения. Типография помещалась по Остаповской улице в доме № 23, принадлежавшем родственнику одного из подпольщиков. По указанию и при личном участии Павла Ткаченко в одной из комнат дома была размещена подпольная типография, тщательно законспирированная. Шрифт и другое оборудование для типографии приобретались в Бендерах, краска и бумага были куплены в Кишиневе.

Из письма Павла Ткаченко от 6 февраля 1920 г. видно, что к началу февраля типография уже была оборудована и начала действовать. «Партия организовала типографию, — писалось в письме, — достаточно законспирировав ее, и уже выпущен первый печатный листок по поводу рабочих организаций»***.

Особое внимание Павел Ткаченко уделил подготовке издания постоянного печатного органа парторганизации. Он не только подготовил выпуск газеты, как редактор, но и лично отпечатал ее в подпольной типографии, работая в ней два с половиной месяца каждую ночь****.

«В первые месяцы работа была, главным образом, техническая, — писал П. Ткаченко, — по части организации подпольной типографии и выпуска листовок, прокламаций и первых номеров газеты «Бессарабский коммунист». Первый и второй номера «Бессарабского коммуниста», листовки к рабочим по поводу бивольских союзов, рекрутам и другие выпущены в нашей типографии»*****.

Первый номер газеты «Бессарабский коммунист», орган Бессарабского комитета коммунистической партии (большевиков), сохранившийся в архиве, был выпущен в марте 1920 года всего около 50 экземпляров*****. В дальнейшем газеты и листовки стали выходить более значи-

* ЦГАОР МССР, ф. 738 д. № 805, л. 371.

** Там же, ф. № 286, д. № 4, л. 70, 71.

*** Там же, ф. № 296, д. № 4, л. 198.

**** Там же, л. 71.

***** Там же, лл. 70, 71.

***** Там же, л. 71.

тельным тиражом. После выхода второго номера газеты «Бессарабский коммунист» в мае 1920 года типография была обнаружена и разгромлена полицией. Однако Павел Ткаченко вскоре вновь организовал выпуск газеты.

В третьем номере газеты, выпущенном после перерыва в начале июля месяца 1920 г., Павел Ткаченко писал: «Открыв недавно типографию нашего «Бессарабского коммуниста», ищейки сигуранцы возликовали, думая, что этим они закроют навсегда рты и завяжут глаза бессарабским рабочим и крестьянам.

Пусть знают они, что арестами разных большевистских комитетов им не разрушить революционной организации. Выпуская после долгого перерыва наш третий номер «Бессарабского коммуниста», мы этим самым заявляем, что будем стойко держать красное знамя коммунизма, неустанно призывая рабочих к осуществлению их заветной цели — свержение капитализма.

Товарищи рабочие и крестьяне! Тесно сплотитесь под знаменем коммунистической организации Бессарабии»*.

Как известно, подпольная печать сыграла огромную роль в борьбе трудящихся за свое освобождение. Газета «Бессарабский коммунист» являлась в руках большевистской организации сильным орудием в деле укрепления своих рядов и завоевания влияния в массах. Павел Ткаченко встает перед нами, как опытный редактор и публицист. В коротких, ярких по содержанию и стилю статьях газета разоблачала румынских оккупантов, их лакеев — молдавских буржуазных националистов, помещала корреспонденции рабочих и крестьян о тяжелой жизни трудящихся под игом захватчиков, печатала сообщения о забастовках рабочих и волнениях крестьянства. В первом же номере газета «Бессарабский коммунист» поместила сообщение о большой забастовке в Кишиневе, свидетельствующей о разложении оппортунистических (бивольских) профсоюзов. «Отмечается большое отрезвление в рабочих массах, — писала газета. — Правления многих союзов уходят в отставку и никто не собирается вступить на их место. Члены профсоюза не вносят своих взносов. Собрания не устраиваются. Бивольские союзы падают. Провал забастовки пекарей явился крупным ударом для них. На их развалинах вырастают революционные пролетарские организации. Да здравствуют они»**.

Из номера в номер газета помещала хронику профессионального движения. По этой хронике можно проследить развитие рабочего движения в Бессарабии, борьбу большевиков за руководство трудящимися.

«Бессарабский коммунист» излагал на своих страницах цели и задачи коммунистической партии, тактику ее борьбы. В четвертом номере газеты от 23 июля 1920 года в статье «К рабочим Бессарабии и членам организации РКП» Бессарабский областной комитет, призывая рабочих возглавить крестьянское движение, укреплять и расширять роль партийной организации Бессарабии, писал: «Революционные настроения бессарабской деревни бесформенны и выливаются в стихийные вспышки против чужеземных насильников. Прояснить и оформить эти настроения, создать массовую революционную организацию трудящихся Бессарабии с железной дисциплиной, поставить Бессарабскую организацию РКП во главе революционного движения, сделать ее реальной силой, могущей играть активную роль в разворачивающихся событиях — все это может сделать только пролетариат Бессарабии.

* ЦГАОР МССР, ф. 296, д. № 4, л. 232.

** Там же, ф. 738, д. № 1325, л. 436.

Товарищи! С горячим призывом обращается к Вам Бессарабский областком, — не забывайте о великой ответственности, которую возлагают на Вас события. Вы можете быть активными и ответственными участниками нарастающей революции, и вы ими будете. Да здравствует Красная Бессарабия*.

Газета рассказывала правду о героической борьбе трудящихся Советской страны против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции и призывала молдавский народ выразить свою братскую солидарность с трудящимися Советской Родины. В третьем номере газеты «Бессарабский коммунист» писалось: «Всемирная буржуазия вновь попыталась раздавить сердце мировой революции — Советскую Россию. Для этого она науськивала польских наймитов и изменника Петлюру. Карта бита. Рабоче-крестьянская Красная Армия отпустила польским панам такую пощечину, от которой задрожали стены дворцов Лондона, Парижа и Бухареста. Сейчас англо-французская биржа пытается бросить Румынию против Советской республики. Лакействующая дипломатия затевает игру, за которую кровью и страданиями заплатит народ. Рабочие и крестьяне Бессарабии и Румынии. Не давайте погасить вашей кровью огонь мирового пожара**».

Резолюция собрания рабочих Кишинева 19 января 1920 г., проходившего под руководством Павла Ткаченко, свидетельствует о солидарности трудящихся Бессарабии с рабочими и крестьянами Советской России в их борьбе за всемирное освобождение трудящихся и эксплуатируемых. В резолюции, которая затем была опубликована и распространена в виде листов, рабочие писали:

«В минуту, когда весь мир с радостью взирает на победы Красной Армии, обращаемся мы, представители рабочих г. Кишинева, со своим коммунистическим приветом к верным борцам Третьего Интернационала. Уже более двух лет победоносно бьются русский пролетариат и крестьянин за всемирное освобождение трудящихся и эксплуатируемых. От пролитой ими крови ярче и грознее горит Красное знамя коммунизма. Но не слабеют силы Советской республики.

С каждым днем крепнет мировой пролетариат. То там, то здесь вспыхивают огни коммунистической революции. На помощь Советской России идут неисчисляемые резервы.

Мы, кишиневские рабочие, сознавая свое единство со всеми трудящимися, шлем братский привет всем борцам за дело победы коммунизма, за Советскую Республику. За Третий Интернационал. За коммунизм — провозглашаем мы заодно с пролетариями всех стран, и с этими лозунгами приступаем к нашей работе, уверенные, что она ведет к нашему освобождению***».

Павел Ткаченко уже в этот период ясно понимал необходимость связи революционного движения трудящихся Бессарабии и Румынии.

В конце 1919 года для организации общей борьбы против румынских империалистов, Кишиневский партийный комитет устанавливает связь с коммунистическими группами Румынии. С этой целью из Кишинева были направлены коммунисты в Яссы и Бухарест. Они привезли с собой необходимую информацию и агитационную литературу для распространения среди румынских солдат.

В упомянутом информационном письме Кишиневского партийного комитета Павел Ткаченко 6 февраля 1920 года писал:

«Мы организовали связь с Румынией и получили оттуда румынскую

* ЦГАОР МССР, ф. 296, д. 4, л. 233.

** Там же, л. 232.

*** Там же, л. 239.

литературу, распространив ее среди солдат*. В середине 1920 года, уже после создания Областка, последний, помимо поддержания контакта с коммунистическими группами Румынии, предпринимает попытку связаться с коммунистами Черновиц.

В письме Бессарабского обкома за подписью Павла Ткаченко было написано:

«Дорогие товарищи! Поставив себе задачу помочь коммунистическому движению Румынии и оккупированных областей, Бессарабский Областной комитет коммунистической партии (большевиков) обращается к Вам с предложением вступить с нами в контакт...

Призывая Вас к созданию централизованной и спаянной партийной дисциплиной подпольной коммунистической организации, Бессарабский Областком обещает Вам поддержку всеми силами и средствами, находящимися в его распоряжении**».

Найденные документы: резолюция и письма Кишиневского городского партийного комитета, Бессарабского Областного комитета, резолюции рабочих собраний Кишинева и других городов Бессарабии, протоколы профессионального бюро при Кишиневском партийном комитете дают возможность проследить тактику работы партийной организации по завоеванию трудящихся масс на свою сторону, по руководству классовой борьбы рабочих через профсоюзы.

Как видно из документов, проведение правильной тактической линии в работе партийной организации Бессарабии в 1919—1920 гг. проходило в борьбе с «ультралевыми» настроениями ряда членов организации. «Ультралевые» элементы, отражавшие настроения не вполне порвавших еще с мелкобуржуазной средой полумещанских слоев рабочего класса Бессарабии, ошибочно требовали продолжать готовить немедленное восстание против оккупантов и, в связи с этим, концентрировать внимание в работе исключительно на создание боевых дружин.

Они выступали, как отмечалось в упомянутом письме Областного комитета партийным группам и ячейкам, против агитационно-пропагандистской работы среди трудящихся масс, настаивая на «необходимости террористических актов, вооруженных выступлений***».

Встретив отпор со стороны большинства партийной организации, «ультралевые» или впадали в отчаяние или совершенно порывали с партийной организацией. «Часть их,— писал Областной комитет, — проникаются самым безнадежным отчаянием, разочаровываются и уходят от работы, другие остаются на своем партийном посту, не исполняют свою работу...»****.

Партийная организация Бессарабии вела решительную борьбу с левооппортунистическими элементами.

Как видно из сохранившихся резолюций профессионального бюро при Кишиневском городском комитете, в начале своей деятельности молодая партийная организация под влиянием левооппортунистических элементов отказалась работать в легальных профсоюзах, возглавляемых ставленниками оккупантов Биволом, Вислоуховым и Ко, и стала создавать параллельно нелегальные профсоюзы.

Эта ошибочная тактика партийного комитета дала возможность оппортунистическому руководству легальных профсоюзов вплоть до июля 1920 года держать под своим влиянием отсталые слои рабочего класса.

* ЦГАОР МССР, ф. 296, д. № 4, л. 198.

** Там же, д. № 4, л. 178.

*** Там же, ф. 378, д. № 805, л. 371.

**** Там же.

Книга Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» помогла партийной организации Бессарабии стать на правильный путь работы в профсоюзах.

Партийный комитет дает указание коммунистам, являющимся членами нелегальных профсоюзов, вступить в легальные профсоюзы и путем разъяснительной работы среди рабочих добиться отстранения оппортунистических элементов от руководства этими профсоюзами.

Вступление коммунистов в легальные профсоюзы и огромная идеологическая и организационная работа, проведенная ими, внесли новую, свежую струю в работу профсоюзов и способствовали отстранению оппортунистических элементов от руководства этими профсоюзами.

Газета «Бессарабский коммунист» за 23 июля 1920 г. в статье «Хроника профессионального движения» писала:

«В настоящее время профдвижение представляет совершенно иную картину. Можно смело сказать, что опасность «зубатовщины», которая в Бессарабии появилась под названием «бивольтница», а затем вылилась в виде авантюристических попыток приспешников правительственной партии взять узды рабочего движения в свои руки, перестала угрожать планомерному развитию рабочего движения в Кишиневе. Сейчас в союзах идет огромная работа по укреплению и очищению их от прогнивших грязных элементов. Некоторые профсоюзы еще не совсем освободились от разлагающегося влияния правительства на его прихвостней.

Но стоящие до сих пор вне строительства союзов нелегальные группы, вливаясь в профсоюзы, вносят свежую оздоровительную струю, под влиянием которой союзы получают большую силу и принимают настоящую революционно-пролетарскую окраску. Укажем на союз металлистов, который фактически разложился, но который возрождается благодаря тому, что в союз вошла новая организационная сила всех стоящих в стороне сознательных элементов».

Газета «Бессарабский коммунист» отмечает, что в тот период в городе имелось 15 профсоюзов, объединявших 4635 человек. Много союзов находилось в стадии организации. «Кроме того, имеются еще рабочие, которые организованы в союзы, существующие в нелегальном виде и теперь легализирующиеся».

Благодаря правильной тактике коммунистическая организация к августу 1920 г. охватила своим влиянием значительную часть рабочего класса Бессарабии и возглавила его борьбу. Оппортунистические элементы были изгнаны из руководства профсоюзов. Благодаря этому окрепшая партийная организация сумела с успехом подготовить и провести всеобщую политическую забастовку рабочих Кишинева 10—11 августа 1920 г.

Под руководством Павла Ткаченко рабочий класс Бессарабии принял активное участие во всерумынской октябрьской забастовке 1920 г. Как видно из обнаруженной в архиве резолюции, рабочие Бессарабии с самого начала забастовки выступали, как передовой отряд в общем революционном движении против румынских бояр. В этой резолюции рабочие Бессарабии писали: «Общее собрание правлений всех профсоюзов от имени пролетариата Бессарабии выражает полную солидарность пролетариату Румынии, обещает не останавливаться ни перед чем, чтобы оказать ему свою поддержку. Собрание приглашает пролетариат Румынии всеми силами воспрепятствовать своему правительству играть роль исполнительного комитета буржуазного II Интернационала, а также

очистить свою партию от соглашательских элементов, думающих не о решительной борьбе с буржуазией, а о реформах и разделении власти с ней».

Резолюция убедительно показывает революционность рабочих Бессарабии, ярко свидетельствует о той большой школе политического воспитания, которую они прошли под руководством большевистской организации.

Деятельность Павла Ткаченко в Кишиневе в 1919—1920 гг. характеризует его также как мужественного революционера, опытного конспиратора. Эти его качества не раз спасали партийную организацию от разрушительных арестов. Когда 15 мая 1920 г. был арестован один из членов городского комитета, Павел Ткаченко предпринимает срочные меры для локализации провала и спасения организации от дальнейших арестов. Опасаясь возможного ареста, Ткаченко немедленно меняет квартиру, уничтожает часть партийных документов. Часть товарищей отправляет из Кишинева в Румынию, спасая их тем самым от опасности ареста. В этих невероятно трудных условиях Павел Ткаченко подготавливает и проводит политическую забастовку рабочих Кишинева 7 июня 1920 г.

Полиция усилила репрессии, всячески стремясь напасть на след Павла Ткаченко и арестовать его. По решению парткома Павел Ткаченко в середине июня 1920 г. уезжает из Бессарабии.

В июле месяце он возвращается в Кишинев. Вновь началась жизнь, полная опасностей, требующая большой энергии и мужества. Накануне августовской забастовки полиции, наконец удалось арестовать Павла Ткаченко. Мужественный революционер оказался в Кишиневской тюрьме.

Через две недели после ареста Павел Ткаченко совершил смелый побег из тюрьмы и снова окунулся с головой в подпольную работу, возглавив Областной партийный комитет. Под его руководством трудящиеся Бессарабии продолжали мужественную борьбу. И позже, не раз румынская сигуранца арестовывала Павла Ткаченко, сажала его в тюрьму. Но никогда ей не удавалось надолго лишить трудящихся Бессарабии своего отважного руководителя. Павел Ткаченко не раз совершал смелые побеги и вновь становился во главе революционного движения.

Как известно, румынская сигуранца в сентябре 1926 г. тайно убила находившегося в заключении Павла Ткаченко, надеясь тем самым обезглавить революционную борьбу трудящихся Бессарабии. Но светлый образ Павла Ткаченко продолжает жить в сердцах трудящихся масс. Молдавский народ свято чтит память своего верного сына, вписавшего яркие страницы в историю славной революционной борьбы трудящихся Бессарабии.

* ЦГАОР МССР, ф. 296, д. № 7, л. 1142.

* ЦГАОР МССР, ф. 296, д. № 4, л. 233.

** Там же.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй луй Б. М. Березин «Дин история активитэций революционаре а луй Павел Ткаченко ла Кишинэу ын аний 1919—1920»

Нумеле луй Павел Ткаченко — луптэторул ындрэзнец пентру слобозиря трудиторилов Басарабией де суб жугул империалиштилов ромынь ый скуп пентру породул молдовенеск. Студнеря вещей ши активитэций луй революционаре а девенит ку путинца дэторитэ нумай слобозирий Басарабией, кынд историчий советичь ау кэпэтит путинца де а фаче куноштинца ку документеле де архивэ. Ын анул 1950 ауторул артиколулуй а дископерит ын «Архива де Стат а Марий революций сочиалисте дин Октомбрие» материале прециозе, каре арункэ луминэ асупра активитэций революционаре а луй Павел Ткаченко ла Кишинэу ын аний 1919—1920. Документеле аратэ, кэ Павел Ткаченко а венит ла Кишинэу пентру а дисфэшура лукрул нелегал ын октомбрие анул 1919. Анч ел девине секретарул комитетулуй орэшенеск дин Кишинэу ал партидулуй комунист (ал большевичилор), яр ын анул 1920 — унул дин кондукэторий комитетулуй регионал басарабян. Суб кондучеря луй ши ку партиципаря луй немижлочитэ а фост организатэ о типографии нелегалэ, унде се типэряу листовчь ши газета «Комунистул Басарабией».

Организация де партид ын фрунте ку Павел Ткаченко кондуче лупта революционаре а класей мунчитоаре, организаэ челе динтый гревэ политиче (дела 7 июние, 10—11 аугуст, дин октомбрие), митингуь де 1 май. Фининд арестат ын луна аугуст анул 1920 Павел Ткачако ын курынды фуже дин ынкисоаре ши динноу се пуне ын фрунтя организацией нелегалэ. Лукрул организацией де партид, лупта трудиторилов дин Басарабия а жукат ун оарекаре рол ын бируинца породулуй советик асупра путерилор уните але интервенцией стрэинне ши контрареволюцией лэунтриче ын аний 1919—1920.

ЦЕННОЕ ИЗВЕСТИЕ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ В ФЕОДАЛЬНОЙ МОЛДАВИИ

Молдавский народ имеет славную многовековую историю, но, к сожалению, история Молдавии до сих пор изучена недостаточно. Еще менее изучена и освещена история классовой борьбы в молдавском феодальном обществе. Русская и молдавская дворянско-буржуазные историографии излагали историю Молдавии с позиций господствующих классов и были очень далеки от освещения подлинной истории непосредственных производителей материальных благ общества. Румынская буржуазно-помещичья историография давала фальсифицированное, извращенное освещение исторического прошлого молдавского народа, пытаясь «научно» обосновать правомерность притязаний правящей клики боярско-буржуазной Румынии на захват территорий Советской Молдавии и Украины.

Русские, молдавские и иностранные дворянско-буржуазные историки игнорировали вопрос о классовой борьбе, ибо это не отвечало интересам господствующих классов. Поэтому каждый новый факт о классовой борьбе из истории молдавского народа представляет большую научную и познавательную ценность.

Молдавский народ после долгой и кровопролитной борьбы за свою свободу и независимость против турецких поработителей, в начале XVI в. попал под власть Османской империи, в результате чего Молдавия потеряла свою самостоятельность. К социально-экономическому гнету добавлялся и гнет национально-политический. Классовая борьба, принимая различные формы, еще больше обострилась. Ненависть молдавского трудового народа против местных угнетателей и иноземных турецких поработителей нарастала с каждым днем.

Ф. Энгельс в своей классической статье «Крестьянская война в Германии», говоря о событиях 1514 г. в Венгрии и других странах писал: «...шла... проповедь крестового похода против турок, и, по обыкновению, обещалась свобода всем крепостным и зависимым крестьянам, которые захотят примкнуть к нему. Собралось около 60 000 человек, которые были поставлены под начальство секлера Георга Дожина... Однако венгерские рыцари и магнаты отнеслись очень неблагоприятно к этому походу, который грозил им лишить их собственности, крепостных. Они бросились за отдельными толпами крестьян и с помощью насилия и жестокостей вернули своих крепостных обратно. Когда об этом стало известно в войске крестоносцев, ярость угнетенных крестьян прорвалась»^{*}.

^{*} К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 154.

«...В Венгрии вспыхнула всеобщая крестьянская война»*, такое же положение, но в меньших масштабах, имело место в том же (1514) году в Молдавии. Очевидно, начавшаяся крестьянская война в Германии и Венгрии нашла широкий отклик и в Дунайских княжествах.

Славяно-молдавская летопись сообщает, что при молдавском господаре Богдане III (1504—1517 гг.) «въ десятое же лето (в 1514 году — Ф. Г.) царства его ... вскочи изъ Загорския (Семиградия — Ф. Г.) земле, паче же въ время зимное, Трифиль некто, царева сына себя именуя, егда воинъ въсекъ себе оупоакоаваетъ и брань безмльствоуетъ, и припаде земли молдавети и люте земле сея жителя съмутивъ, и приражъ ся съ воини цареви ниже Васлоуя оу мостовъ, и талю зле доушу изверъже и иния не мало съ собоя погубивъ»**.

Среди сыновей молдавских и валашских господарей XV—XVI вв. и трансильванских воевод Трифиль не известен. Отсюда можно сделать вывод, что Трифиль был самозванцем, ставшим во главе крестьянского движения. Известно, что в средние века повсеместно большинство крестьянских движений носило «царистский» характер. Указанный самозванец выступил против господаря и его войск, являвшихся опорой господствующего феодального класса и великокняжеской власти. Это дает некоторые основания полагать, что движение, которое Трифиль возглавил, носило антифеодальный характер. Последнее подтверждается тем, что, как пишет летописец, Трифиль «люте земле сия (т. е. Молдавии — Ф. Г.) жителя (т. е. рядовое население, не связанное с господствующим феодальным классом — Ф. Г.) смутив» (т. е. поднял — Ф. Г. на борьбу против господствующего феодального класса).

Насколько сильно было крестьянское антифеодальное восстание 1514 г. в Молдавии во главе с Трифилем, говорит сам летописец, духовный феодал, Макарий, который отмечает, что для подавления этого крестьянского движения были посланы господарские войска Богдана III и что в результате сильного сражения у г. Васлуя погибло очень много повстанцев с их крестьянским вождем Трифилем.

Публикуемый здесь отрывок из славяно-молдавской летописи Макария дает ценный материал к вопросу о классовой борьбе в феодальной Молдавии, материал, который, к сожалению, до сих пор почти не известен в исторической литературе.

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. VIII, стр. 154.

** I. Bogdan, Cronice moldovenesti pana la Urechia, Bucuresti, 1891, p. 150—151.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артикулулуй кандидатулуй ын штиниць историче Ф. А. Грекул
«О штире прецноасэ деспре лупта де класэ ын Молдова феодалэ»

Артикулул «О штире прецноасэ деспре лупта де класэ ын Молдова феодалэ», дупэкум се веде кяр дин титулул лукрэрий, есте де фапт о публикацие ку унеле коментарий а унуей фрагмент интересант ши прецнос дин кроника славонэ-молдовеняскэ а луй Макарие деспре рэскоала антифеодалэ дин анул 1514 ын Молдова.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Я. С. ГРОСУЛ,
кандидат исторических наук и

Н. Д. РОЙТМАН

ЗА ПРАВИЛЬНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСОВ
ИСТОРИИ МОЛДАВИИ

В 1952 г. вышло в свет третье издание первого тома капитального исследования члена-корреспондента Академии наук СССР П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР», удостоенного Сталинской премии в 1949 г. Научный труд П. И. Лященко допущен Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для экономических и инженерно-экономических вузов и факультетов. Он является ценным пособием не только для специалистов, но и для широких кругов советской интеллигенции, для всех изучающих историю экономики нашей Родины.

По сравнению с изданиями 1947 и 1950 гг., в новом, дополненном автором, издании первого тома «Истории народного хозяйства СССР» П. И. Лященко стремился учесть новые проблемы, выдвинутые и решенные за последние годы советской исторической наукой, а также критические замечания, высказанные в свое время на предыдущие издания его книги. Это, конечно, улучшило работу. Однако и в новом издании имеются отдельные недостатки и некоторые спорные положения, особенно в освещении истории хозяйственного развития народов СССР, в частности, в освещении вопросов истории Молдавии.

И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров в своих известных «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» указывали: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории, — это во-вторых»*. Исходя из этих указаний, которые целиком и полностью относятся и к курсу истории народного хозяйства нашей Родины, П. И. Лященко дает в своей работе, правда в кратком аспекте, изложение истории хозяйственного развития народов СССР. Однако, приступая к изложению в самой сжатой форме истории хозяйственного развития народов нашей Родины, П. И. Лященко обязан был осветить с позиций марксизма-ленинизма, прежде всего, основные вопросы данной темы, привести правильные, проверенные фактические данные, а также дать точные, четкие формулировки. К сожалению, мы этого не можем сказать об освещении автором вопросов хозяйственного развития Молдавии в главе XXV первого тома**.

Текст о Бессарабии, помещенный в третьем издании первого тома, по сравнению с двумя предыдущими изданиями, преподносится читателям без каких-либо изменений или дополнений. Между тем, в этом тексте имеется ряд ошибок, упущений и досадных неточностей, которые повторяются в каждом издании.

* К изучению истории, Сборник, М. 1946, стр. 23.

** См. текст о Бессарабии на стр. 545—547.

Глава, в которую входит материал о Бессарабии, носит название: «Хозяйственное развитие национальных окраин империи в XVIII и в первой половине XIX вв.». В вводной части данной главы П. И. Лященко пишет: «Мы здесь рассмотрим ход территориального распространения империи (речь идет о Российской империи — Я. Г. и Н. Р.) на юг, восток и запад в XVIII—XIX вв. и экономическую политику царизма на этих окраинах империи» (стр. 534).

П. И. Лященко в указанном тексте пытается дать беглый очерк истории Бессарабии с древнейших времен до 60-х годов XIX в., уделяя больше всего внимания двум вопросам: заселению Бессарабии с древнейших времен и до середины XIX в. и законодательству о царанах.

Приступая к изложению истории Бессарабии, П. И. Лященко дает весьма неясную и по сути ошибочную картину заселения этого края. Так, например, автор пишет на страницах 545—546: «Бессарабия, так же как и вся Молдавия, была первоначально заселена преимущественно остатками древних болгар (?), славянских племен — уличей и тиверцев — и других народностей, а впоследствии (?) стала заселяться молдаванами, украинцами, русскими.» (подчеркнуто нами — Я. Г. и Н. Р.).

В своем кратком очерке о Бессарабии П. И. Лященко вовсе не упоминает исторический факт вхождения территории Бессарабии в состав Киевского государства и затем — Галицкого княжества, факт, имеющий большое прогрессивное значение в истории молдавского народа.

Ошибочным является утверждение автора о том, что: «В XV в. Бессарабия вошла в состав Молдавского княжества, находившегося в вассальной зависимости от Турции» (стр. 546). На самом деле территория Бессарабии входила в состав независимого Молдавского княжества с середины XIV в. В официальных документах XIV в. «Молдавской землей» называлось пространство Восточных Карпат и прилегающая к ним территория до Днестра на востоке, Черного моря и Дуная на юге. В конце XIV в. к Молдавии была присоединена крепость Килия на Дунае. Кроме того, если ориентироваться на вышеуказанное утверждение автора, получается представление, что Молдавское княжество якобы уже в XV в. находилось в зависимости от Турции. Хотя боярский совет Молдавского княжества во главе с господарем Петром Ароном и принял в 1456 г. решение согласиться на уплату дани Порте*, тем не менее упорная героическая борьба молдавского народа против турецких поработителей на протяжении всей второй половины XV в. воспрепятствовала агрессорам установить свое господство в Молдавии. Только в начале XVI в. Молдавское княжество, в силу сложившихся неблагоприятных внутренних и внешних условий, не имея больше возможности противостоять могущественной в то время Турецкой империи, вынуждено было признать свою зависимость от Порты.

Вызывает недоумение утверждение П. И. Лященко о том, что в Бессарабии во время турецкого гнета, наряду с молдавской землевладельческой знатью (которую автор ошибочно называет «молдаванской») господствовала и румынская землевладельческая знать (стр. 546).

В вводной части главы «Хозяйственное развитие национальных окраин империи в XVIII и в первой половине XIX вв.», а также в самом тексте о Бессарабии автор не подчеркнул прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России, которое явилось важным переломным моментом в жизни молдавского народа. В результате этого исторического акта молдавский народ навсегда связал свою будущность с судь-

бой дружественного ему великого русского народа. Бессарабия получила возможность значительно ускорить свое хозяйственное и культурное развитие. Бессарабия была вырвана из системы Турецкой империи, освобождена от многовекового турецкого владычества, которое представляло собой, как писал К. Маркс, «серьезное препятствие для развития естественных богатств фракийско-иллирийского полуострова».

Присоединение к России Бессарабии так же, как и других окраин, которые находились на более низкой ступени экономического развития, было не только прогрессивным явлением, но по существу единственным спасением от жестокого турецкого гнета. Прогрессивность этого явления состоит именно в том, что под влиянием более развитого в экономическом отношении государства, каким являлась для Бессарабии Россия, был ускорен затянувшийся там процесс разложения феодально-крепостных отношений и созданы предпосылки для более быстрого перехода к новому, капиталистическому способу производства. Подобное прогрессивное развитие было бы невозможно для Бессарабии под игмом крайне отсталой султанской Турции.

Говоря о положительном влиянии России на Востоке Ф. Энгельс в письме к К. Марксу писал: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей...».

Но, подчеркивая прогрессивность присоединения Бессарабии к России, необходимо в то же время отметить, что царизм установил в Бессарабии, как и на других окраинах России, реакционный колониальный режим, который тормозил экономическое и культурное развитие всех национальных окраин.

Недостаточно ясно освещает П. И. Лященко вопрос о положении основной массы молдавского крестьянства — царан в XVIII и первой половине XIX вв. Автор не приводит методологические указания классиков марксизма-ленинизма, без которых невозможно правильно решить этот вопрос.

В XVIII и первой половине XIX вв. молдавские царане юридически считались свободными, фактически же их положение мало чем отличалось от положения крепостных. Будучи лишены собственной земли, они находились в тяжелой зависимости от светских и церковных феодалов, захвативших крестьянские общинные земли. Говоря о складывании крепостных отношений в Дунайских княжествах Молдавии и Валахии, К. Маркс писал: «Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли. Одновременно с этим развились крепостные отношения, однако только фактически, а не юридически...».

Что же касается личной зависимости, «внеэкономического принуждения», которое, на первый взгляд, выступает менее явственно в отношениях между царанами и землевладельцами, то В. И. Ленин указывал, что: «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»****. Молдавские царане именно и характеризуются сословной неполноправностью.

Тяжелое положение молдавских царан было predetermined отсутствием у них прежде всего собственной земли. Основными собственниками земли в Бессарабии были светские и духовные феодалы, которым

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX стр. 374.

** К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

*** К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 242—243.

**** В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 159.

* M. Costachescu, Documentele moldovenesti inainte de Stefan cel Mare vol. II. Iasi, 1932, pag. 797—799.

принадлежало к середине XIX в. около 77% всей земли*. Около 70% земельной площади, а не «до половины всей земли», как отмечает П. И. Лященко (стр. 546), принадлежало небольшой кучке дворян**. И. В. Сталин в своем гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР» указывает: «Конечно, внешнеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю***. Между тем о феодальной собственности на землю П. И. Лященко говорит в тексте о Бессарабии лишь мимоходом.

Автор допускает ошибки и неточности в вопросе о крепостном законодательстве XVIII в. в Молдавском княжестве. П. И. Лященко пишет: «Согласно закону молдаванского господаря Георгия Гика 1775 г., дополненному русским царским законодательством 1818 г., бессарабский крестьянин, живший на боярской земле, должен был отбывать номинально 24-дневную (впоследствии уменьшенную до 12-дневной) барщину в год, фактически исчисляемую по «урокам» и поэтому во много раз большую» (стр. 546).

Это утверждение автора во многом является ошибочным. В 1775 г. в Молдавии правил не Георгий Гика, а Григорий Александр Гика. По закону от 1 января 1766 г.**** (а не 1775 г.), изданному этим господарем во время своего первого правления в Молдавии, крестьяне должны были отбывать своим землевладельцам номинально 12-дневную (а не 24-дневную) барщину в год, фактически исчисляемую по «урокам» и поэтому во много раз большую (в этой части П. И. Лященко прав). Во второе свое княжение в Молдавии Г. А. Гика в законе 1777 г.***** установил для молдавских крестьян ряд дополнительных, по сравнению с законом 1766 г., тяжелых повинностей в пользу землевладельцев. Крепостное законодательство Г. А. Гика было дополнено последующими молдавскими господарями в конце XVIII и начале XIX вв., которые, действуя в интересах господствующего класса феодалов, еще более ухудшили положение крестьян.

Не прав П. И. Лященко, когда говорит, что «закон молдаванского господаря Георгия Гика 1775 г.» был дополнен русским царским законодательством 1818 г. «Устав образования Бессарабской области» 1818 г., который имеет в виду автор, в вопросе о повинностях царан, «жителей на землях частного владения», ограничивался только общим указанием на то, что «за поземельные же угодия они исполнять должны работы и повинности в пользу владельцев тех земель, сходственно молдавским учреждениям»***** (подчеркнуто нами — Я. Г. и Н. Р.), то есть в соответствии с молдавским крепостным законодательством XVIII и начала XIX вв. Таким образом, в «Уставе» 1818 г. по данному вопросу не было внесено никаких дополнений.

Следует одновременно отметить, что в своей дореволюционной работе «Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика», П. И. Лященко правильно говорит о законе 1766 г., по которому молдав-

* История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 355—356.

** Там же.

*** И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 41.

**** D. C. Sturdza, — Scheeanu, Acte si legiuri privitoare la chestia taraneasca seria I, vol. I, Bucuresti, 1907, pag. 25—28.

***** Там же, pag. 34—36.

***** I ПСЗ, том XXXV (1818 г.), № 27357

ские крестьяне были обязаны отбывать землевладельцам 12-дневную барщину, помимо многих других повинностей*.

В первом томе «Истории народного хозяйства СССР» имеются существенные недостатки в освещении вопроса о крестьянском законодательстве царизма в Бессарабии. П. И. Лященко ошибочно пишет, что: «после занятия Бессарабии Россией царское правительство в 1831 г. ввело так называемый «органический регламент», которым было разрешено, с некоторыми ограничениями, право перехода крестьян» (стр. 546, 648). В данном вопросе автор совершает фактическую ошибку. «Органический регламент», этот, как называл его К. Маркс, «кодекс барщинных работ** был введен царскими властями не в Бессарабии, а в Дунайских княжествах Запрутской Молдавии и Валахии в 1831—1832 гг., в период их оккупации русскими войсками. Ошибка насчет введения «Органического регламента» в Бессарабии была допущена П. И. Лященко еще в 1913 г. в его работе «Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика»***. Автор ее повторяет до настоящего времени. Что же касается права свободного перехода крестьян от одного землевладельца к другому, то предусмотренные «Органическим регламентом» многочисленные ограничения, а не «некоторые», как указывает автор, фактически лишали крестьян права перехода.

П. И. Лященко совсем не упоминает о «Положении о царанах, или свободных земледельцах Бессарабской области» 1834 г.**** и недостаточно раскрывает крепостническую сущность закона 1846 г.*****, так называемого «Нормального контракта».

Автор совершает ошибку, когда пишет, что «эти законы (имеются в виду законы 1841 (?) и 1846 гг.) сохранились до 1861 г., когда была произведена общая крестьянская реформа» (стр. 547). По П. И. Лященко получается, что «Положения 19 февраля» 1861 г. коснулись и основной массы сельского населения Бессарабии — царан. В действительности это не так. Крестьянская реформа 1861 г. на бессарабских царан не распространялась, а касалась только крепостных крестьян русских и цыган Бессарабии, которые составляли накануне реформы 1861 г. незначительный процент населения края. Лишь 14 июля 1868 г. было подписано, а 6 сентября 1868 г. опубликовано «Положение» о земельном и общественном устройстве бессарабских царан*****. Так называемый «Нормальный контракт» 1846 г. действовал на территории Бессарабии не до 1861 г., как пишет П. И. Лященко, а до 1868 г., то есть до царанской реформы. Между тем, в своей дореволюционной работе «Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика» П. И. Лященко правильно писал, что «Положения 19 февраля» 1861 г. не были распространены на бессарабских поселян, то есть царан, и что царанская реформа была проведена в 1868 г.*****.

Автор неправильно освещает вопрос об обеспечении земель бессарабских резешей после крестьянской реформы 1861 г., которая, кстати, на них не распространялась. П. И. Лященко пишет, что резешы были еще

* П. И. Лященко, Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, СПб, 1913, стр. 264.

** К. Маркс, Капитал, т. I, 1950, стр. 243.

*** П. И. Лященко, Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, СПб, 1913, стр. 264.

**** II ПСЗ, том IX (1834 год), № 6739

***** II ПСЗ (1846 год), № 19881, том XXI.

***** II ПСЗ (1868 год), № 46133, т. XLIII.

***** П. И. Лященко, Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, стр. 262, 286.

менее обеспечены землей, чем царане, которые получили «семейные участки земли размером в среднем 2—2,5 десятины» (стр. 547). Это не соответствует действительности. Известно, что бессарабские резешы были в среднем значительно лучше обеспечены землей, чем царане. Согласно данным Статистического комитета, на 1 января 1875 г. царане Бессарабии имели в среднем на одну ревизскую душу по 2,9 десятины земли, а резешы — по 6,7 десятины*. Правда, среди резешей была и группа чрезвычайно малоземельных резешей — пармакарей, которых автор характеризует правильно.

В тексте о Бессарабии имеются и некоторые другие неточности. Так, на странице 546 читаем: «...Белгород, ныне Аккерман». Бывший Аккерман носит в настоящее время название Белгород-Днестровский.

На стр. 547 автор пишет, что Бессарабия была соединена «с империей железнодорожными путями» с 60-х годов XIX в. На самом деле первая железная дорога, которая связала Бессарабию с важным торговым портом — Одессой (Раздельная — Тирасполь — Кишинев) была построена в 1871 г.**

П. И. Лященко ошибочно применяет вместо термина «молдавский» слово «молдаванский» («Молдаванское княжество» на стр. 545—546, «молдаванский господарь» и «молдаванская землевладельческая знать» на стр. 546).

Таким образом, в первом томе «Истории народного хозяйства СССР» имеется ряд существенных недостатков в освещении вопросов истории Молдавии.

Указанные в данной статье недостатки не могут, конечно, изменить общую положительную оценку книги в целом. Вместе с тем, при переиздании данного научного труда, автору необходимо серьезно пересмотреть и улучшить разделы и тексты, касающиеся экономической истории народов СССР, в частности, истории Молдавии. Текст о Бессарабии требует коренной переработки.

* История Молдавии, т. I, 1951, стр. 460.

** Там же.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал артиколулуй кандидатулуй ын штиничь историче Я. С. Гросул ши Н. Д. Ройтман «Пентру луминаря дрянтэ а проблемелор де историе а Молдовей»

Ын анул 1952 а ешит де суб типар едиция трия а волумулуй ынтый а черчетэрий капитале а мембрулуй кореспондент ал Академией де Штиничь а Униуний РСС П. И. Лященко «История господэрий породниче а Униуний РСС», каре ын анул 1949 а примит премнул Сталинист. Лукраря штиничификэ а луй П. И. Лященко есте ун мануал прециос ну нумай пентру спечналишть, дар ши пентру тоць ачей, каре студиязэ история экономичий Патрией ноастре.

Тотуш, ши ын едиция ноуэ се репет грешелиле, липсуриле ши неекзактитэциле регретабиле ын луминаря проблемелор де историе а Молдовей, каре ау авут лок ын едицииле дин аний 1947 ши 1950 (везь текстул деспре Басарабия пе пажиниле 545—547). П. И. Лященко дэ о привире скуртэ асупра историей Басарабией дин времуриле векь пэнла аний 60 а вакулуй XIX. Ауторул дэ ун таблоу дестул де нелимпедэ деспре колонизаря Басарабией. Ну есте поменит евениментул историк ынсэмнат — ынтрая териториулуй Басарабией ын алкэтуинца Статулуй Киевлян ши апой а кнезатулуй Галициян.

Ый грешитэ афирмаря ауторулуй, кэ ын вакул XV Басарабия ынтра ын алкэтуинца кнезатулуй Молдовенеск, каре се гэся ын супунере васаля фацэ де Турчия. Ну есте сублинитэ ынсэмнатэ прогресивэ а слобозирий Басарабией де суб жугул турческ де мулте вакурь ши а унирий ей ку Русия ын анул 1812.

Нелимпедэ се луминязэ ынтребаря деспре ситуация масей де темелие а локуиторимий сэтешть дин Молдова — цэранилор ын вакул XVIII ши ын жумэтатя ынтый а вакулуй XIX. П. И. Лященко ну читязэ ындрумэриле методоложиче але класичилор марксизмулуй-ленинизмулуй фэрэ де каре ну се поате дизлега дрепт ынтребаря аста. Се фак грешель ын ынтребэриле деспре лежислация де шербие дин вакул XVIII а кнезатулуй Молдовенеск ши деспре лежислация цэрэняскэ а царизмулуй ын Басарабия ын вакул XIX. Грешит се луминязэ ынтребаря деспре ындестуларя ку пэмынт а рзешилор басарабень ын жумэтатя а доуа а вакулуй XIX. Сынт ши алте грешель ши липсурь.

Неажунсуриле арэтате ын артикол ну скимбэ, фэрэ ындоялэ, прецуиря позитивэ деобште а кэрций. Тотуш ла реедитаря волумулуй ынтый ал «Историей господэрий породниче а Униуний РСС» се чере, ка ауторул сэ прелукрезе дин темелие текстул деспре Басарабия.

С. Я. АФТЕНЮК,
кандидат исторических наук

Ф. С. ОМЕЛЬЧУК «РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОЛДАВСКОЙ АССР»*

Большие изменения произошли в жизни молдавского народа за годы Советской власти. При неустанной заботе и помощи Советского правительства и ЦК КПСС трудящиеся Молдавии добились крупных успехов в хозяйственном и культурном строительстве. Из отсталой окраины царской России Молдавия превратилась в советскую республику с развитой социалистической промышленностью, механизированным коллективным сельским хозяйством и передовой культурой.

Опыт национально-культурного строительства в Молдавии еще мало освещен в нашей исторической литературе. Одной из первых попыток осветить этот вопрос и показать огромные преобразования, совершенные в культуре Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики, является книга Ф. С. Омельчука «Развитие социалистической культуры в Молдавской АССР».

Работа Ф. С. Омельчука состоит из трех глав. Первая глава посвящена предпосылкам образования и образованию Молдавской АССР, развитию ее промышленности и сельского хозяйства. В ней автор правильно отмечает, что Великая Октябрьская социалистическая революция впервые в истории человечества принесла освобождение трудящимся Молдавии и положила начало советской государственности в Молдавии.

Указав на захват Бессарабии империалистами в 1918 г., Ф. С. Омельчук правильно подчеркивает, что в то время, когда трудящиеся западных районов Молдавии подвергались кровавому террору, грабегам со стороны румынских захватчиков и местных эксплуататоров, трудящиеся восточных районов после победоносного окончания гражданской войны вместе с братскими народами всей нашей страны приступили к мирному строительству и в короткое время добились серьезных успехов.

Вместе с тем глава страдает некоторыми недостатками и ошибками. Содержание главы не вполне соответствует ее названию: «Политические и экономические предпосылки создания Молдавской АССР». Материал, изложенный в ней, должен был бы охватить период от Великой Октябрьской социалистической революции до образования Молдавской АССР, то есть до октября 1924 г. Автор же посвящает этому периоду только краткий исторический обзор, а в большей части главы описывает события, выходящие за хронологические рамки, определенные в ее названии. Об этом говорит и название параграфов: 1) «Образование Молдавской АССР», 2) «Экономическое положение республики» (в кото-

* Издательство «Шкоला Советикэ», Кишинев, 1950, стр. 91.

ром Ф. С. Омельчук описывает развитие промышленности и сельского хозяйства Молдавской АССР до 1939—1940 годов), 3) «Борьба большевиков Молдавии с буржуазными националистами». Следовательно, название параграфов не соответствует названию главы.

Большим недостатком работы Ф. С. Омельчука является то, что в ней не отмечено участие американо-англо-французских и немецких империалистов в захвате Бессарабии румынскими боярами и не показано, что этот захват явился частью общего плана военной интервенции империалистических хищников во главе с США, Англией и Францией против молодой советской республики. В силу этого из рецензируемой работы читатель не получает правильного представления о захвате Бессарабии в 1918 г.

Неправильным является утверждение автора, что: «Насильственным отторжением Бессарабии румынские империалисты нарушили вековое единство, экономические и культурные связи молдавского народа с русским и украинским народами...» (стр. 7). Общеизвестно, что и после захвата боярской Румынией Бессарабии трудящиеся восточных районов Молдавии оставались в братской семье народов советской страны. Их единство и связи со всеми народами СССР не только не были нарушены, а, наоборот, с каждым днем все больше и больше укреплялись. Следовательно, утверждение автора о нарушении единства и связей с русским и украинским народами относится не вообще к молдавскому, а лишь к его части, проживающей в Бессарабии.

Слабо показана роль славного сына молдавского народа легендарного героя гражданской войны Г. И. Котовского в подготовке и организации Молдавской АССР. Роль Г. И. Котовского сведена к тому, что он еще на фронте развивал перед бойцами идею о создании Молдавской республики, выделил из своего корпуса специальную комиссию для обследования всех приднестровских районов, которая установила, что крестьяне всех сел молдавских районов единодушны в своем стремлении к созданию социалистической республики (стр. 11—12). Из сказанного автором не видно кипучей деятельности Котовского по созданию Молдавской АССР. Больше того, работу комиссии автор сводит к обследованию, в то время когда она провела огромную массово-политическую работу среди трудящихся молдавских районов, причем не в отрыве от партийных организаций, как можно понять из книги, а вместе с ними, под их руководством.

Освещение вопроса образования Молдавской АССР Ф. С. Омельчук начинает описанием того, как молдавская газета «Плугарул Рош» («Красный пахарь»), издаваемая молдавской секцией Одесского обкома КП(б)М, популяризировала этот вопрос. Важнейшим недостатком этого раздела следует считать то, что автор не раскрывает значения для образования Молдавской АССР многогранной деятельности В. И. Ленина и И. В. Сталина, огромной работы большевистской партии и Советского Правительства в области строительства советских автономных и федеративных республик. Автор не показал значение образования СССР для образования Молдавской АССР, для быстрого развития ее экономики, культуры и роста материального благосостояния трудящихся.

Правильно отмечает Ф. С. Омельчук большую роль решений IX молдавской партийной конференции в разоблачении троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов и других врагов народа. Но он не пишет об огромном значении решений ЦК ВКП(б) о чистке партии, проверке партийных документов и других мероприятиях, имевших первостепенное значение в разгроме этих врагов.

Правильно отметив, что восстановление русского шрифта в молдавской письменности имело огромное значение для развития культуры молдавского народа, автор, однако, почему-то считает, что только после перевода молдавской письменности на русский шрифт «...трудящиеся Молдавии стали изучать русский язык, усваивать русскую культуру, читать в подлинниках произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гоголя, Шевченко и других русских классиков и советских писателей, изучать самую передовую революционную теорию марксизма-ленинизма» (стр. 36). Этим автор игнорирует тот общеизвестный факт, что молдаване и до 1938 г. читали произведения русских классиков, советских писателей, произведения классиков марксизма-ленинизма на русском языке и изучали русский язык.

Вторая глава посвящена развитию народного образования в Молдавской АССР. В ней автор правильно показывает низкий процент грамотности населения дореволюционной России и особенно трудящихся ее окраин, в том числе и Молдавии. Он указывает на большую работу, проведенную в республике по ликвидации неграмотности, осуществлению всеобщего начального образования детей школьного возраста на родном языке и на начало осуществления семилетнего образования в деревне и среднего образования в городе, показывает работу по подготовке национальных кадров.

Данная глава более удачная. Однако и здесь недостаточно продуманы названия параграфов и подпараграфов, а также имеется ряд других существенных недостатков. Осуществление начального образования показано в отрыве от семилетнего и среднего образования. Ф. С. Омельчук правильно пишет, что «Борьба за грамотность с первых же дней создания республики признана была делом государственной важности» (стр. 88), но упускает тот факт, что борьба за грамотность была делом общегосударственной важности и до образования Молдавской АССР, то есть, что борьба за грамотность трудящихся стала общегосударственным делом с установлением Советской власти в нашей стране. Об этом говорят мероприятия, проводимые большевистской партией и Советским государством по превращению школы и других культурных учреждений из орудия упрочения власти эксплуататоров (какими они являлись до Октябрьской революции) в могучее средство повышения культуры, политической сознательности и активности трудящихся масс. Советское правительство предприняло переустройство всей системы народного образования, развернуло борьбу за учительские кадры и демократизацию школ, организовало внешкольное образование, получившее огромный размах и охватившее все слои населения. Эти исключительной важности мероприятия проводились по всей стране, в том числе и в районах, населенных молдаванами.

Глава не дает ясного представления об осуществлении всеобщего начального обучения в Молдавии. На стр. 40 Ф. С. Омельчук пишет, что к концу первой довоенной пятилетки (1932 г.) в республике в основном было введено всеобщее обязательное начальное обучение. Это не совсем точно, так как всеобщее начальное обучение детей школьного возраста в основном было введено в 1930—1931 учебном году, что признает и сам автор. На стр. 41 он пишет, что «в 1930—1931 учебном году 100 процентов детей школьного возраста были охвачены школой».

Ф. С. Омельчук даже не упоминает о значении постановлений Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о школе для коренного улучшения работы школ Молдавии и для осуществления культурной революции в нашей стране. Автор не показал напряженной работы партийных, комсо-

мольских и профсоюзных организаций и всей общественности в период 1924—1930 гг., работы, направленной на ликвидацию неграмотности и малограмотности, а работу по ликвидации неграмотности, осуществленную в 1930—1931 учебном году, свел фактически только к созданию условий для развития такой работы (стр. 46). Ф. С. Омельчук обошел такой важный вопрос, как роль шефства города над деревней, о роли шефских бригад, культпоходов в повышении культурного уровня трудящихся, в осуществлении всеобщего начального обучения, особенно ликвидации неграмотности.

Схематично и поверхностно описан параграф о воспитании кадров советской интеллигенции. Автор не показал роль комвуза и совпартшколы в деле подготовки партийных, советских и комсомольских кадров, роль районных колхозных школ в подготовке массовых колхозных и механизаторских кадров. Большую помощь, оказавшую Молдавии высшими и средними специальными учебными заведениями Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и других городов Советского Союза в подготовке квалифицированных кадров, Ф. С. Омельчук свел только к присылке учителей из РСФСР и УССР для работы в русских и украинских школах.

В работе упущен вопрос огромной помощи, которая была оказана Молдавии братскими республиками кадрами партийных, советских и комсомольских работников, врачей, агрономов, инженеров, среднего технического и медицинского персонала, преподавателей высших и средних учебных заведений, а также вопрос о кадрах из местного населения, подготовленных высшими и средними учебными заведениями РСФСР и УССР. Эти кадры сыграли огромную роль в осуществлении культурной революции в Молдавской АССР.

Глава третья посвящена описанию работы по коммунистическому воспитанию молдавского народа. В ней автор указывает на огромное значение, которое придает Коммунистическая партия делу воспитания советского народа в духе коммунизма. Он пишет, что для проведения культурно-просветительной работы в районах и селах Молдавской АССР была создана широкая сеть политико-просветительных учреждений, в которых проводилась большая политико-просветительная работа. Автор правильно отмечает значение печати, литературы, искусства для воспитания трудящихся Молдавии. Он указывает на огромное значение выхода в свет «Краткого курса» Истории ВКП(б) и Постановления ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выходом «Краткого курса Истории ВКП(б)» в воспитании наших кадров и всего советского народа.

Указав на невыносимо тяжелое положение трудящихся западных районов Молдавии, находившихся под игом румынских захватчиков, Ф. С. Омельчук правильно подчеркивает, что Советское правительство мирным путем разрешило вопрос о возвращении Бессарабии Советскому Союзу и 28 июня 1940 г. освободило трудящихся западных районов Молдавии, вернуло их в семью братских народов нашей страны и дало им возможность воссоединиться со своими братьями из восточных районов в состав единой Молдавской Советской Социалистической Республики. Он подчеркивает значение Молдавской АССР для образования Молдавской ССР и огромное значение этого события в жизни молдавского народа.

Однако и эта глава не лишена некоторых ошибок. В ней автор больше показывает количество культурно-просветительных учреждений,

кружков, газет, журналов, их рост, чем их роль в воспитании трудящихся. Совершенно правильно отметив, что Октябрьская социалистическая революция открыла широкие просторы для расцвета литературы и искусства всех народов Советского Союза, Ф. С. Омельчук неправильно утверждает, что народная молдавская литература родилась вместе с организацией Молдавской АССР (стр. 69). Общеизвестно, что молдавская народная литература, как и литература других братских народов, существовала много столетий до этого. Непонятно зачем понадобилось автору замалчивать это наследство молдавского народа.

В главу «Коммунистическое воспитание молдавского народа» автор включил отдельный параграф: «Молдавская АССР — исторический этап на пути образования Молдавской Советской Социалистической Республики». Параграф совершенно не соответствует главе, а материал, изложенный в нем, охватывающий период от 1918 до 1940 г., не соответствует его названию. Данный материал очень важный и необходимый, но он больше подходит для заключения к книге, чем для параграфа к третьей главе.

В данном параграфе у автора проявляется тенденция к преуменьшению роли трудящихся братских советских республик в освобождении западных районов Молдавии из-под ига румынских захватчиков, к недооценке значения опыта социалистического строительства всей нашей страны для трудящихся западных районов Молдавии. Ф. С. Омельчук пишет, что трудящиеся Молдавской АССР не забывали о своих братьях, томившихся под игом румынских бояр. Это верно, но об этом не забывали не только трудящиеся Молдавской АССР, а и трудящиеся всего Советского Союза. Остановившись на успехах социалистического строительства в западных районах Молдавии после их освобождения, автор неоднократно подчеркивает значение опыта Молдавской АССР для этих успехов и обходит значение опыта РСФСР, Украинской и других братских республик.

Крупным недостатком книги Ф. С. Омельчука является то, что в ней не показаны идейно-политические основы советской культуры, не освещены основные мероприятия большевистской партии и Советского правительства в области культурного строительства в Молдавии до 1924 г. Автор не раскрывает сущность ленинско-сталинской национальной политики, а ограничивается отдельными словами по этому вопросу.

Ф. С. Омельчук не показал на конкретном материале помощь русского, украинского и других братских народов молдавскому народу. Материал о национально-культурном строительстве в Молдавской АССР автор часто излагает без должной связи с общесоюзным материалом и без необходимой системы.

В книге есть много и редакционных неполадок. Например, автор пишет: «В нашей республике осуществлена подлинная культурная революция. Она вывела Молдавию на широкую дорогу социалистического развития и обеспечила ей почетное место в семье 16 братских советских социалистических республик» (стр. 4). Как могла культурная революция в Молдавии вывести ее на широкую дорогу социалистического развития. Ведь общеизвестно, что основой всех успехов социалистического строительства и культурной революции Советской Молдавии, как и в других советских республиках, явилась победа Великой Октябрьской социалистической революции, победа социализма в нашей стране, и осуществление ленинско-сталинской национальной политики большевистской партии. Далее автор пишет:

«Одесский Облнеполком, в состав которого входили молдавские районы» (стр. 8). Видимо, он хотел сказать, что молдавские районы входили в Одесскую губернию. Так и надо писать, а не писать, что они входили в Одесский Облнеполком.

Ф. С. Омельчук утверждает, что «На Украине не было ни одной крупной стройки, которая не получила бы известия из Молдавии» (стр. 19). Нельзя согласиться с таким утверждением автора, ибо продукция извести Молдавии составляла лишь 38,2 процента всей продукции извести Украины.

Оценивая книгу Ф. С. Омельчука в целом, надо признать, что ее выход в свет — положительное явление.

Книга поможет пропагандистам, интеллигенции, а также широкому кругу читателей в изучении вопросов национально-культурного строительства в Молдавской АССР, хотя недостатки и ошибки, имеющие место в книге, бесспорно снижают ее ценность.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал речензией кандидатулуй ын штиниць историче С. Я. Афтенюк асупра кэрций луй Ф. С. Омельчук «Дизволтаря културий сочиалисте ын РСС Молдовеняскэ» (Едитура «Шкоала Советикэ», 1950, паж. 91).

Картя луй Ф. С. Омельчук ый уна дин челе динтий ынчеркэрь де а арэта префачериле марь ын доменул културал ын РСС Молдовеняскэ (а. 1924—1940). Ын аяста-й валоаря кэрций.

Тотуш картя концыне мулте липсурь, ун рынд де грешель.

Ауторул фаче грешель ын трагедия ынтрэбэрий деспре окупаря Басарабией де кэтре Ромыния ын анул 1918, ын прецурия моштенерий културале а породулуй молдовенеск. Ый таре слаб арэат ролул луй Г. И. Котовский ын формаря РСС Молдовенешть. Слаб ый арэат ажуторул, дат де кэтре РСФСР ши де РСС Украиняне Молдовей. Ауторул кэрций аре тендинца де а супрапрецуи ынсэмнэтатя РАСС Молдовенешть ын зыдирия сочиалисте ын райоанеле де асфинцит але Молдовей.

Н. Н. ВЛАДИМИРСКАЯ — «НАРОДНОЕ ЖИЛИЩЕ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНАХ МОЛДАВИИ»*

В нашей научной литературе вопрос о народных молдавских жилищах до сего времени не получил сколько-нибудь удовлетворительного освещения. Статья Н. Н. Владимирской «Народное жилище в центральных районах Молдавии» — одна из первых попыток обобщить материал по этому важному вопросу. Автор останавливается на некоторых особенностях молдавского народного жилища в центральных районах Молдавии, пытается показать художественный вкус и творческую изобретательность народных мастеров, их умение красиво оформлять и рационально использовать местный строительный материал. Для подтверждения своих положений автор привлекает иллюстративный материал богатой архитектуры молдавского народного жилища, о специфике местной строительной традиции.

Поэтому следовало бы приветствовать появление статьи Н. Н. Владимирской, отражающей народное творчество молдаван в строительном деле, в архитектуре и в орнаментации. При разработке новых типов колхозного жилища проектные организации должны учитывать богатую народную традицию.

Но, к сожалению, рецензируемая статья не лишена существенных недостатков. Стремясь показать сложившийся тип молдавского народного жилища в центральных районах Молдавии, автор иллюстрирует это на примере семи домов, находящихся в селах: Фурчену, Жалобок, Бронешты, Оргеевская, Слободзея. Н. Н. Владимирская старается убедить читателя, что подобного рода дома являлись типичными для всех слоев молдаван. Так, на стр. 81 автор пишет: «Жилые дома района реки Реут, от Оргеева до Устья, являются в большинстве случаев домами стандартного типа как в решении плана, так и фасада».

Такое утверждение автора вызывает недоумение у читателя, так как он знает, что при той нищете, в которой находились трудящиеся крестьяне-молдаване при царизме и, особенно, в период оккупации Бессарабии румынскими боярами (1918—1940 гг.) и немецко-румынскими фашистами (1941—1944 гг.), не могли появиться «в большинстве случаев» такие богато отделанные дорогостоящие стандартные дома. Подобного рода ошибка могла появиться у Н. Н. Владимирской в результате некритического использования статьи М. Я. Салманович «Жилище коренного населения Молдавской ССР», опубликованной в журнале «Советская этнография» № 4, 1947 г., в которой автор также пытается установить стандартность молдавского народного жилья, упуская социальный фактор. На стр. 214 М. Я. Салманович пишет: «Размер

* Жилой дом № 2, Государственное издательство Архитектуры и Градостроительства, Москва, 1950, стр. 75—91.

11,50×5,50 м. в Молдавии почти стандартный». В действительности подобного рода размеры жилья в прошлом были характерны только для более зажиточной части населения Молдавии.

К сожалению, это не единичный пример некритического использования статьи Н. Я. Салманович. Не указывая источника, в отдельных случаях, Н. Н. Владимирская почти дословно перенесла в свою работу ошибочные положения Н. Я. Салманович. Так, например, на стр. 76 в статье Н. Н. Владимирской читаем: «Жуг» способствует тому, что стены дома получаются ровными, как бы по отвесу. Когда стены готовы, их с обеих сторон обмазывают глиной, смешанной с конским навозом или с рубленной соломой. Цоколь остается без обмазки. Пол устраивают из земли, которую тщательно разравнивают; затем его смазывают глиной с навозом, а поверх покрывают глиной с песком».

При сличении с соответствующими местами работы Н. Я. Салманович читаем следующее: «Жуг» способствует тому, что стены дома получаются ровными, как бы по отвесу. Когда стены готовы, их с обеих сторон обмазывают глиной, смешанной с конским навозом или половой. Фундамент остается без обмазки. Пол устраивают из выброшенной из канав земли. Ее хорошо разравнивают, смазывают глиной с навозом, а поверх еще — глиной с песком» (стр. 211).

«Жуг», вернее жюг в строительном деле представляет собой деревянную раму, имеющую сходство с ярмом, откуда она и получила свое название. При возведении стен домов несколько таких рам употребляются для удержания двух параллельных досок, куда забрасывается строительный материал (народное произношение «жюг»), чем во многом облегчается кладка стен. Но «жуг», как и любая рама, не гарантирует вертикальность стен и тем самым не заменяет собой отвеса, которым молдаване-строители пользуются всегда при возведении стен любого здания.

Также неправдоподобно описано Н. Н. Владимирской устройство земляного пола. Никак нельзя ограничиться при устройстве пола только тщательным разравниванием земли без того, чтобы ее после этого не утрамбовать смесью глины с песком, а затем только смазать глиной с песком.

Таким образом, мы видим, что в рецензируемой статье, описывая строительную технику, автор всецело повторяет ошибочные положения М. Я. Салманович.

В заключение следует отметить еще один недостаток статьи Н. Н. Владимирской. Хотя приведенные ею образцы домов принадлежали преимущественно зажиточным крестьянам, тем не менее они воздвигались молдавскими сельскими тружениками, художественное и архитектурное оформление этих домов дело рук каменотесов художников — резчиков из народа. Н. Н. Владимирская неоднократно восхищается большим искусством и высоким мастерством молдавских народных строителей, но, к сожалению, нигде не указывает конкретные имена лучших из них, не указывает, что это за люди, как они, перенимая многолетний опыт у своих отцов, дедов и прадедов, и со временем обогащая этот опыт, становились подлинными мастерами народного творчества.

КОНЦЫНУТУЛ СКУРТ

ал рецензией луй Н. Ф. Николаев асупра артиколулуй луй Н. Н. Владимирская «Локуинца народникэ ын райоанеле централе але Молдовей».

Ын рецензие Н. Ф. Николаев критикэ артиколул архитектурулуй Н. Н. Владимирская «Локуинца народникэ ын райоанеле централе але Молдовей» публикат ын журнал. Речензентул аратэ, кэ ын лукраря аста, де рынд ку материалул илюстратив позитив, се фак афирмаций аполитиче, липсеште принципиул де класэ ын тратаря проблемелор, унорь есте фолосит материал грешит луат дин лукраря луй М. Я. Салманович, фэрэ а фи арэатат изворул.

Ын фонд артиколул архитектурулуй Н. Н. Владимирская дупэ пэ-реря речензентулуй н'а атинс целул урмэрит де ажуртор.

ХРОНИКА

В. Н. ЕРМУРАТСКИЙ

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИСТОРИКОВ МОЛДАВИИ

Вожди мирового пролетариата Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин всегда придавали исключительное значение революционной теории, как маяку, освещающему путь революционной борьбы рабочего класса за низвержение капиталистического строя и за построение коммунизма, «...теория, — пишет И. В. Сталин, — если она является действительно теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела»*.

Новые задачи, которые возникают в социально-экономической жизни общества, подлинная наука должна решать творчески, с учетом всех конкретных условий новой исторической обстановки.

Еще в 1886 г. в письме к Зорге Фридрих Энгельс писал о том, что нельзя превращать теорию в догму и подходить «к ней доктринерски и догматически, считая... этого уже достаточно на все случаи жизни»**, Ленин и Сталин рассматривали теорию Маркса как руководство к действию, как творческое, развивающееся учение.

«Мы, — писал Ленин, — вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»***.

Эту великую задачу дальнейшего творческого развития марксизма применительно к новым историческим условиям и выполняли великие корифеи науки — В. И. Ленин и И. В. Сталин.

В. И. Ленин раскрыл сущность и дальнейшие черты монополистического капитализма, раскрыл действие закона неравномерности экономического и политического развития при империализме, показав, что империализм есть канун социалистической революции. В. И. Ленин создал новую законченную теорию социалистической революции, теорию о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране.

В борьбе с врагами рабочего класса В. И. Ленин отстоял, развил дальше и поднял на более высокую ступень марксистскую философию.

Обобщая богатейший опыт социалистического строительства в СССР, борьбу международного пролетариата в современных условиях и новые данные развития капиталистической системы, товарищ Сталин неустанно двигал марксистско-ленинскую теорию вперед, обогащая ее новыми положениями и выводами. Развивая дальше теорию о возмож-

* И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 142.

** Маркс и Энгельс, Избранные письма, 1948, стр. 396.

*** В. И. Ленин, Соч., т. 4, изд. 4, стр. 191.

ности победы социализма в одной стране, И. В. Сталин научно доказал возможность построения коммунистического общества в нашей стране даже при наличии капиталистического окружения и указал пути построения коммунизма.

Неоценимым вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, высшим достижением научной мысли является классический труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В этой работе дан глубокий и всесторонний анализ экономических законов советского социалистического общества, законов общественного производства и распределения материальных благ при социализме, гениально определены научные основы развития социалистической экономики и пути постепенного перехода от социализма к коммунизму. И. В. Сталин открыл и сформулировал основной экономический закон социализма и основной экономический закон современного капитализма, дал глубокий анализ общего кризиса капитализма, причин, вызывающих дальнейшее его углубление, распад единого всеохватывающего мирового рынка и создание двух параллельных, противостоящих друг другу мировых рынков, — стран демократического лагеря и стран агрессивного империалистического лагеря.

Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», его историческая речь на XIX съезде и решения XIX съезда КПСС, обогащая марксистско-ленинскую науку, открывают широчайшие перспективы для дальнейшего развития и подъема на новую ступень всех отраслей науки, и исторической в частности. Весь советский народ и народы стран народной демократии, все передовое человечество с глубочайшим вниманием изучают эти всемирно-исторические документы. Историки-марксисты с огромным вниманием изучают труд И. В. Сталина, работают над творческим его применением в своей практической работе.

В настоящее время, когда историки Молдавии работают над созданием второго тома Истории Молдавии, огромное значение для успеха их труда имеют неоценимые руководящие и основополагающие указания И. В. Сталина как в методологическом, так и в конкретно историческом отношении, сделанные им в новом труде.

В целях более глубокого уяснения проблем, поставленных и решенных И. В. Сталиным, историки Молдавии сделали первый шаг — провели научную сессию, посвященную изучению проблем истории в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

* * *

23 и 24 декабря 1952 г. в Кишиневе состоялась научная сессия, посвященная изучению проблем истории в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решений XIX съезда КПСС. В работе сессии приняли участие научные сотрудники Института истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР и работники кафедр истории Кишиневского государственного университета, Кишиневского пединститута и Республиканской партийной школы, а также преподаватели истории школ города Кишинева.

На сессии было заслушано 11 докладов. Сессию открыл кандидат исторических наук Я. С. Гросул (Молдавский филиал АН СССР) докладом на тему: «Труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — великий вклад в марксистскую науку».

Охарактеризовав значение работы И. В. Сталина для науки в целом и для исторической науки, в частности, докладчик остановился на задачах научных работников и преподавателей истории, вытекающих из работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Докладчик указал на то, что необходимо пересмотреть все рукописи научных работ, подготовляемые к печати, в частности курс «Истории Молдавии», т. II, а также перестроить курс преподавания истории в вузах и школах в свете положений нового труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

С докладом «Некоторые вопросы преподавания древней истории в свете гениального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»» выступил старший преподаватель Кишиневского пединститута И. М. Шлаен. Главное внимание докладчик уделил попытке выяснения основных черт экономического закона рабовладельческого общества. Докладчик привел ряд примеров наличия товарного производства в рабовладельческом обществе и указал на его значение для экономики рабовладельческой формации. Докладчик отметил, что высказывание И. В. Сталина о наличии товарного производства в рабовладельческом обществе разоблачает антинаучные концепции буржуазных историков, которые находят капиталистическое хозяйство даже в древнем мире (Вавилон, Карфаген, Афины).

Кандидат исторических наук А. В. Репида (Молдавский филиал АН СССР) сделал доклад на тему: «Некоторые замечания к учебнику истории СССР т. I, для вузов в свете гениального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»». Докладчик обратил внимание участников сессии на ошибки в учебнике истории СССР, т. I, для вузов, в частности он остановился на вопросе о неправильной трактовке в учебнике роли товарного производства при феодализме, на переоценке роли внеэкономического принуждения в условиях феодального общества, а также на ряд других неточностей.

Кандидат исторических наук В. М. Сенкевич (Госуниверситет) сделал доклад на тему: «О значении работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»» для изучения и преподавания истории СССР эпохи капитализма. Докладчик остановил свое внимание, главным образом, на вопросе о происхождении капитализма в России. По вопросу о датировании хронологических рубежей зарождения капитализма до сих пор существовали различные точки зрения. В своем докладе тов. Сенкевич, исходя из указания И. В. Сталина, подверг критике высказывания разных историков по этому вопросу. Правильно отметив имеющиеся неясности и разноречивые утверждения, докладчик, к сожалению, не высказал своей утвердительной точки зрения в части генезиса капитализма в России, тогда как это еще больше приковало бы внимание участников к затронутым вопросам.

Старший преподаватель Республиканской партийной школы С. И. Новиков прочитал доклад на тему: «Значение работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» для преподавания курса истории СССР пореформенного периода». (Доклад написан совместно с И. Г. Будак).

Докладчик отметил, что в учебниках по истории СССР под редакцией профессора М. В. Нечкиной (т. II) и под редакцией члена корреспондента АН СССР А. М. Панкратовой (ч. II), при изложении истории развития капитализма в деревне мало уделяется внимания таким вопросам, как аренда и покупка земли крестьянами, противоположности между городом и деревней, а при изучении развития капита-

лизма в промышленности — вопросу о распространении наемного труда; о положении наемных рабочих, а также классовой борьбе. В свете работы И. В. Сталина этим вопросам в процессе преподавания следует уделять больше внимания.

Кандидат исторических наук Н. А. Мохов (Молдавский филиал АН СССР) выступил с докладом «Значение работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» для изучения истории Молдавии».

Докладчик подверг критике вузовский учебник по истории СССР т. I под редакцией акад. Б. Д. Грекова, в котором, например, авторы избегают употребления термина «товарное производство», в силу чего остается совершенно непонятным, откуда же брались товары для торговли (например, при описании торговли Киева, Новгорода и Пскова). Игнорирование существующего при феодализме товарного производства неизбежно приводит к грубой методологической ошибке. Так, например, экономика средневекового города характеризовалась авторами учебника, главным образом, по торговому обращению, а не по характеру производства. Далее докладчик указал на аналогичные ошибки, допущенные в первом томе «Истории Молдавии», где при изложении истории эпохи феодализма авторы также не говорят о «товарном производстве». В учебнике неоднократно выделяется особыми подзаголовками описание развития торговли, но ни разу не выделено описание товарного производства.

Докладчик отмечает, что в ряде мест учебника «Истории Молдавии» т. I следует больше уделить внимания рассмотрению форм земельной собственности и более четко сформулировать значение внеэкономического принуждения. Далее докладчик указывает на ряд изменений, которые, по его мнению, должны быть внесены в I том «Истории Молдавии» в связи с открытием основного экономического закона современного капитализма (в главах XXIV, XXV и XXVI). В книге совершенно не показана эксплуатация деревни городом в условиях капитализма. Первый том «Истории Молдавии» по мнению докладчика нуждается в серьезной переработке в соответствии с положениями труда И. В. Сталина.

Доклад кандидата исторических наук А. М. Малькова (Госуниверситет) был посвящен вопросу «Значение трудов И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР» и речи на XIX съезде КПСС для изучения истории Октябрьской социалистической революции». В докладе «Значение работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» для преподавания курса истории СССР советского периода» кандидат исторических наук А. В. Симонов (Госуниверситет) изложил свои соображения по поводу того, какие изменения должны быть внесены в программу курса истории СССР советского периода. В частности, в разделе «Иностранная интервенция и гражданская война» по вопросу о поддержке нашей страны иностранными рабочими в годы гражданской войны докладчик предложил подчеркивать указание И. В. Сталина о единстве национальных и интернациональных задач рабочего класса, данное им в речи на XIX съезде КПСС.

С докладом на тему: «Некоторые вопросы новой и новейшей истории в свете учения И. В. Сталина об основном экономическом законе капитализма» выступил старший преподаватель А. М. Миркинд (Республиканская партийная школа).

Докладчик иллюстрировал действие основного экономического зако-

на капитализма рядом примеров из истории конца XIX и начала XX в. Он отметил, что учение И. В. Сталина об основном экономическом законе современного капитализма наносит смертельный удар ложным социал-демократическим «теориям» «организованного капитализма», «хозяйственной демократии», «демократического социализма» и т. п.

Научный работник В. Н. Ермуратский (Молдавский филиал АН СССР) выступил с докладом «Об объективности законов развития общества».

Кандидат исторических наук С. Я. Афтениук (Пединститут) прочитал доклад на тему: «Дальнейшее развитие И. В. Сталиным учения о постепенном переходе от социализма к коммунизму в труде «Экономические проблемы социализма в СССР»».

Выступившие в прениях указали на своевременность постановки вопросов на сессии, одновременно справедливо было обращено внимание на необходимость предварительного ознакомления участников сессии с текстами или тезисами докладов, что способствовало бы более активному обсуждению затронутых вопросов.

* * *

Проведенная научная сессия — лишь первый шаг в деле более глубокого и всестороннего изучения гениального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в деле творческого освоения методологических указаний в работах по истории Молдавии.

Работа научной сессии показала, насколько огромны и ответственны задачи, стоящие перед историками Молдавии, успешное выполнение которых зависит от повседневной работы историков над повышением своего теоретического уровня.

Первостепенная задача историков Молдавии состоит в том, чтобы исходя из гениальных положений нового труда И. В. Сталина, подвергнуть суровой, партийной критике свои недостатки и ошибки в прежних работах и повысить теоретический уровень лекций по истории. Авторы первого тома «Истории Молдавии» должны пересмотреть первое издание и устранить имеющиеся в нем недостатки.

В настоящее время необходимо коренным образом пересмотреть рукопись «История Молдавии», т. II и внести нужные исправления в свете указаний И. В. Сталина, данных им в работе «Экономические проблемы социализма в СССР».

Н. А. ДИМО,
академикОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ И СТУДЕНТОВ
КИШИНЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

К истории Волго-Донского канала

Строительство одной из величайших строек коммунизма — Волго-Донского канала вызвало у научных работников и студентов интерес к истории первых попыток строительства этого канала, к изучению природных условий и характера местности, по которой намечалось провести канал в прошлом и по которой он проведен в настоящее время.

Кстати сказать, при чтении учебника по истории СССР* для вузов создается ошибочное представление, что Петр I задумал построить именно тот канал, строительство которого завершено в наши дни. На стр. 556 Истории СССР написано: «В 1698 г. началась постройка канала между Волгой и Доном, недалеко от Царицына. С началом Северной войны Волго-Донской канал был заброшен».

В этой цитате двойная ошибка: Петр I не проектировал соединение каналом непосредственно Волги и Дона у Царицына. Этот проект — детище советской власти и коммунистической партии.

Вторая ошибка состоит в том, что Петр I приступил к строительству канала не у Царицына, а на 160 километров севернее — на р. Иловле, притоке Дона, чтобы соединить эту реку с р. Камышенкой, впадающей в Волгу.

В литературе XVIII в. содержатся достаточно точные сведения и описания проекта канала и местности, по которой он должен был проходить. Так, например, в 70-х годах XVIII в. Академия наук издала «Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, в 1768 и 1769 г.». (Второе издание вышло в С.-Петербурге в 1795 г.).

О своей поездке от Борисовских хуторов на р. Иловле к городу Дмитровску (Камышину) Лепехин пишет: «Дорога к нему лежала подле заведенного канала еще блаженные и вечнодостоинные памяти государем императором Петром Великим в намерении соединить реку Камышенку, впадающую в Волгу, с Иловлюю, которая свои изливает воды в Дон, и тем открыть сообщение внутренних Российских мест с Азовским и Черным морями, и так далее. Каналов заведено два, из которых один нарочито вырыт глубоко, и в нем беспрестанно стоит вода, заходящая в половодье из разливающейся Иловли. Другой — прорыт не так глубоко и совсем безводен. Оба конца сих каналов еще не доведены до их предмета, то есть, ниже до Иловли, ниже до Камышенки. Не мое дело, да и сил недостает говорить о сем столь важном для нашего отечества предприятии. Оно остается искусным в таких делах мерителем...».

* История СССР, т. I, Институт истории АН СССР и кафедра истории СССР МГУ, ОГИЗ, 1947 г.

Во времена Петра I строился один «глубокий» канал. А второй — «неглубокий», проходящий вблизи этого канала, известен в Поволжье под названием Селимовского канала. Он был начат постройкой в 1571 г. под названием Селимовского канала. Он был начат постройкой в 1571 г. султаном Селимом, при набеge турок совместно с крымскими татарами на Русь. Они поднялись по р. Дону и Иловле на лодках. Здесь они думали прорыть канал, овладеть пристанью на Волге и захватить Астрахань.

В журнале «Академические Известия на 1780 год», ч. V, содержатся краткие извлечения из отчетов академиков Гмелина младшего, Георги и Гильденштета, посетивших Волгу и Дон.

Они дали сведения о местности между Доном и Волгой до Царицына и района г. Дмитровска (с 1780 г. переименованного в Камышин) между Волгой и притоком Дона р. Иловлей.

«Для облегчения торговли по Каспийскому и Черному морям намерен был государь Петр Великий соединить Дон с Волгой посредством канала, который думали провести от Ивановского озера, из коего Дон вытекает. Потом делан был опыт над соединением на такой же конец Иловли, в Дон впадающей, и Камышенки, в Волгу протекающей, и отдельная часть сего канала видна еще и теперь. В новейшие же времена рассматривали вновь возможность соединения сих двух главных рек, а вместе с ними и упомянутых морей, академик Ловиц и г. адъютант Иноходцев, но труд их по причине бывших на Волге беспокойствий остался незавершен.

Они усмотрели, что местоположение р. Дона на пятьдесят футов выше супротивного местоположения Волги и, следовательно, судам должно бы проходить через шлюзы по воде Дона, который и без того летом бывает маловоден».

В 1770 г. Академия наук поручила академиком Ловицу Г. М. и Иноходцеву П. Б. исследовать район, где находился «знатный канал, начатый Петром I для соединения реки Волги с Доном...». Ловиц производил нивелировку между Волгой и Доном.

В издании: «Список населенных мест Российской империи» (выпуск XXXVIII, Саратовская губерния. СПб, 1862 г.) описывается: «Более всего замечательна Иловля тем, что в продолжении 150 лет неоднократно обращалось к ней внимание правительства в видах соединения Волги с Доном. В 1698 г. после взятия Азова Петр I поручил немецкому инженеру Брекелю прорыть канал от речки Камышенки, при устье которой стоит город Камышин, к речке Иловле, но Брекель, ничего не сделав, тайком уехал из России с чужим паспортом.

Великая северная война и потом новосозданный Петербург отвлекли внимание Петра от этого проекта и работы наконец были оставлены вовсе. Следы канала еще не изгладились и доселе...»

Многие проезжавшие по возвышенности правого берега р. Волги видели крупное сооружение в виде глубокого и широкого рва и насыпанного за ним с севера высокого вала. Некоторые считали это следами канала. В описаниях местности появлялись даже записи о следах петровского канала из Дона в Волгу. Действительно, между Царицыным через весь водораздел и доныне сохранилось крупнейшее сооружение конца XVII века — Царицынская сторожевая линия. Вот как описал это сооружение Иван Лепехин, спустя почти сто лет после его постройки. «Из Иловлинской станции ехали мы через 14 верст до Донской крепости, которая близ самого Дона построена. От сей крепости начинается так называемая Царицынская линия, которая продолжается через шестьдесят верст даже до самой Волги. Линия сия состоит из земляного вала с палисадом, имеет еще четыре крепости: Мечетную, Грачи,

Калдыбанскую и Осокорь. Между сими земляными крепостями поставлено 25 форпостов».

Остатки Царицынской сторожевой линии послужили рубежами в сбороне Царицына во время гражданской войны и Сталинграда во время Отечественной войны. Но это не остатки Волго-Донского канала.

Торжество в Академии наук в 1777 году по поводу побед за освобождение Молдавии

В истории Молдавии разгром русской армией турецкой армии у Ларги (7 июля 1770 г.) и 21 июля 1770 г. у Кагула и у Исакчи, является важным этапом в истории освобождения края от многовекового турецкого ига.

В Академии наук 18 (28 нов. ст.) октября 1777 г. состоялся смотр сооруженной башни, где был установлен славившийся большой Готторпский глобус. Внутренность этого огромного глобуса (панорама с круговым движением) «представляла... освещенные прозрачно живописные изображения». Среди них находилась картина: «Переделка Молдавии взятых у турок пушек в деньги» с надписью в рифмах.

«Из сих гремющих жерл в неистовстве своем,
Враги без пользы смерть на Россов посылают,
Минерва вопреки блеснула копьем
И се богатства к нам оттуда истекают».

В войне с Турцией русскими войсками было захвачено значительное количество медных пушек. Только в боях под Кагулом на реке Ларге было захвачено 140 пушек, а у Исакчи — 127. Пушки были перелиты в монеты.

Перед входом в башню на одном из обелисков был изображен Марс, держащий в одной руке щит с орлом, а другой указывающий на пальмовое дерево, на вершине которого и между извивающимися ветвями были помещены надписи о победах: Кагул, Турно, Ларга, Молдавия, Валахия, Болгария, Бендеры, Крым и другие. Марс изображен навешивающим на пальму щит с годом Кучук-Кайнарджийского мира 10 июня 1774 г.

Сообщаемые сведения весьма красочно и ярко описаны в журнале «Академические известия на 1780 год» часть VI, стр. 83—92.

* И. В. Лепехин упоминает только вал. За ним был вырыт широкий и глубокий ров, обращенный на юг. Его глубина еще в 1902 г. во время моих работ вблизи Царицына достигала 6—8 м.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Д. Е. Шемяков — Аграрное движение в Тираспольском уезде в 1905—1907 гг.	3
Н. А. Мохов — Восстание украинских и молдавских крестьян под руководством Мухи в 1490—1492 гг.	17
Г. Б. Федоров — Из итогов работ славяно-днестровской археологической экспедиции в 1950—1951 гг.	41
И. И. Мецериук — Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX в.	65
С. Э. Левит и Б. М. Березин — Из истории борьбы трудящихся Бессарабии против военной интервенции Антанты в начале 1919 г.	99
Б. М. Березин — Из истории революционной деятельности Павла Ткаченко в Кишиневе (1919—1920 гг.)	113
Ф. А. Грекул — Ценное известие о классовой борьбе в феодальной Молдавии.	123

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Я. С. Гросул и Н. Д. Ройтман — За правильное освещение вопросов истории Молдавии	127
С. Я. Афтенюк — Ф. С. Омельчук «Развитие социалистической культуры в Молдавской АССР»	135
Н. Ф. Николаев — Н. Н. Владимирская — «Народное жилище в центральных районах Молдавии»	143

ХРОНИКА

В. Н. Ермуратский — Научная сессия историков Молдавии	147
Н. А. Димо — Ответы на вопросы научных работников и студентов Кишиневского Государственного университета	153

✓

Ответственный за выпуск Л. Брагина
Тех. редактор М. Мандельбуаи
Корректор И. Шварцман

Сдано в набор 25/IX-1953 г. Подписано к печати 28/I-1954 г. АБ07609.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆=4,88 бум. л.—13,35 печ. л.—уч.-изд. л. 12,01.
Тираж 1000. Цена 8 руб. 40 коп. Заказ № 956.

Полиграфкомбинат, Кишинев, Могилевская, 35.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
14	4 сверху	силой*	силой**
31	17 сверху	этим борьбу	этим борьбу
61	21 и 23 снизу	Кирькова Кирьков	Кирьанова Кирьанов
70	11 сверху	Ноу	Векъ
73	6 снизу	Наган	Натан
144	5, 7, 14 сверху	Н. Я. Салманович	М. Я. Салманович
144	25 и 26 сверху	материал (народное произношение „жюг“)	материал, чем во-м облегчается кладка Но „жуг“ (народное п ношение „жюг“), к любая...

К сборнику „Известия Молдавского филиала Академии Наук СССР“, (11—12).